

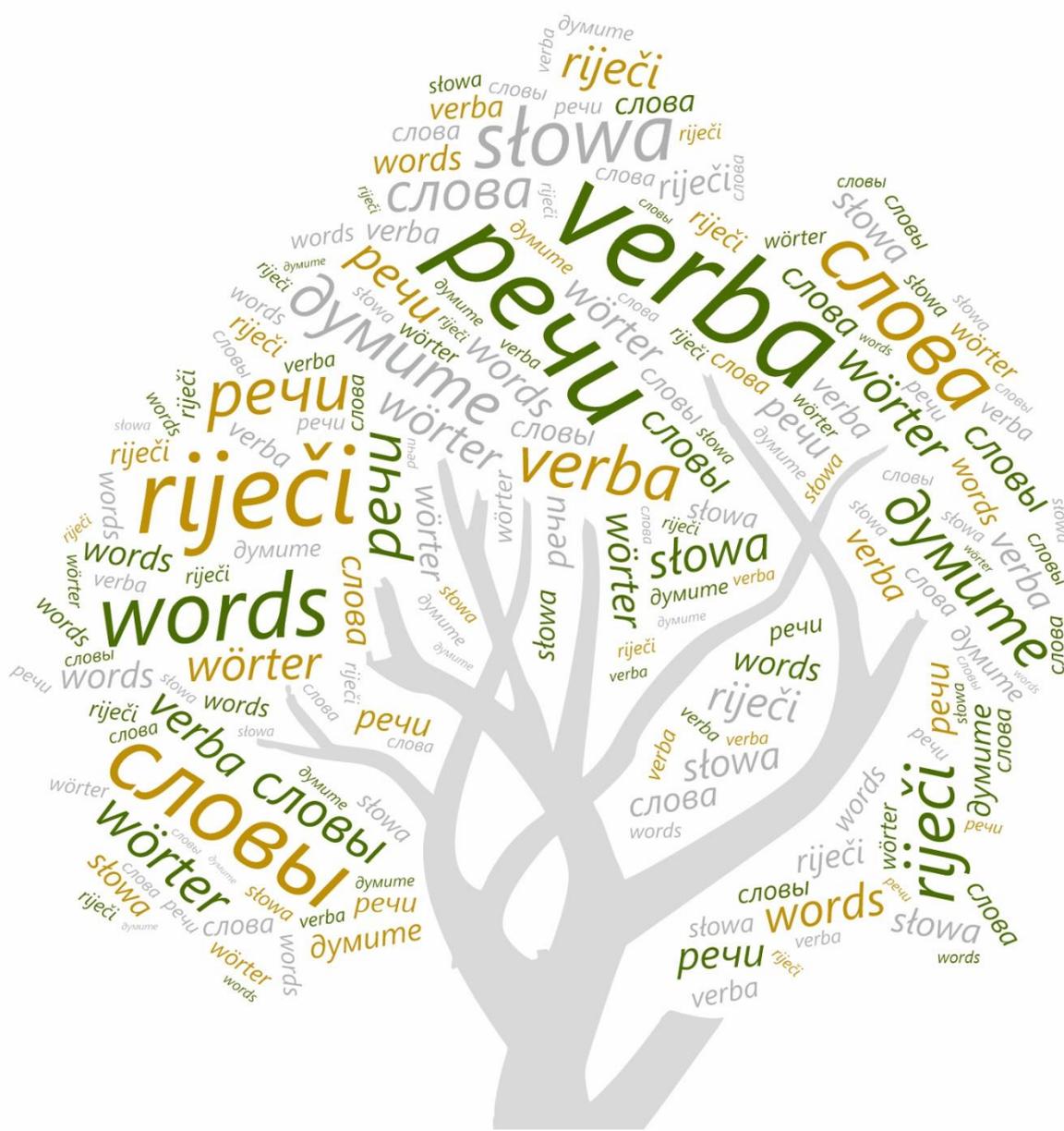

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 5(10) 2023

ISSN 2713-0665 (Online)

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

Сетевое периодическое научное издание

5(10) 2023

ISSN 2713-0665 (Online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ

Эл № ФС77-80208 от 22.01.2021 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2021 г.

Периодичность: не менее 2 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Б. Санкт-Петербургская, д. 41,
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1216
тел.: +7(8162) 33-88-30 (доб. 2294)
E-mail: verba@novsu.ru

Сайт издания: <https://VERBA.PRESS>

Редакторы перевода: О. Наволоцкая

Дизайн обложки: В. Фромов

Макет, верстка: Д. Ванюшкин

Разработка сайта: А. Ни

Дата выхода: 29.12.2023

© НовГУ, 2023

© Авторы статей, 2023

Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Т.В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В.И. Макаров, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

А. Бирих, доктор филологических наук, профессор; Трирский университет, Трир, Германия

Х. Вальтер, доктор филологических наук, профессор; Университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Грайфсвальд, Германия

В.Л. Васильев, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Заика, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Коваль, доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

К. Кусаль, доктор филологических наук, профессор; Гуманитарно-экономическая Академия, Лодзь, Польша

В.И. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Т.Г. Никитина, доктор филологических наук, профессор, профессор; Псковский государственный университет, Псков, Россия

Б.Ю. Норман, доктор филологических наук, профессор; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

М. Рак, доктор филологических наук, профессор; Ягеллонский университет, Краков, Польша

Ж. Финк, доктор филологических наук, профессор; Загребский университет, Загреб, Хорватия

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

online scientific journal

5(10) 2023

ISSN 2713-0665 (Online)

Extract from the register of registered mass media

El № FS 77-80208 of 22.01.2021. The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Founded: 2021

Frequency: at least 2 times a year

FOUNDER AND EDITOR

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University" (NovSU)

ADDRESS OF THE FOUNDER AND EDITOR

173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41,
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

CORRESPONDING ADDRESS

Russia, 173003, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University, B. Sankt-Peterburgskaya St.,
41, of. 1216
tel.: +7(8162) 33-88-30 (ext: 2294)
E-mail: verba@novsu.ru

Website of edition: <https://VERBA.PRESS>

Translation editors: O. Navolotskaya

Cover design: V. Fromov

Layout: D. Vanyushkin

Website creation: A. Nee

Release date: 29.12.2023

© NovSU, 2023

© Authors of articles, 2023

All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

T.V. Shmeleva, Doctor of Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Members of Editorial Board

V.I. Makarov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

A. Bierich, Doctor of Philology, Professor, University of Trier, Trier, Germany

H. Walter, Doctor of Philology, Professor; Ernst-Moritz-Arnt University of Greifswald, Greifswald, Germany

V.L. Vasiliev, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Zaika, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Koval, Doctor of Philology, Professor; Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

K. Kusal, Doctor of Philology, Professor; Humanitarian and Economic Academy in Lodz, Lodz, Poland

V.I. Mokienko, Doctor of Philology, Professor; St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

T.G. Nikitina, Doctor of Philology, Professor; Pskov State University, Pskov, Russia

B.Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor; Belarusian State University, Minsk, Belarus

M. Rak, Doctor of Philology, Professor; Jagiellonian University, Krakow, Poland

Zh. Fink, Doctor of Philology, Professor; University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Содержание

Content

От главного редактора.....	4	From editor-in-Chief.....	4
----------------------------	---	---------------------------	---

Теория стилистики / Stylistics Theory

Понятие стиля в свете разных теоретических подходов		Concept of style in light of different theoretical approaches	
<i>О. Г. Ревзина</i>	8	<i>O. G. Revzina</i>	8
Речевая аномалия как ошибка и как прием		Speech anomaly as a mistake and as a technique	
<i>В. И. Заика</i>	31	<i>V. I. Zaika</i>	31

Практическая стилистика / Practical Stylistics

Смена стилового регистра лексем в речевой практике как проблема стилистического нормотворчества		Changing stylistic register of lexemes in speech as a problem of stylistic standardization	
<i>О. И. Северская</i>	43	<i>O. I. Severskaya</i>	43
Легко ли представить документы в срок?		Is it easy to submit documents on time?	
<i>О. В. Кукушкина, И. В. Галактионова</i>	57	<i>O. V. Kukushkina, I. V. Galaktionova</i>	57

Молодые голоса / Young voices

Стилистическая квалификация слова в академическом толковом словаре		Stylistic qualification of word in academic explanatory dictionary	
<i>А. Р. Пестова</i>	68	<i>A. R. Pestova</i>	68

Научная жизнь: хроника, рецензии, обзоры / Scientific life: chronicle, reviews

Панорама славянской стилистики. Рецензия на книгу: <i>Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков: коллективная монография / под редакцией Ст. Гайды, Бр. Тошовича, Н. Клушиной, Т. Ицкович. Москва: Флинта, 2023. 465 с.</i>		Panorama of Slavic stylistics. Book review: <i>Stylistics of Slavic countries at the turn of the 20th–21st centuries: Collective monograph / edited by Art. Guides, Br. Toshovich, N. Klushina, T. Itskovich. Moscow: Flinta, 2023. 465 p.</i>	
<i>Т. В. Шмелева</i>	86	<i>T. V. Shmeleva</i>	86

От главного редактора

V

Дорогие коллеги,
наши авторы и читатели!

Тема этого номера журнала – стилистика. Из безграничного разнообразия тем, обсуждаемых в рамках этой лингвистической дисциплины, в центре внимания авторов номера оказались и теоретические, и практические проблемы.

В рубрике **«Теория стилистики»** публикуются статьи профессоров Московского и Новгородского университетов Ольги Григорьевны Ревзиной и Владимира Ивановича Заики. В первой обсуждается на широком теоретическом фоне ключевое понятие стилистики – «стиль», начиная с терминологического обозначения этого понятия и завершая его интерпретацией в новейших направлениях стилистики, в частности, когнитивной поэтике. Во второй статье предлагаются размышления о таких важных стилистических явлениях, как ошибка и прием. Было бы опрометчиво заявить, что статьи ставят точку в обсуждаемых проблемах, но сказать, что они содержат массу интересных фактов и мнений о них, подчеркивают важные аспекты обсуждаемых проблем, – есть все основания, что свидетельствует о теоретической значимости статей.

В статьях второй рубрики – **«Практическая стилистика»** – предлагаются решения действительно практических вопросов современной речевой практики: можно ли говорить «касаемо этой ситуации»? как правильно – «представить» или «предоставить документы»? Эти вопросы если не вставали перед многими из нас, то обязательно задавались носителями, уверенными, что лингвист с ходу может ответить на любой вопрос. Статьи Ольги Игоревны Северской из Института русского языка РАН и Ольги Владимировны Кукушкиной с Ириной Владимировной Галактионовой из МГУ убеждают в том, что даже популярные вопросы требуют учета большого количества фактов, практики использования «проблемных» слов, которую отражает, в частности, Национальный корпус русского языка, поиска решения, которое бы отвечало и современным языковым вкусам, и требованиям семантики и логики исторического развития языка. Думаю, статьи этой рубрики заинтересуют широкий круг читателей, заботящихся о стилистической правильности своей речи.

В рубрике **«Молодые голоса»** публикуется статья действительно молодого кандидата филологических наук из Института русского языка РАН Анны Разифовны Пестовой, где рассматриваются принципы отражения стилистики слова в толковом словаре. Предъявляя серию разных по стилистике слов, автор демонстрирует и разнообразие их стилистических помет в словарях, и логику, которой придерживаются в выборе таких помет современные лексикографы. Кстати сказать,

несмотря на молодость, наш молодой автор авторитетен, о чем говорят ссылки на ее работы других авторов номера.

Завершает номер журнала рецензия на фундаментальный коллективный труд стилистов славянских стран, вышедший недавно в издательстве «Флинта». Состояние славянских стилистик с разной историей, включая молодые, как, например, серболужицких языков, разная интерпретация фактов современной речевой практики в стилистическом аспекте, даже пракика терминологического обозначения явлений стилистики – все это увлекательные сюжеты, и часто неожиданные, как я убедилась, работая над этой рецензией. Мне кажется, коллективная монография станет настольной книгой стилистов, и не только, поскольку славянские стилистики отражают новейшие тенденции лингвистики, сочетая их с национальными стилистическими традициями.

Таким образом, в этом номере журнала стилистика предстает в своих нестареющих теоретических проблемах, острых практических вопросах и глубоком осмыслении ее развития в славянских странах.

Стоит сказать, что география этого номера не отличается широтой, она оказалась московско-новгородской, что кажется символичным на фоне сложных отношений наших городов в истории. Не могу не подчеркнуть, что столь ценное нами содружество университетских и академических лингвистов представлено и в этом номере журнала.

Благодарю сердечно всех авторов номера – и тех, кто уже не первый раз публикуется в нашем журнале, и дебютантов, которые, надеемся, станут нашими постоянными авторами. Особая благодарность рецензентам – доктору филологических наук Татьяне Геннадьевне Никитиной из Псковского университета и новгородским коллегам – докторам филологических наук Владимиру Ивановичу Заике и Виктории Генриховне Дидковской, а также кандидату филологических наук Владлену Ивановичу Макарову.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т. В. Шмелева

Letter from the Editor-in-Chief

Dear colleagues, our authors and readers!

The theme of this issue of the journal is stylistics. Among the limitless variety of topics discussed within this linguistic discipline, the authors of the issue focused on both theoretical and practical problems.

The **Stylistics Theory** section includes articles by professors of Moscow and Novgorod universities Olga Grigorievna Revzina and Vladimir Ivanovich Zaika. The former discusses the key concept of stylistics — style, against a broad theoretical background, starting with the terminological designation of this concept and ending with its interpretation in the newest directions of stylistics, in particular, cognitive poetics. The latter article offers reflections on such important stylistic phenomena as mistake and

technique. It would be rash to say that the articles put an end to the problems discussed, but there is every reason to say that they contain a lot of interesting facts and opinions, highlight important aspects of the problems, which indicates the theoretical significance of the articles.

The articles in the second section — **Practical Stylistics** — offer solutions to truly practical questions of modern speech practice: is it possible to say *kasayemo etoy situatsii* 'with regard to this situation'? Which is correct — *predostavit'* or *predstavit' dokumenty* 'to submit documents'? These questions, if not faced by many of us, were certainly asked by native speakers who were confident that a linguist could answer any question right away. Articles by Olga Igorevna Severskaya from the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences and Olga Vladimirovna Kukushkina with Irina Vladimirovna Galaktionova from Moscow State University convince that even popular questions require taking into account a large number of facts, the practice of using "problem" words, which is reflected, in particular, by the National Corpus of the Russian Language, searching for a solution that would meet both modern linguistic tastes and the requirements of semantics and the logic of the historical development of the language. I think that the articles in this section will be of interest to a wide range of readers who care about the stylistic correctness of their speech.

In the **Young Voices** section, there is an article by a really young candidate of philological sciences from the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Anna Razifovna Pestova, who discusses the principles of reflecting the stylistics of a word in an explanatory dictionary. Presenting a series of words with different stylistics, the author demonstrates both the diversity of their stylistic marks in dictionaries and the logic that modern lexicographers adhere to in selecting such marks. By the way, despite her youth, our young author is authoritative, as evidenced by references to her works by other authors in the issue.

The issue of the journal ends with a review of the fundamental collective work of stylists from the Slavic countries, recently published by the Flinta publishing house. The state of Slavic stylistics with different histories, including young ones, such as the Lusatian-Sorbian languages, different interpretations of the facts of modern speech practice in the stylistic aspect, even the practice of terminological designation of stylistic phenomena - all these are fascinating subjects, and often unexpected, as I was convinced while working on this review. It seems to me that the collective monograph will become a reference book for stylists, and not only that, since Slavic stylistics reflect the latest trends in linguistics, combining them with national stylistic traditions.

Thus, in this issue of the journal, stylistics appears in its timeless theoretical problems, acute practical issues and a deep understanding of its development in the Slavic countries.

It is worth saying that the geography of this issue is not very broad; it turned out to be Moscow-Novgorod, which seems symbolic against the backdrop of the complex relations between our cities in history. I cannot but emphasize that the community of university and academic linguists that we value so much is represented in this issue of the journal as well.

I sincerely thank all the authors of the issue — both those who have been published in our journal more than once, and debutants who, we hope, will become our regular authors. Special thanks to the reviewers — Doctor of Philology Tatyana Gennadievna Nikitina from Pskov University and Novgorod colleagues — Doctors of Philology Vladimir Ivanovich Zaika and Victoria Genrikhovna Didkovskaya and Candidate of Philology Vladlen Ivanovich Makarov.

Until we meet again on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

ТЕОРИЯ СТИЛИСТИКИ / STYLISTICS THEORY

Понятие стиля в свете разных теоретических подходов

О. Г. Ревзина

Concept of style in light of different theoretical approaches

O. G. Revzina

Ольга Григорьевна Ревзина – доктор филологических наук, профессор; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Olga G. Revzina – Dr. Sci. in Philology, Professor; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: orevzina@gmail.com

ORCID 0000-0002-4502-2030

Статья поступила. 20.11.2023. Принята к печати: 01.12.2023.

Received: 20/11/2023. Accepted for publication: 01/12/2023.

Известное со времен античности понятие стиля широко используется в различных областях человеческой деятельности. Стиль представлен в языке, в искусстве, в спорте, в моде и т. д. В статье прослеживается история слова «стиль» в русском языке и обсуждаются различные подходы к стилю в языкознании и в семиотике. Определения стиля как способа деятельности и как совокупности признаков, характеризующих результат деятельности, требует обращения к строению стилистической системы и стилям текстов, к различению денотации и коннотации. В заключительной части статьи концепт стиля получает трактовку с позиций когнитивной лингвистики.

Known since antiquity, the concept of style is widely used in various fields of human activity. Style is represented in language, in art, in sports, in fashion, etc. The article traces the history of the word *style* in the Russian language and discusses various approaches to style in linguistics and semiotics. The definition of style as a way of activity and as a set of features characterizing the result of activity requires reference to the structure of the stylistic system and styles of texts, to the distinction of denotation and connotation. In the final part of the article, the concept of style is discussed from the perspective of cognitive linguistics.

Ключевые слова: стилистический знак, стилистическая система, стиль в речевой деятельности, концепт стиля

Keywords: stylistic sign, stylistic system, style in speech activity, style concept

УДК 81`38

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. В данной статье речь пойдет о стиле в языке и о стилистике как науке, о стилистической системе языка и стилевых разновидностях дискурса. Мы проследим историю слова «стиль» в русском языке, рассмотрим разные подходы к стилю и в заключение попытаемся ответить на вопрос, что же такое стиль.

Методология и методы исследования. Попробуем представить себе некий X, которому приписывают следующие характеристики:

- а) он зарождается, возникает и развивается; он может происходить от другого X, в чем-то подобного;
- б) его можно создавать, следуя имеющимся предписаниям или без таковых;
- в) он присутствует в различных человеческих проявлениях и в различных областях человеческой деятельности; в этих сферах он расщепляется на виды, то есть и един, и многолик; В. Набоков находил его в жизни природы;

г) он является объектом интеллектуальных действий человека: над ним можно работать, изучать, анализировать, о нем можно спорить, его можно применять и использовать;

д) он является объектом эмоционального восприятия человека, его можно любить и ненавидеть, в нем видят «выражение настроения эпохи и народа» и «выражение личного темперамента» (Г. Вёльфлин).

Число этих характеристик можно было бы продолжить, но идентифицировать X по ним затруднительно. Это – стиль, «великое, непреходящее понятие» (С. Спивакова). Многообразное понимание стиля лежит в основе теории стиля и методологии настоящей работы. В рамках предлагаемой концепции используются историко-лексикологический, структурный, семиотический, интроспективный и описательный методы.

Изучение многочисленной и разнообразной литературы о стиле позволило рассмотреть это понятие в рамках серии сложившихся подходов, представленных в науке с XVIII века, при этом учитываются взгляды на проблему, представленные как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Историко-лексикологический подход

Хорошо известно, что слово *стиль* заимствованное. Оно восходит к греческому *stylos*, обозначающему «палочку с острым концом для писания на навощенных дощечках», то есть это инструмент в руках человека, переводящий в письменную форму содержание его речемыслительной деятельности. Не менее известно и то, вслед за латинским *stylus* это слово вошло в европейские языки (итал. *stile*. франц. *Style*, нем. *der Styl*, польск. *Styl*, англ. *style*). *Стиль* вошел в лексикон русского языка в XVIII веке в двух вариантах – *стиль* и *штиль*, соответственно языку-источнику заимствования.

Нельзя сказать, что вместе со словом *стиль* в русский язык пришло новое понятие. Близость к слову *стиль* по сигнификативному и денотативному компоненту обнаруживают исконные лексемы *слово*, *слог*, *склад*. И. И. Срезневский трактует один из лексических вариантов *слова* как «склад речи, способ выражения» с примером из «Слова о полку Игореве» (*Не лепо ли ныбьшеть, братие, начати старыми словесы* [СМ]).

Но главными являются *слог* и *склад*. В «Словаре XI–XVII вв.» слову *слог* (*сълогъ*) дается следующее определение: 1) «то, что соединено, составлено; соединение, сложение», 2) «строение, структура» [С 25, с. 108,]. В этимологическом словаре русского языка близость значений слов *слог* и *стиль* выражена вполне категорично: а) «звук или сочетание звуков как часть слова»; б) «способ, манера изложения мыслей, стиль» [ЭС, с. 385]. Слово *склад* (*съкладъ*) толкуется в «Словаре XI–XVII вв.» с отсылкой к слову *слог*: «1. Сочетание звуков в слове; слог, 2. Соединение, сложение отдельных частей в одно целое» [С 24, с. 201].

В переводных словарях и лексиконах XVIII века слова *стиль* и *исклад* регулярно используются в толковании: словарной статьи, ср. в Вейсманновом лексиконе 1731 г. «*Sylbe, syllaba, слогъ, складъ, суллаба, Syllabisiren, syllabasconjungere – складыватислова*»; в Геснеровом лексиконе 1767 г.: «*Stilusvel. Stylos, m. 3. штиль,*

складъвъ письме, порядокъ, обычай писать, или говорить», Syllabisiren, syllabasconjungere, складывати слова». В «Словаре Академии Российской» та же практика: «ШТИЛЬ, ля. с. м. Лат. 1) Слогъ. Зри сие слово». Также и в «Словаре церковно-славянского и русского языков» 1847 года: «СТИЛЬ, я, с. м. 1) Слог.» [Олзоева, 2014].

Слово *стиль* в русской филологии неразрывно связано с именем В. К. Тредиаковского, употребившего это слово в предисловии к роману «Езда в остров любви» (1834). Он, однако, использовал также и *слог*, и *склад*, ср. в переводе «Науки о стихотворстве» Буало: «Так приятнейшей на взгляд, но простой эклоге / Без богатства долг в своем нежнейшем быть слоге»; «холоден чей склад, есть тот пакостный писатель» [Тредиаковский, 2009, с. 26].

М. В. Ломоносов своим учением о «трех штилях» внес неоценимый вклад в формирование литературного языка нового типа, притом что в «Российской грамматике» он пишет о противопоставлении вариантов флексий в «штиле высоком» и «простом слоге». А. П. Сумароков в эпистолах и статьях о русском языке явным образом предпочитает *стилю* слова *склад* и *слог*.

Знаменитое произведение А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) своим названием уже свидетельствует его о его выборе из слов *стиль*, *склад*, и *слог*. Н. М. Карамзин, будучи противником А.С. Шишкова, тем не менее также предпочитал *слог*, и именно в тех контекстах, в которых напрашивалось слово *стиль*, ср. его перевод части цитаты из рецензии на трагедию «Сид»: «*enstyletantotsublime, tantotbourgeois, tantotsuranne*» – «писанный то высоким, то низким, то старинным слогом» [Карамзин, 1964, с. 107].

Наконец, надо сказать о риториках XVII—XVIII веков как «эпохе начального формирования русской риторики<...>как части европейской науки» [Вомперский, 1988, с. 171]. Это подтверждается отсылками к «Риторике» Аристотеля и у М. В. Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию» (1847), и в «Руководстве к Амвросию Серебренникову» (1778). Второе руководство опирается на ломоносовское, так что в нем используется *штиль* (одна из глав называется «О чистоте штиля»). Показательно, что в «Основаниях российской словесности» А. С. Никольского (1823) отсутствуют *стиль* и *штиль*, и абсолютное предпочтение отдается *слогу* (*чистота слога, приличие слога*).

По данным Национального корпуса русского языка, слово *слог* насчитывает 297 вхождений с 1733 по 1800 г. и 578 вхождений с 1800 по 1850 гг. первое вхождение лексемы *стиль* отмечено 1721 годом, с 1721 по 1793 гг. – 20 вхождений, после чего употребление слова *стиль* неуклонно растет (59 вхождений с 1813 по 1847 г. и 815 вхождений с 1847 по 1900 г.). Слово *штиль* насчитывает 38 вхождений с 1742 по 1800 гг. и 69 вхождений и ещё 80 вхождений с 1812 по 1850 г.

Эти данные включают употребление слова *слог* в значении «часть слова» и «связь порядок мыслей и «образ сочинения, писания, или выражения мыслей словами»; употребление слова *стиль* как альтернативного названия *слога*, а также обозначающего «времячисление по годам» и «совершенную тишину, «безветрие на море»; употребление слова *штиль* с теми же значениями, притом что уже в Словаре 1847 года у слова *штиль* отмечаются только два последних значения.

Общая тенденция очевидна: *слог*, абсолютно превалировавший в XVIII и XIX веках, уступает свои позиции слову *стиль*. (Автор статьи выражает благодарность С. А. Олзоевой, предоставившей статистические данные и примеры употребления слова «стиль» из НКРЯ).

Представленная здесь история слова *стиль* претендует на полноту. Тем более это относится к драматическим сюжетам, относящимся к истории русского литературного языка XVIII–XIX вв., всесторонне освещенной в трудах Л. А. Булаховского В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. М. Живова, Б. А. Успенского.

Мы хотели показать, во-первых, что русский лексикон располагал целым рядом слов, которые по своему значению пересекались со значением слова *стиль* (сюда можно отнести не только *слово*, *слог*, *склад*, но и *речь*, и *речение*, в некоторых контекстах *выражение*, вошедшее в русский язык в XVIII веке заимствование *манир/манер, манира/манера*) и «проиграли» ему в конкурентной борьбе. Исконно русские слова имели большое преимущество – укорененность в истории, словообразовательные гнезда (если по-другому – наличие внутренней формы), богатая сочетаемость, частота использования. Получается, что все эти характеристики теряли свою значимость перед необходимостью дать языковое воплощение тому концепту, которому в конечном счете было присвоено название *стиля*.

Стиль получает широчайшее распространение в русском литературном языке XX–XXI веков, обрастая многими производными: *стилистика, стилевой, стилистический, стилизованный, стильный, стилист, стилистка, стилизатор, стилизация, стилизовать* и др. Стиль проявляется в самых разнообразных денотативных областях («ментальных пространствах», если воспользоваться термином когнитивистики): в языке, в мышлении, в живописи, архитектуре, музыке, кинематографе, спорте, в моде, в дизайне, в рекламе, в бизнесе, в руководстве, в поведении человека. Кстати, названия магазинов «Территория стиля», «Философия стиля» говорят об общеупотребительности и общепонятности этого слова.

В «Большом толковом словаре» у многозначного слова *стиль* выделяется восемь значений (*стиль* как «способ летосчисления» представлен отдельной словарной статьёй), их толкование сводится к двум вариантам:

а) стиль определяется как «совокупность признаков», характеризующих ту или иную денотативную область; максимальное обобщение этот формат получает воплощение в следующей формулировке: «совокупность характерных признаков, особенностей, свойственных чему-л., присущих чему-л.» [БТС, с. 1269];

б) стиль определяется как «способ осуществления чего-л., характер деятельности, работы в их отличительных признаках» [Там же].

В этих толкованиях сосредоточено, как представляется, то, что можно назвать «загадкой стиля»: это совокупность признаков «готового продукта» и это деятельность (способ действия) по созданию данного продукта.

Человеческая мысль неизменно обращалась и обращается к познанию и пониманию стиля. Ниже рассмотрены различные подходы к определению и изучению стиля.

Структурный подход

В языкознании стилистическая система стала предметом специальной дисциплины, основателем которой справедливо считается последователь Ф. де Соссюра Шарль Балли, считавший предметом стилистики «словесное выражение мысли». Выделив в мышлении логический и эмоциональный элементы, он определил стилистику как науку, которая изучает «экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувство» [Балли, 2001, с. 33]. Он видел в чувствах две категории: «а) индивидуальные чувства, чисто эмоциональные побуждения и б) социальные чувства, порожденные соображениями, истоки которых находятся вне личности говорящих» [Там же, с. 26]. Индивидуальным чувствам соответствует эмоциональная окраска, социальным чувствам – социальная окраска: «...когда наши впечатления непосредственно вытекают из значения речевых фактов, мы говорим о собственно эмоциональной окраске; когда же они косвенно определяются теми формами жизни и деятельности, с которыми мы мысленно связываем речевые факты, мы говорим о социальной окраске» [Там же, с. 255]. Ш. Балли, таким образом, показал принципиальное различие эмоциональной и социальной окраски.

Для идентификации эмоции в самом языке имеется «язык описания» – лексические названия эмоций («понятийно-логический язык»), так что сам «сам процесс заключается в нахождении чисто логического эквивалента для каждого данного выражения» [Там же, с. 48]. Социальная окраска такими внутриязыковыми идентификаторами не обладает; говоря о ней, Ш. Балли прибегает к понятию общего языка. «Общий язык – это та норма, при сопоставлении с которой выявляется социальная окраска, точно так же, как понятийный язык является критерием для определения собственно эмоциональной окраски» [Там же, с. 247]. Однако в отличие от понятийного, общий язык представляет собой конструкт, он «рассеян по всей поверхности речи» – неслучайно Ш. Балли уподоблял социальную окраску «запаху, характерному для той среды и тех обстоятельств» [Там же, с. 238], в которых речевые факты обычно употребляются.

Ш. Балли видит в общем языке «нечто вроде общего мозга» и дает следующее определение: «Выражение в речи общего психического склада, присущего данной языковой группе, – вот что мы называем общим языком<...> это совокупность речевых фактов, которые выражают постоянные формы жизненного уклада, свойственного данному языковому сообществу» [Там же, с. 245]. Содержание социальной окраски Ш. Балли раскрывает исходя из понятия среды: «Среда – это «*состояние*, характерное для всех членов данной группы», то есть условия бытия, независимые от человека и стоящие над ним, или обычные формы *деятельности и мысли*, наблюдаемые в данной среде, или же чаще всего – сочетание этих факторов», которые в свою очередь определяют «*взаимоотношения между людьми* внутри группы» [Там же, с. 252]. Ш. Балли пишет о научном и разговорном языке, о художественной и фамильярной речи, но стиль как концепт не является предметом его рассмотрения.

В отечественном языкознании структурный подход Ш. Балли был поддержан и развит Г. О. Винокуром и М. В. Пановым.

Г. О. Винокур пишет о стилистической системе русского языка и о стилистических оппозициях: «...звуки той или иной стилистической окраски формы и знаки той же окраски входят в одну стилистическую систему в противовес звукам, формам и знакам другой окраски, и из взаимодействия всех таким систем создается общая стилистическая жизнь языка» [Винокур, 1959, с. 223].

М. В. Панов ввел понятие стилистической парадигмы: «Ряд *дом– дома – дому* возможен как явление грамматическое, потому что в языке существует определенная системная единица: падежная парадигма, состоящая из нескольких, определяющих друг друга членов; каждый член (например, форма дательного падежа) воспринимается на фоне других членов. Эти парадигматические отношения выражаются аффиксально. Подобно этому и в области стилистических противопоставлений есть своя парадигма, состоящая из нескольких определяющих друг друга членов: какой-то единицы нейтрального стиля и воспринимающихся на её фоне единиц высокого и разговорного стиля. В отличие от грамматики, противопоставления здесь выражены не аффиксально, а супплетивно (ср. *глаза–очи–гляделки*)» [Панов, 2004, 1, с. 111-112]. Тем самым дано основание четко выразить то, что Ш. Балли объяснял содержательно в отношении социальной окраски: стилистические значения не имеют собственных формальных показателей, и в этом состоит своеобразие (по слову Г. О. Винокура) стилистической системы языка.

«Три правила» М. В. Панова позволяют понять соотношение трех языковых стилей в стилистической системе языка:

а) «...слова окрашенных стилей *должны* иметь синоним в нейтральном стиле; слово нейтрального стиля *может* иметь синоним в окрашенном стиле» [Там же, с. 107];

б) большая часть слов имеет соответствие либо в высоком, либо в сниженном стилистическом ярусе, но не в обоих вместе. «Стиль высокий и разговорный в современном языке не соотносятся друг с другом непосредственно, а лишь через посредство связи с нейтральным» [Там же, с. 106];

в) стилистические единицы высокого и сниженного стилистического ярусов различаются по объему, внутренней семантической дифференциации, «интенсивности стилистической окраски». Высокий стиль характеризуется стилистической яркостью, относительно небольшим числом стилистических показателей, присутствием семантических разновидностей. Разговорный стиль – это обилие носителей стилистического смысла “разговорность,” слабая степень интенсивности, «расслоение, разграничение между словами едва намечено: настолько они подвижны и изменчивы в своей стилевой окраске (в зависимости от контекста)» [Там же, с. 110].

Менее развернутыми, но столь же глубокими и перспективными являются наблюдения М. В. Панова над синтагматикой стилистической системы: «...для слов с резкой стилистической окрашенностью первостепенную важность парадигматические противопоставления. Именно они и создают эту высокую разность стилистических потенциалов. Для слов же, имеющих слабые стилистические оттенки, важны чаще всего синтагматические сопоставления» [Там же, с. 112].

Таким образом, М. В. Панов показал, что дуальность русской культуры, о которой писали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, находит воплощение в стилистической системе русского языка. Структурный анализ М. В. Панова стал основанием для построения стилистической шкалы русского языка, которая «перерезается по вертикали» передачей эмоции и оценки, а также характеристикой по признаку «архаичность» – «новизна» [Ревзина, 2020, с. 45—56].

Наряду с языковыми стилями М. В. Панов рассматривает стилевую характеристику текста, которую он предлагал рассматривать «как дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях» [Там же, с. 113]. Стиль текста, по его мысли, должен изучаться исходя из языковой системы, поскольку в ней закреплены «многообразные возможности стилистического выбора».

М. В. Панов выделяет следующие черты текстовых стилей:

а) текст может состоять целиком из слов нейтрального стиля, хотя такие тексты «гораздо более редки, чем предполагается» [Там же, с. 113],

б) в тексте могут встречаться слова нескольких окрашенных стилей. В пределах одного текста такие слова «резко констатируют» между собой. Следуя традиции XVIII века, М. В. Панов считает стилевую характеристику текста непосредственно связанной с жанром и относит наименования «высокий стиль», «низкий стиль» у М. В. Ломоносова «именно к стилистическим жанрам» [Там же, с. 109].

По вопросу о существовании языковых стилей были выдвинуты две противоположные точки зрения.

В. В. Виноградов разделял точку зрения М. В. Панова. «Описать и установить систему литературного языка в тот или иной период его истории, – писал он – это значит дать полную характеристику его звуковой грамматической и лексико-фразеологической структуры <...> выделить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и их взаимодействие и сферы их применения» [Виноградов, 1978, с. 155].

Функциональный подход

Противоположная точка зрения наиболее четко была выражена К. А. Долининым: «... многие лингвисты без достаточных на то оснований попытались усмотреть в самой *системе языка* функциональную дифференциацию, которая соответствовала бы разграничению основных сфер и типов человеческой деятельности <...> В результате основные, наиболее крупные и часто выделяемые функциональные стили были объявлены принадлежащими языку, а установление системы функциональных стилей и описание их признано важнейшей задачей лингвистической стилистики, т. е. стилистики языка» [Долинин, 1978, с. 63-64].

Функциональные стили, пишет он, отражают речь, и именно речевая системность была положена в концепцию функциональных стилей: «...взаимосвязь единиц на основе определенного функционально-стилистического значения создается именно в конкретном контексте, отражающем традиционно-типовую сферу общения. Такого рода взаимосвязи единиц различных уровней нет в языковой системе (точнее, в её структуральной модели). Объединение их, создание

определенного стиля происходит в речи, в процессе функционирования, на основе выполнения конкретного коммуникативного задания. Так, потенциальные стилистические возможности единиц языковой системы реализуются, формируя конкретный речевой стиль» [Кожина и др., 2008, с. 96–97].

В функциональной лингвистике были выявлены различия между научным, публицистическим и официально-деловым стилями исходя из структуры акта коммуникации и определен набор стилеобразующих языковых признаков (с использованием статистических подсчетов) для функциональных стилей.

Функциональная стилистика следует филологической традиции XVIII века в том, что связывает стиль и жанр, и в том, что существуют правила построения текстов внутри жанров разных функциональных стилей. «Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут именно от него именно такого речевого поведения» [Долинин, 1978, с. 60].

В статье автора настоящей работы каждый из функциональных стилей рассматривается исходя из триединства составляющих (коммуникативной, когнитивной и собственно языковой) и специфической для каждого из трех стилей картины мира [Ревзина, 2020, с. 142].

В 1980 году вышла монография Т. Г. Винокур «Закономерности стилистического использования языковых единиц». В названии присутствует слово «закономерности», однако речь здесь идет не о тех закономерностях, о которых писал М. В. Панов применительно к системе языка. Т. Г. Винокур поставила в центр изучения стилистики узус в том понимании, который придал этому термину Л. Ельмслев: «манифестация схемы, совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемого употребления» [Винокур 1979а, с. 19].

Она дает собственное краткое определение узуса – «коллективные навыки *употребления* языка обществом» [Винокур, 2009а, с. 20] и исследует свойства стилистического узусарусского языка второй половины XX века на материале устной речи, публицистического и художественного дискурса. Показано, что в употреблении нейтральных и стилистически маркированных языковых единиц носитель языка руководствуется вовсе не тем, к какому стилю принадлежит слово, а ситуацией общения, коммуникативным намерением, «экспрессивным заданием»: «Современное состояние в нашем обществе таково, что пересечение, скрещивание разных стилистических пластов в пределах не только связных текстов, отражающих закономерности определенного типа речи, но и в рамках отдельного высказывания, стало стилистической нормой – образцом, к которому речевой акт стремится в целях наибольшей выразительности общения» [Там же, с. 25].

Следует отметить, что дихотомия «стилистика языка» – «стилистика речи» фактически снимается в определении стиля, данного В. В. Виноградовым, куда включаются и «совокупность признаков», и «употребление»: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная

с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1981, с. 19].

Семиотический подход

Один из путей к семиотическому пониманию стиля был предложен в статье [Успенский, 1969], где рассматривается «стилистическое разнообразие как *внутриязыковое многоязычие*» [Там же, с. 489]. Понимая стилистические различия как варианты «реализации некоторой системы более общего порядка <...> иначе говоря, как в принципе равноправные подъязыки одного и того же языка» [Там же, с. 490]. Б. А. Успенский выделяет три условия выделения стилей:

а) «признание потенциальной эквивалентности различных стилей в отношении передаваемого содержания» [Там же],

б) «знание соотношений между языками и стилями» [Там же, с. 494],

в) знание стилистических противопоставленности и стилистической однородности языковых элементов,

г) определение стилистического значения через отсылку к стилю: «именно принадлежность языкового элемента к тому или иному стилю определяет его стилистическое значение» [Там же, с. 496].

Подход Б. А. Успенского во многом близок структурному подходу М. В. Панова.

Иные стороны собственно семиотического рассмотрения стиля были заданы Л. Ельмслевом, который строил свою «алгебру языка» в сложной, не получившей широкого распространения терминологической системе. Определяя знак, Л. Ельмслев использует такие понятия, как материал содержания – форма содержания – субстанция содержания и, соответственно, материал выражения – форма выражения – субстанция выражения. Материал содержания – общий фактор для всех языков, «сама мысль» [Ельмслев, 1999, с. 77]. Денотативная семиотика по Ельмслеву – это и есть субстанция содержания. Коннотативная семиотика относится к структуре языка, как и денотативная семиотика. Перечисление того, что относится к коннотативной семиотике, и что, как пишет Л. Ельмслев, «энкатализируется» в текст, относится и к языку, и к речевой деятельности.

Он рассматривает «различные части текста и части его частей» и выделяет следующие явления: «различие **стилистических форм**», куда отнесены стих, проза и «различные виды их смешения»; различие **стилей** (творческий, нормальный, творческий подражательный, «называемый архаическим»; различие **оценочных стилей** (Л. Ельмслев называет высокий, низкий (вульгарный) и нейтральный стили); различие **средств**, куда включаются «речь, письмо, жесты, сигнальные коды флажками и т.д.); различие эмоциональных тонов (сердитый, радостный и т.д.); различие **идиом**: к ним отнесены **говоры** («язык того или иного коллектива, жаргоны различных групп и профессий), различные национальные языки, региональные языки (общенародный язык, локальный диалект и т.д.); «различные индивидуальные особенности (присущие выражению акустические и артикуляционные различия)» [Там же, с. 236—237].

Л. Ельмслев не представил тщательной разработки коннотативной семиотики: «Целью данных перечислений, – писал он, – не является исчерпывающее описание

этих явлений или их формальное определение; наша цель – указать на самый факт их существования и на их многообразии» [Там же, с. 238]. Однако его подход явился мощным импульсом для теоретической стилистики, прежде всего, это касается структуры языкового знака. По определению Л. Ельмслева, план выражения коннотативной семиотики представлен планом содержания и планом выражения денотативной семиотики» [Там же, с. 241].

Языковой знак представляют как двустороннюю единицу, в которой соединены означающее и означаемое (план выражения и план содержания). В означаемом, в свою очередь, различают сигнификат (языковое значение), денотат (множество объектов во внеязыковом мире, именем которого может выступать языковой знак) и референт – объект или совокупность объектов, которые имеет в виду говорящий, используя данный языковой знак. Например, слово *мак* – языковой знак, в котором означающее – [мак], сигнификат – “травянистое растение с крупными цветками”, денотат – все множество так именуемых цветов, а в высказывании *Катя поставила в вазу один красный мак* выделяется и конкретный референт – красный мак в вазе. Можно предположить, что это и есть вся информация, которую передает языковой знак. И все же один аспект в данном описании не учтен. Означающее [мак] в другом языке может быть соотнесено с совершенно иным означаемым (в английском *tuck* – «навоз»), а то же означаемое – иметь другое означающее (в английском языке «мак» – *porru*).

Таким образом, языковой знак является носителем еще одного вида информации – о той конкретной языковой системе, которой он принадлежит. И это значение передается не по отдельности означающим или означаемым, а только их соединением, то есть языковым знаком целиком. Итак, сложившееся описание структуры языкового знака не является полным: языковой знак, состоящий из означаемого и означающего, является одновременно означающим для другого означаемого.

Для носителя языка (внутренняя точка зрения) информация о языковом знаке как входящем в его язык в большинстве случаев не значима, ибо эта информация разумеется сама собой. Э. Бенвенист писал о языковом сознании француза: «Понятие («означаемое») «бык» в моем сознании неизбежно отождествляется со звуковым комплексом (означающим) *boeuf*. И может ли быть иначе? Вместе запечатлены они в моем сознании, вместе возникают они при любых обстоятельствах» [Бенвенист, 1974, с. 90]. Но уже восприятие заимствований показывает, что и при внутренней точке зрения языковая рефлексия носителя языка проявляется вполне отчетливо: чуждое русскому языковому уху означающее подвергается деформации, ср. просторечные *какава*, *колидор* и под.

Писатель Н. Лесков в свое время создал особый язык – *linguaconfecta*, основанный на отторжении заимствований народным языковым сознанием, ср. *Аболонполведерский* (*Аполлон Бельведерский*) и др. При внешней точке зрения значение принадлежности к определенной языковой системе, присущее языковому знаку, выделяется еще более явно. Иллюстрируя это положение, Жерар Женетт приводит следующий анекдот. Во время второй мировой войны двух не говорящих по-английски немецких парашютистов сбрасывают на территорию Великобритании.

Зайдя в бар, тот, что поспособнее, произносит выученную фразу: “Two Martinis, please” («Два мартини, пожалуйста»). На беду бармен переспрашивает: “Dry?” («Сухое?») – и получает фатальный ответ: “Nein, zwei!” (“Нет, два!”). “Теперь вы знаете, почему Германия проиграла эту войну”, – так заканчивается анекдот [Женетт, 1998, с. 424]. С другой стороны, знание того, что говорящий использует другой язык, побуждает к интерпретации его в рамках собственного: на этом строятся знаменитые сцены в «Войне и мире», в которых русские солдаты общаются с пленными французами.

Коннотативное означаемое типа «русскоязычие» присуще всем языковым знакам, подобно тому, как Л. Ельмслев выделял «датскоязычие» в отношении датского языка, а Ж. Женетт – «франкоязычие» в отношении французского языка. Это есть сигнал языковой идентификации, языковой рефлексии и «внешней» точки зрения. Внутри языковой системы коннотативный уровень остается свободным для передачи самых различных значений, всегда так или иначе прагматически значимых для всего социума, для его части или для конкретного индивида. Эти значения составляют такую же неотъемлемую составляющую языковой ткани всякого сообщения, как и денотативные значения.

Единицей стилистической системы является стилистический знак, являющийся коннотативным знаком «...стилистическое значение языкового знака – это коннотативное означаемое, чьим означаемым выступает данный знак как единство денотативного означаемого и денотативного означаемого» [Долинин, 1978, с. 44]. Интуиции Ш. Балли относительно социальной окраски и утверждение М. В. Панова о флективности стилистических парадигм получают четкое обоснование в семиотическом подходе.

Своеобразие стилистической системы, о котором писал Г.О. Винокур, прослеживается по многим параметрам. Представим те из них, которые оправданно сформулировать в рамках семиотического подхода. Единицей стилистической системы является стилистический знак, который состоит из коннотативного означаемого и коннотативного означаемого; все единицы языка являются стилистическими знаками. Стилистические знаки делятся на собственно стилистические, выразительные и интертекстуальные;

а) первые коннотируют конкретные стилистические значения – это информация о типологических характеристиках человека (пол, возраст, региональная, социальная, профессиональная, конфессиональная характеристика), информация об акте коммуникации – условиях общения, о предмете общения (“положение дел”), об отношениях коммуникативных партнеров и отношении к предмету сообщения; стилистические смыслы (норма, разговорность, книжность, просторечность и др.) – точки зрения, закрепленные в системе языка, задающие способы видения мира в данном языковом социуме (толкование стилистических смыслов и строение стилистической шкалы русского языка представлено в [Ревзина, 2020, с. 45–56]);

б) выразительные знаки (окказиональные слова, тропы, фигуры речи и др.) представляют отступления от нормы и тем самым коннотируют норму;

в) интертекстуальные знаки отсылают к текстам и коннотируют тексты.

Все три типа знаков принимают участие в формировании стиля текста и стилевых разновидностей дискурса.

Покажем значение стилистических смыслов как «точек зрения», на примере о рассказа В. М. Шукшина «Охота жить». В рассказе два персонажа – старик-охотник и парень, бежавший из тюрьмы. Старик с первых реплик парня определяет: «Выговор у парня не здешний, «расейский» [Шукшин, 2009, 3, с. 90], парню чуждо ненормативное произношение старика:

- *Иолог какой-нибудь?* – спросил он.
- *Кто?* – не понял парень [Там же].

Языковое разделение прослеживается на протяжении всего рассказа и выражается на разных языковых уровнях. В речевой партии старика представлены разные виды просторечия, если воспользоваться классификацией [Петрищева, 1973]:

просторечие, вызванное неполным владением литературным языком: *куфайка, жись, убивство, шешнацать, сурьезно, А шампанская-то на какиешиши будешь распивать?*;

деревенское просторечие, накрепко связанное с региональными вкраплениями: *лонись, согра ботало, лесины*;

так называемое «народное» просторечие: *К утру все одно выстынет; Тычего рассерчал-то на меня; Это знамо дело.*

Языковое противоположение поддерживается графически: в речевой партии старика представлена фонетическая транскрипция нормативного разговорного произношения, что на письме выглядит как отклонение от нормы: *Чайку щас поставим, Живи, мне што, Хорошего-то мало, конечно, Поймают вить.* Напомним, что по социальная окраска (социальная характеристика) коннотирует, по Балли, представление о среде с присущими ей «формами деятельности и мысли» [Балли, 2001, с. 252].

В рассказе В. М. Шукшина «среда» – это деревня и город. Но и профессия определяет способ мышления, его предмет, и если идти дальше – все представления о Боге, о добре и зле, о жизни и смерти. В рассказе нет специальных охотничьих терминов (кроме, может быть, *белковать*), но само отношение к природе у старика определяется тем, что старик – охотник, и знает, что природа много дает, но охотник не должен быть хищником. У парня, *Коли-профессора*, тоже есть своя «профессия» – вора, убийцы. В рассказе нет специальной блатной терминологии, и все же в одном случае, используя общеупотребительное и «специальное» значение слова, В. Шукшин вскрывает ту пропасть, которая лежит между мирами двух персонажей:

- *Садись, чего стоять-то?*

Парень улыбнулся.

- *Так не говорят, отец. Говорят – присаживайся.*

– *Ну, присаживайся. А пошто не говорят? У нас говорят* [Шукшин, 2009, 3, с. 90].

Между парнем и стариком разворачиваются прения о добром и злом человеке, о том, что значит *жизнь/жись*. Мы не ставим здесь целью произвести полноценный лингвостилистический анализ рассказа В.М. Шукшина и раскрыть всю его глубину. Ограничимся одним замечанием. Рассказ называется «Охота жить», старик – охотник,

но и парень – тоже охотник, охотник – хищник, со *стылым* взглядом, уничтожающий жизнь, чтобы взять свою *долю*.

Семиотическому понятию стиля посвящена статья Ж. Женетта «Стиль и значение» [Женетт, 1972], в которой предпринят глубокий и сущностный анализ языкового знака и стиля в семиотическом плане и, пожалуй, внесен большой вклад в понимание языка и текста как семиотических объектов. Мысль Ж. Женетта движется в поисковом режиме, он широко использует европейский философский и культурологический дискурс и не формулирует окончательных ответов, а прокладывает к ним путь по ходу собственных рассуждений.

В центре внимания Ж. Женетта находится отношение между денотацией и коннотацией в языковом знаке и в стиле. В эту тему постепенно втягиваются буквально все вопросы стилистики, в том числе и те, которые прежде не ставились в теоретическом аспекте. Ж. Женетт дает следующее определение коннотации: «коннотация – это вторичное, или производное значение, возникающее за счет того, каким образом обозначается (или денотируется) значение первичное; разговорное слово «patate» [картошка] имеет в качестве денотата картофель, а коннотирует свою разговорность» [Там же, с. 411]. В этом определении самое главное – это утверждение связи между денотативным и коннотативным значением слова.

Такая связь не обсуждалась и не постулировалась в структурной стилистике. Ход рассуждений Ж. Женетта можно представить следующим образом:

а) он обращается к логической оппозиции объем/содержания понятия (extension – comprehension) и её эквивалентности оппозиции денотация – коннотация: «...слово «собака денотирует все семейство псовых и каждого из его представителей (объем понятия) и коннотирует качества, характерные для этого семейства» [Там же, с. 411]; применительно к стилистическому значению такая трактовка не имеет смысла: остается непонятным, «каким образом разговорное слово «patate», объем которого биологический вид «картофель», может иметь содержанием собственное разговорное употребление» [Там же, с. 412],

б) он обращается к выдвинутому Г. Фреге разграничению смысла (Sinn) и денотации, или референции (Bedeutung), делая следующий шаг, предложив понять и перевести Sinn как «коннотацию»; правомерность такого перевода обосновывается следующим образом: содержание в противопоставлении объему «отсылает скорее к некоему *аспекту*, присущему обозначаемому предмету», коннотация – «к *точке зрения* говорящего; но понятно, что аспект и точка зрения связаны друг с другом так же неразрывно, как лицевая и оборотная сторона бумажного листа: аспект определяет собой либо выявляет точку зрения, а точка зрения выбирает и высвечивает аспект» [Там же, с. 413]. По форме своей весьма абстрактное, это утверждение имеет прямое отношение к стилистике.

Применительно к стилистической системе М. В. Панов писал: «Слова, стилистически соотнесенные, характеризуются именно тем, что их **лексическое** значение совершенно тождественно; в этом смысле они подлинные синонимы» [Панов, 2004, с. 104]. Той же точки зрения придерживается Б. А. Успенский, говоря о тождественности содержания фраз, принадлежащих разным стилям либо разным языкам, при этом под тождеством понимается «известное – как в математике, так и в

лингвистике и семиотике – определение смысла (информации) как инварианта при обратимых операциях перевода» [Успенский, 1969, с. 489, *сноска*]. Иначе говоря, «аспект» в виде точки зрения никак не влияет на содержание понятия. Но так ли это на самом деле?

Обратимся к приводимой М. В. Пановым классической стилистической парадигме *очи–глаза–гляделки*. Глаза могут быть *близорукими* и *дальнозоркими*, *глубоко посаженными* и *подслеповатыми* и т.д., но *очи*, содержащиеся в качестве своего аспекта эстетическую точку зрения, не сочетаются с этими определениями, Получается, что объем и содержание понятия (концепта) *очи* отличается от концепта *глаза*. *Очи* соотносятся только с такими органами зрения, которым изначально придан ограничивающий это множество признак, а именно соответствие «стандарту» красоты. Поэтому сочетание **красивые очи* – это собственно говоря, плеоназм, как *масло масляное*: имеет место повтор одного и того же семантического признака в определяющем и определяемом. И в обратную сторону: сочетания **подслеповатые очи*, **косые очи* неприемлемы, поскольку признак, называемый определением, не совместим с тем, который содержится в означаемом. Отсюда и возможное противопоставление *глаза /очи*.

Так описываются глаза Ульяны Громовой – персонажа когда-то широко известного романа А. Фадеева «Молодая гвардия»: *А у Ули глаза были большие, темно-карие, – не глаза, а очи, с длинными ресницами, молочными белками, черными таинственными зрачками, из самой, казалось, глубины которых снова струился этот влажный сильный свет* [Фадеев]. И если *глаза* в качестве прямой номинации производят прямую референцию к объекту, то *очи* способны только к косвенной референции (косвенной денотации, как это называет Ж. Женетт). Но если *глаза* и *очи* не тождественны ни по содержанию, ни по объему, придется отказаться от понимания стилистических значений и стилистических смыслов как дополнительных значений, не связанных, с нашим мышлением. Ж. Женетт остался вне когнитивной научной парадигмы, но когнитивистика, предмет которой (в том числе) – как люди думают и каким образом понимают друг друга – стала бы для него союзницей.

В самом деле, мы думаем по-разному, имея дело с концептом *глаза* или с концептом *очи*, что и получает выражение в том, как и что мы можем сказать об этих концептах. То есть взаимодействие денотативного и коннотативного компонентов в значении слова оказывается очень глубоким, глубже, чем мы можем предположить. Когда утверждается, что «стиль в лексике – «категория оценочная» [Панов, 2004, с. 164], мотивация самой оценки выводится из рассмотрения.

Парадигму *очи – глаза – гляделки* можно дополнить такими словами, как *мигалки*, *буркалы*, *бельма*, *зенки*. Все они относятся к сниженному стилистическому ярусу. В «Словаре синонимов» отмечается «уничижительно-пренебрежительный» характер этих названий [СС, с. 231], то есть это безусловно оценочные слова. На чем же покоится мотивация отрицательной оценки?

Гляделки образованы от глагола *глядеть* – «направить взгляд на кого-либо, на что-либо или куда-либо, смотреть». Глаза как орган зрения называются, таким образом, по своей основной функции, не подлежащей какой-либо оценке. Сходным образом, *мигалки* образованы от глагола *мигать* – «непроизвольно, быстро опускать и

поднимать веки» (также и о глазах: «непроизвольно, быстро закрываться и открываться»). Когда человек мигает, он защищает глаза, то есть речь идет о полезной функции, которая, опять-таки никак не может вызвать субъективной оценки. Следовательно, здесь действует иной механизм, который, можно предположить, состоит в следующем. Слово *глаз* называет орган зрения во всей его целостности, то есть в совокупности всех присущих глазу характеристик и свойств. *Гляделки* – метонимическая номинация, обозначающая глаз по его функции, сводящая глаз к этой функции и тем самым представляющая его дефектным. Та же мотивация представлена и в случае метафоры в сочетании с метонимией. *Бельмо* (помутнение роговой оболочки глаза) имеет вид белого пятна на глазу. *Бельма* как название глаз – обозначение целого по его части, и притом по его дефектной части. Мы сталкиваемся здесь с достаточно сложным мыслительным механизмом: *глядделки* и другие сниженные слова отсылают к слову *глаза*, воплощающему концепт нормы, деформируют его и дают оценку этому дефектному объекту.

Сам Ж. Женетт далек от вынесения окончательных суждений. Он обращается к различению смысла и значения в понимании Сартра: «Значение привносится в объект извне, через означающую интенцию, смысл же есть естественное свойство вещей» [Женетт, 1972, с. 415]. Например, сокращение «XVII» конвенционально и означает определенное столетие, но *портшез* («переносное кресло», в котором можно сидеть полулёжа»), будучи вещью, значения не имеет: вещь просто существует вместе со всеми своими свойствами, в том числе со своей принадлежностью XVII веку. Таким образом, заключает Ж. Женетт, знак и вещь, будучи различными по своей природе, демонстрируют разные типы означивания одного и того же референта.

Однако знак и вещь отнюдь не так далеки друг от друга, как это следует из приведенной части рассуждений Сартра. На других примерах Сартр показал, что знак может функционировать как вещь (например, французское слово *puit* «может сверкать или звучать как вещь»), а вещь может функционировать как знак (например, стоящий «в стратегически важном месте» портшез может указывать на то, что «враг движется с запада» [Там же, с. 418].

Но полностью снимается различие между знаком и вещью в той семиотике, которую Ж. Женетт называет «гудменовской» по имени Нельсона Гудмена, автора ряда работ по теории знаков и языкам искусства. В отличие от Сартра, Ж. Гудмен объединяет слова и вещи в единую категорию *символизации*, или *референции*, «когда некая вещь замещает собою другую вещь, какова бы ни была связь между ними» [Там же, с. 419]. В этом пространстве выделяются две модальности – денотация и экземплификация.

Денотация – «простое наклеивание ярлыка (словесного или любого иного) на одну или несколько вещей» [Там же, с. 420]. Экземплификация требует особого внимания. Здесь исходная посылка такая: «вещь может экземплифицировать лишь то, что ей принадлежит» [Там же]. Например, чтобы такая вещь, как фуфайка могла экземплифицировать зеленый цвет, она *должна быть* зеленой.

Таким образом, экземплификация «заключается в том, что «некий объект (в том числе и слово) символизирует собой некий класс объектов, к которому он принадлежит и предикат которого, обратно, приложим к нему самому, иным словами денотирует этот объект» [Там же].

Термины иногда препятствуют пониманию, но имеет смысл «прорваться» сквозь термины, чтобы увидеть объяснительную силу гудменовской семиотики. Здесь прослеживается одна и та же мысль от понимания коннотации в логике через сартровское различие смысла и значения к объединению языковых знаков и материальных объектов («вещей») с точки зрения их бытия. По существу, это такая онтология денотации и коннотации, которая действительно объясняет сущность именно коннотации и стилистического значения. Причем, поскольку «объектом» в рассуждениях Н. Гудмена может быть как отдельный языковой знак, так и целый текст, устраняется противопоставление языка как системы и продуктов речевой деятельности. И слово *очи*, и высокий стиль текста экземплифицируют одну и ту же точку зрения и денотируют через предикат свои объекты. Таким образом, здесь происходит не прямая, а косвенная денотация обозначаемого объекта.

Ж. Женетт в своей работе дает несколько семиотических определений стиля, из которых главных два: «Стиль – это коннотативная функция дискурса в оппозиции его денотативной функции» [Там же, с. 411] и (после введения понятия экземплификации) «Стиль – это экземпликативная функция дискурса в оппозиции его денотативной функции» [Там же, с. 423].

Эти определения интересны тем, что они приложимы как к функциональным стилям, так и таким стилистическим классификациям, которые характеризуют восприятие стиля коллективным субъектом и передаются перцептивными и оценочными прилагательными: стиль может быть *легким, тяжелым, ясным, чистым, блестящим, прозрачным, мутным, вязким, сухим, пресным, сладким, приторным; превосходным, изумительным, отличным, прекрасным, неплохим, хорошим, отвратительным, ужасным, невозможным, никуда не годным, дурным, плохим*.

Ведь ясно же, что, называя стиль, скажем, *слащавым*, субъект оценки опирается на какие-то признаки данного конкретного текста, но вряд ли сможет их выделить и назвать. Семиотическое определение стиля показывает в этом случае свою объяснительную силу. Признак «слащавость» коннотирует класс текстов, к которому он принадлежит и косвенно денотирует его, поскольку сам наделен этим признаком. Дальше в этом тексте могут выделяться стилистические черты. Они могут не совпадать у разных субъектов оценки, но не могут быть исчерпаны, потому что денотируют квалификацию «слащавость» всеми своими свойствами.

Чтобы поставить в этой теме завершающий аккорд, приведем еще один примера Ж. Женетта. Французское прилагательное «long» денотирует длину и экземплифицирует «краткость». Но этим дело не ограничивается – «long» как соединение означающего и означаемого имеет еще одну коннотацию – коннотацию франкоязычия. «Таким образом, (целостное) слово «long» несет в себе не два, а по крайней мере четыре значения: свою денотацию (длина), экземплификационное значение своей физической характеристики (краткость) и два коннотационных значения, основанных на взаимосвязи двух первых, – принадлежность французскому языку и «антиэкспрессивный» характер» [Там же, с. 424].

Это рассуждение может быть с полным основанием применено к стилю: «ибо не бывает дискурса без стиля, равно как и стиля без дискурса» [Там же, с. 438]. Дискурс, пишет Ж. Женетт, «не только о чем-либо *говорит* (что-либо денотирует), он сам в

каждую конкретную минуту *является* чем-то одним или чем-то другим (например, ...плоским, как доска) <...>слова, а значит, и фразы, а значит, и целые тексты всегда одновременно являются и знаками, и вещами. Стилль – это не что иное как тот, назовем его чувственно воспринимаемым, аспект текста, который Якобсон именовал «ощутимым» [Там же, с. 429–430].

Б. А. Успенский и Ж. Женетт распространяют свою концепцию стилия на произведения искусства. «Под стилем применительно к произведению искусства, так же, как и в отношении естественного языка, понимается явление чисто языковое (в широком семиотическом смысле), во-первых, и явление, относящееся к плану выражения, во-вторых» [Успенский, 1969, с. 495]. Ж. Женетт отдельно останавливается на возможности использования понятия коннотации «в области искусств, не обладающих денотативной функцией, таких, как музыка, архитектура или и абстрактная живопись» и приходит к выводу, что «в расширительном употреблении» это вполне возможно (каким образом Моцарт слагает звуки, Браманте располагает колонны, а Поллок кладет цветные пятна на полотно» [Женетт, 1972, с. 428].

Лингвист, семиотик и художник Ю. К. Лекомцев переформулировал теорию различения, которой он придал математическое выражение. В теории различения выделяются «дифференторы» (признаки-«различители»). Для определения стилия теория различения интересна в том отношении, что она «прокладывает мостик» между стилиями в языке и в живописи. Ю. К. Лекомцев. Сопоставляя живописное полотно (картину) и предложение. устанавливает следующие соответствия: размер и формат картины – длина предложения; пятна различной величины – синтаксические единицы различной протяженности; цвет и тон пятна – фонемный состав синтаксической единицы; мазок – слог; контуры пятна или группы пятен – пограничный сигнал синтаксической единицы; композиция пятен на плоскости картины – порядок синтаксических единиц в предложении; соотношение цветов и тонов – звуковой гештальт предложения, интонация, ритм [Лекомцев, 1969, с. 456-457].

В концепции историка и теоретика искусства Г. Вёльфлина «Основные понятия истории искусств» (1915) подвергаются тщательному анализу классический стиль, ранний и высокий ренессанс, барокко, взятые в их исторической последовательности. Он придает понятию стилия масштабное смысловое содержание и высокое звучание. От индивидуального стилия он переходит к национальному (народному) стилю и от него – к стилю эпохи. Но главное, что интересует Г. Вёльфлина, – «способ изображения как таковой» и «всеобщие формы изображения». Он пишет о том, что «в истории стилия можно открыть нижний слой понятий»; выдвинутые им оппозиции, относящиеся к этому «нижнему слою», допускают такую же перекодировку в собственно языковые «дифференторы», как это сделано в теории различения [Вёльфлин, 2020, с. 13].

Когнитивный подход

С когнитивной точки зрения язык есть способ хранения и представления информации, передача которой осуществляется в процессе общения. В языковом знаке информация предстает как денотация и как коннотация. Языковой знак является одновременно денотативным и коннотативным. Слово *мак* как денотативный языковой знак представляет собой соединение денотативного означающего [мак] и

денотативного означаемого «травянистое растение с крупными цветками». Слово *мак* как коннотативный языковой знак представляет собой соединение коннотативного означаемого – денотативного языкового знака *мак* и коннотативного означаемого.

В когнитивной поэтике стиль становится объектом рассмотрения через понятие текстуры, которая относится к тексту и представляет собой материальный объект [Stockwel, 2002, с. 167]

Это утверждение соотносится с концептуализацией текста как вещи, о чем, интерпретируя Сартра, пишет Ж. Женетт. Текст воспринимается перцептивно, то есть так же, как мы воспринимаем предметы и явления внешнего мира. В когнитивной поэтике усматривается сходство между «стилистической структурой художественного текста и чувственным опытом читателя» [Там же]. «Текстура имеет тот смысл, что материальность объекта явлена вместе с любым содержанием, которое через него передается» [Там же]. Это положение П. Стоквелла согласуется с соотношением стиля и дискурса, о котором писал Ж. Женетт: «Стиль – это осязаемый аспект дискурса, который по определению соответствует ему от начала до конца, без перерывов и колебаний. Колебаться может перцептивное внимание читателя и его чувствительность к той или иной модальности осязаемости. Нет никакого сомнения в том, что очень короткая или очень длинная фраза скорее привлечет к себе внимание, чем фраза средней длины<...> Однако и средних размеров фраза, и стандартное слово, и заурядное описание не менее «стилистичны», чем любые другие» [Женетт, 1972, с. 438]. Обращаясь к противопоставлению фигуры и фона, принятому в когнитивистике, П. Стоквелл демонстрирует различные стилистические эффекты, определяемые материальностью текста и когнитивными способностями читателя.

В когнитивной психологии выделяют когнитивные стили, понимаемые как «индивидуально-своеобразные способы переработки информации» [Дружинин, Ушаков, 2002, с. 283]. Подчеркивается, что «когнитивные стили относятся к числу базовых характеристик индивидуальности, о чем свидетельствует их тесная связь с возрастом, полом, особенностями функционирования нервной системы» [Там же, с. 308]. Пол, возраст, эмоции – содержание стилистической информации. Сверх того, когнитивные стили в психологии – это «формально-динамические характеристики интеллектуальной деятельности» [Там же, с. 283], что отсылает нас к позиции Ш. Балли, утверждавшего неразрывную связь стиля и мышления.

В этом свете представляет интерес языковое прочтение когнитивных стилей, выделяемых в психологии. Касаясь этой темы по касательной, приведем пример, относящийся к когнитивному стилю «полезависимость /полenezависимость»; говоря, упрощенно, это способность различать фон и фигуру. Сравним два текстовых фрагмента:

Дядя организовывал коллективные заплывы. Учреждал традиционные лыжные кроссы. Проводил волейбольные матчи (С. Довлатов)

Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест берез с атласно-белыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей – и зелено-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за

болтливыми галками, обитавшими с многочисленным родством в развалившихся трубах и в темных чердаках, где пахнет старыми кирпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры серо-фиолетовой золы золотой свет; ветер замирал, сонно ползали пчелы по цветам у балкона, совершая свою неспешную работу, – и в тишине слышался только ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы тополей (И. Бунин).

Довлатовский текст строится из простых предложений без каких-либо распространителей. Иначе говоря, здесь «фон» убран, остается только «фигура». Перед нами полнезависимость, сопоставимая в живописи с портретным изображением, в котором «фоном» является белый холст. Текст И. Бунина представляет собой сложное предложение с сочинением и подчинением, в котором простые предложения распространены разнообразными обстоятельствами и определениями. обилием атрибутивных и наречных определителей. «Тело» предложения – это описание «фона», в котором, что называется, утоплена «фигура» – ветер. Бунинский текст воплощает когнитивный стиль «полнезависимость».

Языковое прочтение допускают и другие когнитивные стили – такие, как узкий / широкий диапазон эквивалентности, конкретная – абстрактная концептуализация, когнитивная простота – когнитивная сложность.

Концепт стиля не подвергался рассмотрению в когнитивной лингвистике. Завершая статью, мы попытаемся представить концепт стиля.

В начале мы хотим ответить на вопрос о том, почему слова *слог* и *склад* уступили в истории русского языка слову *стиль*. Отчасти этот ответ напрашивается сам собой по ходу рассмотрения того, какие разные виды человеческой деятельности (включая поведение человека) наделяются стилем в современном языковом сознании. Но есть и другое соображение: внутренняя форма этих слов предполагает сложение из частей, а *стиль*не мыслится как состоящий из частей (ср. невозможность *части стиля).

Пользуясь различием Дж. Лакоффа, можно сказать, что стиль – это не элементарный, а сложный концепт, в котором «упаковано» значение стиля как «способа действия» и как «совокупности признаков». Начать приходится с действия и деятельности, которую Ю.Д. Апресян определяет как «совокупность разнородных действий, имеющих одну конечную цель...» [Апресян 2006:86]. В когнитивной концепции Дж. Лакоффа выделяется базовый уровень категоризации, соотнесенный с доконцептуальной структурой опыта, куда входит образно-схематическая, структурными элементами которой являются: «ИСТОЧНИК (исходный пункт), НАЗНАЧЕНИЕ (конечный пункт), ПУТЬ (последовательность смежных положений, соединяющих источник и назначение» [Лакофф 2004:358]. Действие и деятельность концептуализируются в нашем сознании в соответствии с данной образно-схематической схемой: «Цели понимаются в терминах места назначения, и достижение цели понимается как движение по пути от исходного пункта в конечный пункт» [Там же]. Писатель, создающий художественный текст, художник, создающий художественное полотно, проходят этот путь от начала до конца и создают тот продукт (вещь), который концептуализируется в соответствии со схемой базового уровня «ВМЕСТИЛИЩЕ» со структурными элементами «ВНУТРЕННЕЕ / ГРАНИЦА / ВНЕШНЕЕ»

[Там же]. Вещь, будь то предмет мебели, художественный текст или скульптура, «экземплифицирует» все свои свойства.

В действиях и в деятельности человека вырабатываются схожие пути в достижении схожих целей. Так создаются правила, следование которым должно обеспечить успешный результат. Систематически действие и деятельность, концептуализируемые как путь, отступают от правил, что может привести к провалу либо к блистательному результату. В значении стиля как способа действия получают языковое воплощение ментальные представления человека о движении по пути к цели. В случае закрепленных и проверенных способов они получают специальное название: научный, официально-деловой, публицистический стиль, стиль как многоязычие, стили в искусстве. Отступление от правил, если оно принадлежит конкретному автору («агенсу»), получает название индивидуально-авторского стиля.

Из множества признаков, которыми наделен «готовый продукт», некоторые опознаются как ожидаемый исход стиля как способа действия (действие претворяется в качество). В других случаях готовый «продукт» (текст, живописное полотно) представляет присущий именно ему набор характеристик.

В определении стиля как «совокупности признаков» получают языковое воплощение когнитивные способности человека к различению, отождествлению и градации отождествлений. Размышления над тем, почему концепт стиля неэффективен в отношении природы, приводят к следующему итогу: мы знаем, распознаем и взаимодействуем с тем, что «сотворено», но для нас закрыты путь и цель «сотворенного»; возможно, вместе с «агенсом» это существовало в единственном числе.

Выводы. Итак, стиль не имеет общепринятого определения в гуманитарных науках, в частности, в силу того, что проблема стиля состоит в его двойственности: он является способом совершения действия и неотделим от него как лицевая и обратная сторона бумаги, если воспользоваться сравнением Соссюра; одновременно стиль представляет собой совокупность признаков, характеризующих «готовый продукт» – результат деятельности и действия.

К важнейшим выводам относится заключение о месте стилистики среди гуманитарных наук. Мы хотели бы отметить, что существуют две точки зрения на соотношение лингвистики и стилистики. Первая из них выводит стилистику за пределы лингвистики, вторая считает ее лингвистической дисциплиной.

Первый аргумент сторонников противопоставления лингвистики и стилистики состоит в том, что для описания системы языка не требуется привлечения стилистических различий. Т.Г. Винокур приводит утверждение П. Сокконена: «...стилистические характеристики всегда выходят за пределы грамматики и только мешают адекватному описанию системы языка» [Винокур, 2009а, с. 9]. Вторым аргументом состоит в том, что стилистика – в каком бы варианте её ни представляли – ни в коей мере не соответствует тем требованиям точности и объективности, которым должна соответствовать лингвистика как наука о языке. Оба этих аргумента имеют свою силу.

Действительно, стилистика не требуется, если изучать язык как конструкт, отвлекаясь от его носителя, от социума, от функционирования языка. Как только

принимаются во внимание эти факторы, картина совершенно изменяется, и надо сказать, что именно стилистика поставила «человеческий фактор» в центр изучения языка.

Относительно второго аргумента приведем вначале замечание Т. Г. Винокур: «...наиболее удручающие стилистов «пороки» исследования явлений стиля предстали их взору не только как следствие неверной методы, а в гораздо большей степени – как непреодолимое свойство самой науки, как бы адекватное свойствам фактов, которые она изучает» [Винокур, 2009а, с. 4-5]. Иначе говоря, стилистика выработала тот понятийный аппарат, который соответствует природе её объекта. «... все гуманитарные науки и все науки о жизни именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными <...> Неточность исторических гуманитарных наук не порок, а лишь исполнение для этого рода исследований требования» [Хайдеггер, 1993, с. 44].

И, чтобы окончательно снять второй аргумент, приведем мнение А. А. Зализняка, исследования которого – образец точности и объективности: «Если слово «доказать» иногда и применяется иногда в гуманитарных науках, то лишь в несколько ином, более слабом смысле, чем в математике. Строгого определения для этого «доказательства в слабом смысле», по-видимому, дать невозможно<...> Все это не значит, однако, что утверждения гуманитарных наук вообще не могут претендовать ни на какую точность и надежность <...>В гуманитарных науках, так же, как например, в естествознании, долгим опытом выработаны критерии, позволяющие оценивать степень обоснованности того или иного утверждения даже при условии невозможности доказательства в абсолютном смысле» [Зализняк, 2023, с. 54-55].

Литература

- Апресян, Ю. Д. (Ред.) (2006). *Основания системной лексикографии. Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва: Языки славянской культуры.
- Балли, Ш. (2001). *Французская стилистика*; перевод с французского. Под редакцией. Москва: Эдиториал УРСС.
- Бенвенист, Э. (1974). Природа языкового знака. *Общая лингвистика*. Москва. 90–96.
- Вельфлин, Г. (2020). *Основные понятия истории искусств*; перевод с немецкого. Санкт-Петербург: Лань.
- Винокур, Г. О. (1959). О задачах истории языка. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз.
- Винокур, Т. Г. (2009). *О содержании некоторых стилистических понятий*. Москва: ЛИБРОКОМ.
- Винокур, Т. Г. (2009а). *Закономерности стилистического использования языковых единиц*. Москва: ЛИБРОКОМ.
- Вомперский, В. П. (1988). *Риторика в России XVII–XVIII века*. Москва: Наука.
- Долинин, К. А. (1978). *Стилистика французского языка*: учебное пособие. Ленинград: Просвещение.
- Дружинин, В. Н., Ушаков, Д. В. (Ред.) (2002). *Когнитивная психология*: учебник для вузов. Под редакцией. Москва: ПЕР СЭ.
- Ельмслев, Л. (1999). Прологомены к теории языка. *Зарубежная лингвистика. Ч. 1: Новое в лингвистике*: избранное: перевод с английского. Под редакцией. Москва: Прогресс.
- Женетт, Ж. (1998). Стиль и значение. *Фигуры*: в 2-х т. Москва. 2, 407–451.
- Зализняк, А. (2023). *Из заметок по любительской лингвистике*. Москва: Альпина нон-фикшн.
- Карамзин, Н. М. (1964). *Избранные сочинения*: в 2-х т. Т. 2. Москва; Ленинград: Художественная литература.
- Кожина, М. Н., Дускаева, Л. Р., Салимовский, В. А. (2008). *Стилистика русского языка*: учебник. Москва: Флинта, Наука.
- Лакофф, Дж. (2024). *Женщины, огонь и опасные вещи*; перевод с английского. Москва: Языки славянской культуры.
- Лекомцев, Ю.К. (1969). *Глоссематическая теория лингвистических оппозиций и теория различения в семантике и дескриптивной семиотике*: труды по знаковым системам. IV, вып. 236. Тарту: Изд-во Тартуский гос. ун-т
- Олзоева, С.А. (2014). *Слово и понятие «стиль» в русском языке и русском дискурсе XVIII – первых десятилетий XIX века*: дипломная работа. Москва: МГУ.
- Панов, М. В. (2004). *О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)*: труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2-х т. Под редакцией. Москва: Языки славянской культуры. 1, 103–136.

References

- Aprésyan, Yu. D. (2006). *Foundations of systemic lexicography. Linguistic picture of the world and systemic lexicography*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
- Bally, S. (2001). *French style*; translation from French. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
- Benveniste, E. (1974). The nature of the linguistic sign. Benveniste E. *General linguistics*. Moscow. 90–96. (In Russian).
- Dolinin, K. A. (1978). *Stylistics of the French language*. Leningrad: Prosveshcheniye. (In Russian).
- Druzhinin, V. N., Ushakov, D. V. (ed.) (2002). *Cognitive psychology: a textbook for universities*. Moscow: PER SE. (In Russian).
- Genette, J. (1998). Style and meaning. Works on poetics. *Figures*. In 2 vol. Moscow. 2, 407–451. (In Russian).
- Heidegger, M. (1993). *Time and Being: Articles and Speeches*. Transl. from German. Moscow: Respublika. (In Russian).
- Jelmslev, L. (1999). Prolegomena to the theory of language. *Foreign linguistics. Part 1: New in linguistics: favorites*: translation from English. Moscow: Progress. (In Russian).
- Karamzin, N. M. (1964). *Selected works*. Vol. 2. Moscow–Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovsky, V. A. (2008). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian).
- Lakoff, J. (2024). *Women, fire and dangerous things*. Transl. from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
- Lekomtsev, Yu. K. (1969). *Glossematic theory of linguistic oppositions and theory of distinction in semantics and descriptive semiotics*. Works on sign systems, 4, 236. Tartu: University of Tartu. (In Russian).
- Olzoeva, S. A. (2014). *The word and concept “style” in the Russian language and Russian discourse of the 18th – first decades of the 19th century*: thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Panov, M.V. (2004). *About pronunciation styles (in connection with general problems of stylistics)*: works on general linguistics and the Russian language: in 2 volumes. Vol. 1. Eds. E.A. Zemskaya, S.M. Kuzmina. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
- Petrishcheva, E. F. (1984). *Stylistically colored vocabulary of the Russian language*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Revzina, O. G. (2020). *Language and text*: monograph. Moscow: MAX Press. (In Russian).
- Shukshin, V. M. (2009). *The desire to live*. Collected works in 8 volumes. Vol. 3. Moscow. 3, 88–105. (In Russian).
- Stockwell, P. (2002). *Cognitive poetics: An Introduction*. London and New York: Routledge. (In Russian).
- Trediakovsky, V. K. (2009). *Works and translations in both poetry and prose*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Петрищева, Е. Ф. (1984). *Стилистически окрашенная лексика русского языка*. Москва: Наука.

Ревзина, О. Г. (2020). *Язык и текст*: монография. Москва: МАКС Пресс.

Тредиаковский, В. К. (2009). *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою*. Санкт-Петербург: Наука.

Успенский, Б.А. (1969). *Семиотические проблемы стиля в лингвистическом освещении*: труды по знаковым системам. IV, вып. 236. Тарту: Изд-во Тартуский гос. ун-т.

Хайдеггер, М. (1993). *Время и бытие*: статьи и выступления; перевод с немецкого. Москва: Республика.

Шукшин, В. М. (2009). *Охота жить*. Собрание сочинений: в 8 т. Под редакцией. Т. 3: Москва. 3, 88–105.

Stockwell, P. (2002). *Cognitive poetics: An Introduction*. London and New York: Routledge.

Uspensky, B. A. (1969). *Semiotic problems of style in linguistic coverage*. Proceedings on sign systems. 4, 236. Tartu: University of Tartu. (In Russian).

Vinokur, G. O. (1959). *On the tasks of the history of language*. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Vinokur, T. G. (2009). *On the content of some stylistic concepts*. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).

Vinokur, T. G. (2009a). *Regularities of stylistic use of linguistic units*. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).

Vompersky, V. P. (1988). *Rhetorics in Russia in the 17th–18th centuries*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Wölfflin, G. (2020). *Basic concepts of art history*. Transl. from German. St. Petersburg: Lan'. (In Russian).

Zaliznyak, A. (2023). *From notes on amateur linguistics*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russian).

Источники

БТС – Кузнецов, С.А. (Ред.) (2004). *Большой толковый словарь русского языка*. Под редакцией. Санкт-Петербург: Норинт.

С 24 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (2000). Вып. 24: Се – Скорый. Москва: Наука.

С 25 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (2000). Вып. 25: Скорыня – Снулый. Москва: Наука.

СМ – Срезневский, И. И. (1912). *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*: труд И. И. Срезневского. Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук. Т. 3, вып. 4: Дополнения: А-Я.

СС – Евгеньева, А.П. (Ред.) (1970). *Словарь синонимов русского языка*: в 2 т. Т. 1: А-Н. Под редакцией. Ленинград: Наука.

Фадеев, А. А. Молодая гвардия. *LibreBook.me*: сайт. URL: https://librebook.me/molodaia_gvardiia/vol1/2

ЭС – Цыганенко, Г.П. (1989). *Этимологический словарь русского языка*: более 5000. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Рад. шк.

Sources

Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. (2000). 24 (Se — Skoryy). Moscow: Nauka. (In Russian).

Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. (2000). 25 (Skoryn'ya — Snulyy). Moscow: Nauka. (In Russian).

Evgenieva, A. P. (ed.) (1970). *Dictionary of synonyms of the Russian language*. In 2 vols. Vol. 1: A–N. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Fadeev, A. A. (n./d.). Young Guard. LibreBook.me: website. Retrieved from: https://librebook.me/molodaia_gvardiia/vol1/2 (In Russian).

Kuznetsov, S. A. (ed.) (2004) *Large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. (In Russian).

Sreznevsky, I. I. (1912). *Materials for a dictionary of the Old Russian language*. St. Petersburg: Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).

Tsyganenko, G. P. (1989). *Etymological dictionary of the Russian language*. Kyiv: Rad. shk. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Ревзина, О. Г. (2023). Понятие стиля в свете разных теоретических подходов. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 8–30. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-8-30

For citation:

Revzina, O. G. (2023). Concept of style in light of different theoretical approaches. *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 8–30. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-8-30

Речевая аномалия как ошибка и как прием

В. И. Заика

Speech anomaly as a mistake and as a technique

V. I. Zaika

Владимир Иванович Заика – доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

Vladimir I. Zaika — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation

E-mail: w.i.zaika@gmail.com

ORCID 0000-0002-2206-772X

Статья поступила. 10.11.2023. Принята к печати: 01.12.2023.

Received: 10/11/2023. Accepted for publication: 01/12/2023.

В работе предпринята попытка уточнить содержание некоторых понятий из инструментария исследования выразительности практической и художественной речи. Ошибка и приём (явления речи) рассмотрены как видовые понятия по отношению к аномалии как родовому. Ошибка и приём различаются не только ненамеренностью / намеренностью, но и соотношением с нормой. Понятие норма в языкознании определяется двояко (в силу двойственности многих лингвистических объектов как таковых): как правила (аспект порождения) и как прецеденты (аспект восприятия, описательный). На этом основании ошибка соотносится с нормой-правилами, а приём соотносится с нормой-прецедентами. Норма-правила – это язык (его составная часть), а норма-прецеденты – это речь (признанные образцовыми речевые употребления). Такое уточнение необходимо для разграничения «фона», на котором рассматриваются два вида аномалий. Чтобы более надёжно разграничить аномалии, применительно к аномалии-приему предложено использовать термин нулевая ступень, введенный преподавателями Льежского университета, авторами Общей риторики. Важнейшее свойство нормы относительно ошибки – правильность, важнейшее свойство нулевой ступени относительно приема – нейтральность. Существенным различием ошибки и приема является различие аспектов этих объектов, которые предопределены самым существенным различием этих аномалий: ошибки нечаянны, они возникают по тем или иным причинам, а приемы намеренны, они возникают с определенной целью. Описанные различия необходимы для решения вопросов различия приема в риторике и поэтике, а также использования ошибки как приема в практической и художественной речи.

This work attempts to clarify the content of some concepts from the tools for studying the expressiveness of practical and artistic speech. *Mistake* and *technique* (speech phenomena) are considered as specific concepts in relation to *anomaly* as a generic one. *Mistake* and *technique* differ not only in unintentionality/intentionality, but also in relation to the norm. The concept of norm in linguistics is defined in two ways (due to the duality of many linguistic objects as such): as rules (the aspect of generation) and as precedents (the aspect of perception, descriptive). On this basis, *mistake* is correlated with norm-rules, and *technique* is correlated with norm-precedents. Norm-rules are language (its component part), and norm-precedents are speech (recognized as exemplary speech uses). Such clarification is necessary to distinguish the background against which the two types of anomalies are considered. In order to more reliably distinguish between the anomalies, in relation to anomaly-technique, it is proposed to use the *zero stage* term, introduced by educators of the University of Liège, the authors of General Rhetoric. The most important property of *norm* in relation to *mistake* is correctness, the most important property of *zero stage* in relation to *technique* is neutrality. The essential difference between *mistake* and *technique* is the difference in aspects of these objects, which are predetermined by the most significant difference between these anomalies: mistakes are accidental, they arise for one reason or another, and techniques are intentional, they arise for a specific purpose. The described differences are necessary to resolve issues of differences in techniques in rhetoric and poetics, as well as the use of *mistake* as a technique in practical and artistic speech.

Ключевые слова: речевая аномалия, паралогизм, риторика, ошибка, прием, норма, нейтральность, нулевая ступень, каузальный аспект, телеологический аспект

Keywords: speech anomaly, paralogism, rhetoric, mistake, technique, norm, neutrality, zero stage, causal aspect, teleological aspect

УДК 81'42

OECD: 6.02OT

V

Постановка проблемы. Носитель языка имеет опыт языковой деятельности и представления об обычных, принятых, общеупотребительных способах выражения мысли. Эти знания обеспечивают ощущение **аномалий** (отклонений, неправильностей), как вредных или полезных явлений, то есть как ошибок или приемов.

Ошибки вызывают лингвистический и дидактический интерес (предмет лингвистики и дидактики), приемы – риторический и поэтический (предмет риторики и поэтики). И те, и другие, будучи отклонениями, имеют много общего, но по-разному соотносены с нормой и, кроме того, требуют разных **аспектов рассмотрения**: неумышленное нарушение (ошибка) рассматривается с точки зрения обуславливающих ее факторов, а намеренное (прием) – с точки зрения умысла, цели, смысла. Отсутствие четкого представления о двух типах аномалий мешает выстроить строгие теоретические основания исследования приемов, реализуемых в практической и художественной речи. Обоснование такого различия и составляет проблему настоящей работы, что позволяет считать ее теоретическим исследованием в области стилистики.

Из истории вопроса. В античности осмысление фигуративности речи связано было со взглядами на связь между вещью и именем. Более раннему консервативному представлению о том, что имя вещи является ее свойством, то есть соответствует его природе (*фюсей*), во времена элеатов и, позднее, софистов стало противопоставляться представлению о том, что имя определяется обычаем, установлением, законом (*тесей*). Платон в диалоге «Кратил» показал всю проблематичность решения этого вопроса. Именно такое представление о связи имен и вещей – по установлению – стало важнейшим условием появления риторических воззрений. Эта концепция (тесей), как считает В. Н. Топоров, предполагала возможность создания новых форм связи, отличных от существующей, которая понималась как стилистически нейтральная. «Признание возможности разных форм языкового выражения одного и того же содержания привело к идее выбора стилистически отмеченных форм и к использованию их с целью убеждения слушающего» [ЛЭС, 1990, с. 542].

Историки лингвистических учений полагают, что «проблема языковой нормы, проблема выработки правил речи, достойной образованного человека» впервые возникла у софиста Протагора. Его известное высказывание «человек есть мера всех вещей» истолковывается и применительно к речевой деятельности. Как и прочие человеческие установления, языковые нормы условны и могут быть пересмотрены. Если язык не соответствует требованиям разума, он может усовершенствоваться человеком [ИЛУ, 1980, с. 124].

Понятие приема, как полагают исследователи, восходит к Горгию, современнику Протагора, известному составлением разного рода речей, в том числе и учебных. Речь «Похвала Елене» считается классической демонстрацией того, как слабый довод (Елена невинна, потому что поддалась словесному убеждению) сделать более сильным (слово, которое повлияло на нее как божественная воля и природное явление, мыслится как «обстоятельство непреодолимой силы»). Горгий «охотно экспериментирует с языком, использует замысловатые выражения, создает

неологизмы, использует поэтические приемы и т. д.» [Афонасин, 2020, с. 758]. Для него «изучение способа выражения мыслей далеко вышло за рамки искусства красноречия, превратившись в особую науку со своими особыми принципами и критериями достоверности». В этом состоит самый важный его вклад в античную риторику [Там же, с. 761].

Развитие риторики Аристотелем было связано с критикой софистов. В работе «О софистических опровержениях», философ подробно комментирует софистические силлогизмы, «которые только кажутся опровержениями, но суть паралогизмы [ошибки], а не опровержения» [Аристотель, 1978, с. 535]. Разграничены два типа таких паралогизмов (используемых для опровержения): одни обусловлены особенностями употребления языковых единиц, другие вызваны неправильной связью мыслей. В главе IV описаны шесть видов опровержений (то есть видов ошибок), которыми создается «на основании оборотов речи видимость опровержения». Это

омонимия (употребление одинаковых слов чревато отождествлением разных понятий),

амфиболия – двусмысленная конструкция (неразличение подлежащего и дополнения допускает двоякое толкование),

соединение и разъединение (слова соединены при отсутствии логической связи между названными предметами или словами разделяется то, что логически неразделимо),

неправильное *произношение* (изменение смысла при изменении ударения),

двусмысленные *грамматические формы* (смешение женского и мужского рода вследствие омонимии окончаний) [Там же, с. 538–540].

Аристотель описывает паралогизмы как проблемные точки, которые могут быть как ошибками, так и приемами. Е. В. Ключев, который использует термин паралогизм с учетом двойственности явления, противопоставляя его ошибке, отмечает: «скорее всего, фигуры осознавались как "пары" логическим ошибкам: для тех, кто действительно владел риторикой <...>, логические ошибки не могли представлять серьезной опасности: ими механизм был изучен вдоль и в буквальном смысле поперек (вдоль – как логический, поперек, как паралогический) и мог продуктивно эксплуатироваться, что называется, в обоих направлениях» [Ключев, 1999, с. 169]. Автор полагает, что «речь должна идти как раз об использовании одного и того же механизма, но развернутого в прямо противоположные стороны. В этом смысле получается, что фигура есть просто и откровенно "запуск" механизма ошибки в обратном направлении» [Там же].

В самом общем виде механизмом (который может быть одинаковым у ошибки и приема) является аномалия формы. Конечно, говорить об «использовании», «продуктивной эксплуатации» применительно к ошибкам нельзя: ошибки случаются. Но хорошо известная общность терминов (*амфиболия, алогизм, анаколупф, гипаллага, гистерология, диафора, инверсия, катахреза, контаминация, окказионализм, плока, тавтология* и мн. др.) связана именно с идентичностью механизмов многих ошибок и приемов. И эта общность показывает, как аномалия сближает два совершенно разнородных типа явлений.

В работе «Языковые аномалии: типы и функции» Ю. Д. Апресян дает широкое определение аномалии, это «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы [Апресян, 1999, с. 50]. Приводится ряд оснований классификации этого явления, причем содержательно наиболее важным считается деление аномалий на **ненамеренные** и **намеренные**.

В намеренных аномалиях, которые «выполняют какие-то полезные функции в соответствии с замыслом их автора», разграничиваются **авторские**, в этих случаях «говорящие идут на них сознательно, чтобы добиться определенного эстетического или интеллектуального эффекта» и **экспериментальные**, создаваемые лингвистами, чтобы получить новые знания о языке [Там же, с. 51]. Ненамеренные разделены на **деструктивные** (индивидуальные), нерегулярные, сделанные по недостаточному знанию языка или случайно, и **конструктивные** (типичные), которые являются точками роста новых явлений, источниками «обновления и развития языка». Такие аномалии порождаются противоречиями между системой и узусом или противоречиями в самой системе [Там же, с. 63-64].

Лингвистический интерес к ненамеренным аномалиям убедительно обоснован и хорошо известен. Например, Вилем Матезиус в работе о языковой правильности, писал: «Для языковеда нет разницы между словами, формами и предложениями грамматически верными и неверными, более того, так называемые ошибки предоставляют ему очень часто редкий материал для анализа языка» [Матезиус, 1982, с. 60].

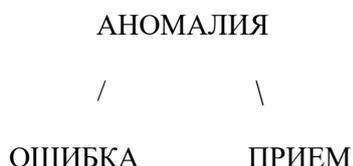
Оба типа аномалий рассматриваются в культуре речи –распространенной и востребованной учебной дисциплине. Рассуждая о понятии **культура речи**, Г. О. Винокур утверждал, что его «можно толковать в двояком смысле, в зависимости от того, будем ли мы иметь в виду одну только правильную речь или же также речь умелую, искусную» [Винокур, 1967, с. 10]. В пределах культуры речи как современной дисциплины одна из ее частей – **ортология** – сосредоточена на обучении речи правильной («говорить грамотно, правильно, так, как велит культурная среда»), а другая часть – **риторика** – на обучении речи искусной («говорить умело, мастерски, как пишут и говорят мастера, художники речи» [Там же, с. 13], одна предупреждает **ошибки**, другая научает в том числе и **приемам**.

Описание двух типов аномалий, которое составляет содержание словаря-справочника «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты», обосновывается так: «одной из составляющих коммуникативной компетенции развитой языковой личности являются не только знания и умения, необходимые для построения **правильной речи** (речи без нарушений литературно-языковых норм), но и знания и умения, позволяющие создавать речь **выразительную** (т. е. речь, способную воздействовать определенным образом на слушателя или читателя)» [ЭСС, 2005, с. 3].

Методологические основания исследования. Принципом исследования является предпочтение дедукции иным способами познания, так как она предполагает опору на интеллектуальную интуицию. Положения концепций В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра о двойственности языковых явлений, а также сформулированная

Вильгельм Дильтеем и уточненная Генрихом Риккертом идея о различиях **естественных** (о природе) и **гуманитарных** (о духе, о культуре) наук, требующих, соответственно, каузального (изучающего причины) и телеологического (изучающего цели, смыслы) подходов к объекту исследования.

Теоретическое исследование. Представим родо-видовые отношения рассматриваемых понятий ошибка, прием и аномалия в схеме.

Приведенная схема является упрощенной, поскольку понятие аномалии является двойственным. Объясним эту двойственность

Ошибка, как аномалия, соотносится с **нормой** (греч. $\alpha\nu\omicron\mu\omicron\sigma$: где α – отрицание, противоположность; $\nu\omicron\mu\omicron\sigma$ – закон, норма), которая в дефинициях определяется либо как **правила** употребления, «правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств» [РЯЭ, 1997, с. 270], «совокупность правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи» [РГЭС, 2002], либо как одобренные **прецеденты**: «общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих и признанное на данном этапе развития литературного языка правильным, образцовым» [СЭС, 2011, с. 433–434], либо двойко: как **правила**, и как **прецеденты**: «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [Ахманова, 1966, с. 270].

Обычно двойность эта указывается без разъяснений. Между тем это различие очевидно: норма как правила, как прескрипции – это «порождающая» точка зрения, а норма как прецеденты правильного употребления – это «описательная» точка зрения. Подобное двойное определение наблюдается, например, в дефинициях **жанра**, определяемого как тип текстов и/или как модель.

Ошибка – явление речи, нарушение предписаний языка (словаря и/или грамматики) по причине незнания или неточного знания этих предписаний.

Норма «охраняет» систему, предупреждает ошибки, но ошибки (как правило, конструктивные по Ю. Д. Апресяну), будучи частотными, изменяют норму. «Язык исправляется ошибками» [Шкловский, 1983, с. 273].

Прием – тоже явление речи и тоже нарушение предписаний языка, но с определенным намерением. Отправитель не только знает предписания, но и знает, как их эффективно нарушить.

Подробно описанные Аристотелем паралогизмы являются ошибками только для философа (который знает о положении вещей, знает, как «на самом деле»); с точки зрения софиста – это приемы, софистические уловки, словесные ухищрения, используемые для убеждения собеседника, а также для введения его в заблуждение,

они не могут быть нечаянными, по причине плохого знания правил применения языковых средств; а с точки зрения воспринимающего – это убедительные опровержения.

Вероятно, ошибка глоттогенетически предшествует приему. Допущенная фонетическая, лексическая или грамматическая неточность может переключать внимание воспринимающего с предвосхищаемого смысла высказывания на обозрение говорящего («Откуда ты такой грамотный взялся?»), а также на производимый этим нарушением эффект и перспективы продуктивного использования наблюдаемой аномалии.

Итак, ошибки как вид аномалий соотносятся с нормой.

По отношению к аномалиям-приемам понятие нормы может показаться не вполне приемлемым, даже несмотря на то что многие аномалии образуют пары «ошибка-прием» на основании общего субстрата (механизма). Приемы рассматривались еще Квинтилианом не относительно нормы, а как «обновление формы», как «отклонение мысли от обыденной и простой формы» [ЛЭС, 1990, с. 542]. Нестрогие термины «простая форма», «обыденная форма» вовсе не синонимичны термину **норма**. Они обозначают **нейтральность**.

Ю. М. Скребнев, рассуждая о проблемах стилистики, подчеркивал невозможность отождествления неравнозначных понятий «нормативного» и «нейтрального»: «Стилеобразующая специфика действительно является «отклонением» от нейтрального (общеупотребительного максимально частотного), но отнюдь не от нормативного, т. е. либо достоверно санкционированного узусом, либо отсутствующего в опыте, но приемлемого по аналогии» [Скребнев, 1991, с. 165].

Полагаем, что и в приводимых выше определениях нормы, правила – более «жесткая», строгая сторона этого явления, правилами «охраняются» и узакониваются обыденные, простые и потому частотные реализации, правилами обеспечивается «прозрачность» речи, дающая возможность сосредоточиться на выражаемой мысли. Прецеденты – менее жесткая и строгая сторона нормы. Эти прецеденты – «принятое речевое употребление языковых средств» – в своей совокупности и создают **нейтральность**. На фоне этой нейтральности рассматривается не только специфика стиля, но и аномалии-приемы.

По отношению к аномалии-приему авторы «Общей риторики» – «Группа **μ**» (преподаватели Льежского университета) – использовали в своей теории качестве базового понятие **нулевая ступень**. Вводя это понятие авторы делают множество оговорок о нейтральном, являющемся нормой дискурсе, «без украшательств», и каких-либо намеков [Дюбуа и др., 1986, с. 68]; оговорок о том, что определить, является ли какой-то контекст образным и установить, что говорящий воспользовался словом без всякого подтекста, очень **непросто** [Там же, с. 68—69]. Считая, что нулевая ступень «не является частью языка», «находится вне обычного употребления языка», льежцы называют ее неким «пределом» [Там же, с. 69].

Многие исследователи фигуративной речи не видят необходимости в применении этого понятия, например, не считая благодарным занятием поиск нулевой формы [Хазагеров, 2018, с. 362]. Е. В. Ключев считает, что это понятие

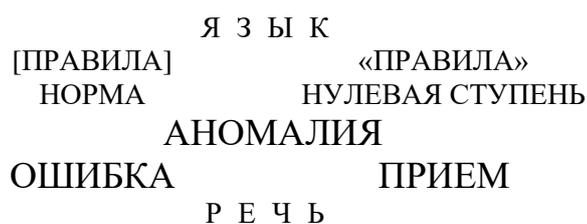
существенно для поэтики, а не для риторики, что концепция льежской группы «есть концепция воспринимающего сообщение, но не концепция создающего сообщение, концепция слушателя, но не концепция говорящего». А процедура, применения тропа или фигуры не требует от говорящего осознания того, что он отклоняется от какой-то представляемой в сознании нулевой ступени [Клюев, 1999, с. 168]. Полагаем, это понятие вполне продуктивно для обеих областей применения фигур (риторики и поэтики), если его понимать согласно авторским представлениям.

Примечательно, что для иллюстрации своего понимания нулевой ступени льежцы приводят пример из Жана Полана, подобный примеру, который привел Джон Сёрль в работе «Что такое речевой акт?» [Серль, 1986, с. 155]. Высказывания («Джон выйдет из комнаты?», «Джон выйдет из комнаты» и т. д.), имеют одинаковую референцию и предикацию – то есть общее содержание, но при этом являются разными иллокутивными актами (вопрос, утверждение и т. д.). Это общее содержание Дж. Серль назвал суждением, **пропозицией**. Если вопрос, утверждение, просьба и т.д. – это речевые акты с разной иллокутивной силой, то пропозиция не является речевым актом. Пропозицию можно только подумать [Там же, с. 155-156].

Нам представляется, что **нулевая ступень** по своей невыраженности подобна **пропозиции**. Нулевую ступень можно только подумать. Нигде не утверждается, что эта мысль непременно должна быть ясной. Цветан Тодоров уже после появления «Общей риторики» тоже использует метафору «предел» для описания типологического признака нулевой ступени (без применения термина): «Противоположная фигурам прозрачность, незаметность словесной оболочки высказывания также представляет собой лишь некую идеальную границу, предел (к которому ближе всего, вероятно, тексты чисто функционального, утилитарного характера) – предел, который полезно иметь в виду, хотя в действительности он никогда не встречается в чистом виде» [Тодоров, 1975, с. 57]. Нулевую ступень как предел следует иметь в виду как в процессе построения фигуративной речи, так и в процессе ее восприятия.

Если связь «норма / ошибка» является взаимонаправленной (норма препятствует ошибке, ошибка настойчивым воздействием изменяет норму), то отношениях «нулевая ступень / прием» взаимонаправленность иного рода. Ошибка радикально меняет предписание, а прием, реализованный в высказывании, не может так очевидно воздействовать на нулевую ступень уже потому, что ее можно только иметь в виду. Частота применения эффективного приема нейтрализует его необычность и пополняет нейтральный арсенал нулевой ступени.

Представим более подробную схему рассматриваемых понятий. В которой «фоном» ошибки как аномалии является норма, а фоном приема – нулевая ступень.

Нулевая ступень сложнее нормы, потому что включает норму (в смысле, близком к иронии). В случае ошибки говорящий в неведении относительно нормы, слушающий замечает форму и переключает внимание с построения смысла на говорящего (или не замечает и не переключает). В случае приема говорящий знает об обычном способе выражения, «защищенном» нормой, строит необычную форму выражения в том числе и с нарушением нормы, имея цель особенно выразить мысль, а слушающий (замечая или не замечая отклонение) выстраивает смысл, верит тому, что слышит.

Конечно, приемы обеспечивают значительно больше эффектов, чем придание речи убедительности. Эмануэле Тезауро, профессор риторики итальянских университетов XVII в., писал о вторичных функциях фигуративной речи, из которой рождается «двойственное услаждение и для того, кто слагает изящный концепт, и для того, кто выслушивает его. Ибо первый услаждается, когда возбуждает разум собеседника и дает жизнь драгоценному отродью Вымысла, а другой радуется, когда способен ловить на лету своим соображением то, что лукавый собеседник высказывает и в то же время прячет» [Тезауро, 2002, с. 19]. Фигура понималась и как вид построения речи, и как отклонение от нормы для услаждения слуха [ЛЭС, 1990, с. 542]. В процессе речевой деятельности многие приемы, будучи употребительными, становятся привычными, незаметными.

Относительно различий нормы и нулевой ступени можно сказать, что эти два понятия отличаются тем, что норма – это составная «часть языка», а нулевая ступень – это вообще не о языке. И не потому что, как утверждают лжецы, она «не является частью языка» и «находится вне обычного употребления языка», а потому что это именно **употребление языка**, то есть это **речь**. Невозможность вербализовать нулевую ступень (предел, нейтральность «в чистом виде») не мешает считать ее речью, это (подобно пропозиции) состояние этой речи на одной из стадий, предшествующих фонации. Нужно заметить, что термины *язык* и *речь* в «Общей риторике» употребляются далеко не строго. И определять, что подразумевают авторы: язык или речь, применяя термин язык, помогает только контекст.

Обратим внимание еще на одно принципиальное отличие двух видов аномалий. Аномалия, как и любой объект, может быть рассмотрена в принципиально различных аспектах: **каузальном** (в аспекте причин, условий, факторов и т.д.) и **телеологическом** (в аспекте целей, смыслов, функций и т.д.). Результаты рассмотрения в этих аспектах отвечают на разные вопросы: «почему?» (каузальный) и «зачем?» (телеологический).

Упомянутое выше различие античных концепций тесей и фюсей тоже связано с этой противоположностью. Сторонники концепции фюсей усматривали и считали главной **каузальную** связь имени и вещи (имя таково, потому что соответствует природе вещи), сторонники концепции тесей считали, что связь имени и вещи существенна только телеологически, так как цель связи имени и вещи, то есть создания слова, – функция, поэтому эта связь установлена говорящими и закреплена законом.

В обыденной коммуникации это принципиальное различие вопросов часто бывает неактуальным и незаметным. Например, в речи ведущей передачи о музыке: *Эмоция, присущая всем секвенциям в мире: это устремление вперед, развивающее*

начало, некая "раскрутка" или "накачка"...; собственно, это развитие – и есть главная цель секвенций, главная причина, по которой их следует использовать.

В начальном фильме «Знакомство» сериала «Дживс и Вустер» Берти Вустер пытается объяснить свой хулиганский поступок кражи шлема у полицейского тем, что полицейские получают от этого удовольствие, и на вопрос сэра Родерика: *Ну и в чем ж здесь смысл?* ответил: *Смысл? Ну, это одна из традиций, которыми богат наш остров.*

В самом общем виде при рассмотрении ошибок как вида аномалий реализуется подход каузальный. Исследуются причины появления ненормативного ударения, метонимического наименования, употребления наречия в несвойственной ему функции сказуемого, дублирование предлогом семантики, выражаемой косвенным падежом, и объясняются условия появления нового акцентного варианта, нового лексико-семантического варианта, появления слова категории состояния и иных новшеств в языке. Можно сказать, что описывающая формирование функциональных разновидностей языка стилистика в значительной степени каузальна. В модели коммуникативной ситуации ее элементы (говорящий, слушающий, тема, канал связи), которые действуют на качество высказывания рассматриваются как причины, силы, факторы. Напротив, риторика в значительной степени телеологична, разумеется, если описание приемов не заканчивается описанием механизма, а непременно сопровождается описанием семантического эффекта, более подробным, чем «прием делает речь более выразительной».

Неразличение в разговорной коммуникации причин и целей – обычная неточность, но такое неразличение в исследовании – это методологическое заблуждение. В особенности это заблуждение вредит лингвистическому анализу художественного текста. Например, «подключение» сведений об обстоятельствах создания произведения, биографии автора к анализу художественного текста игнорирует автореферентность – важнейшее типологическое свойство художественного текста. Представители ОПОЯЗа подчеркивали важность телеологического аспекта – внимания к приему – для описания эстетической стороны художественной речи: «прием есть факт художественно-телеологический, определяемый своим заданием: в этом задании, то есть в стилистическом единстве художественного произведения, он получает свое эстетическое оправдание» [Жирмунский, 1977, с. 35].

М. В. Никитин разграничивает информацию **семиоимпликационную** – неявную информацию, которая не предназначена для передачи, хотя и может быть вычитана из текста, и **интенциональную**, предназначенную для выражения и выраженную в высказывании. Недоразумения, возникающие при анализе художественных текстов в связи с неразличением семиоимпликационной, то есть каузально существенной, и интенциональной, существенной телеологически, описаны нами в параграфе об интенциональности знака в работе [Заика, 1996, с. 125].

Результаты исследования. Применяемые в научной работе понятия, составляющие инструментарий, посредством которого исследователь получает новые знания, должны быть построены на ясных, хотя бы для самого исследователя,

основаниях. Известно, что описание результатов рефлексии о методах и понятиях, применяемых в собственном исследовании, – дело непростое: «в лингвистике редкие авторы, независимо от весомости их научного вклада, берут на себя труд сформулировать общеметодологические основы своих построений» [Фрумкина, 2004, с. 5].

Рассмотренные понятия актуальны для изучения выразительности практической и изобразительности художественной речи. Объединение видовых, как оказывается, явлений – ошибки и приема – родовым – аномалией – демонстрирует двойственность (со всеми признаками антиномии) одного из явлений речи, связанного с реализацией языка. Как и всякая аномалия, она позволяет размышлением о ней лучше осмыслить как ошибку, так и прием.

Казалось бы, монолитное понятие *норма* тоже является антиномичным, и эта антиномичность обнаруживается в проекции нормы на антиномичные же ошибку и прием.

Нечаянная ошибка (недочет) и намеренный прием (фигура) в силу принципиального различия своего положения в высказывании (тексте), требуют разных аспектов рассмотрения, предполагающих принципиально разные вопросы: «почему?» и «зачем?»

Ошибка каузальна. Об ошибке мы думаем, почему она возникла, какова причина ее, и что нужно сделать чтобы ее предотвратить.

Прием телеологичен. О приеме мы думаем, зачем здесь так сказано, не просто, а как-то необычно, какова цель такого странного употребления, обычно приемом автор говорит больше и ярче (возбуждая воображение), чем если бы он это сказал длинно и скучно, понятно, но не будя воображение.

Ясное представление исследователя о различии каузального и телеологического подходов (аспектов) необходимо для уточнения и упорядочения изучения риторических путей от мысли к слову, а также методических процедур анализа поэтического текста, чтобы преодолеть центробежные тенденции поиска ответа на вопрос за пределами текста, например, в биографии автора, и укрепить центростремительную направленность на текст, на прием, потому что только такая направленность обеспечивает эстетический эффект.

Выводы. Итак, в статье рассмотрены различия ошибки и приема как видов аномалий, их различное отношение к норме, выявлены разные стороны нормы, определено различие нормы и нулевой степени, а также описаны различия аспектов, которые следует применять в процессе изучения вариантов аномалий. Все эти теоретические сведения позволят в дальнейшем рассмотреть различие приема (телеологического в принципе) в риторическом материале – практической речи и поэтическом материале – художественной речи. Кроме того, все рассмотренные понятия позволят рассмотреть ошибку (каузальную в принципе) как прием в практической коммуникации при реализации разного рода функций речи и художественных текстах при реализации эстетической функции речи.

Литература

- Апресян, Ю. Д. (1990). Языковые аномалии: типы и функции. *Res Philologica: памяти академика Г.В. Степанова (1919-1986)*: сборник статей. Москва; Ленинград: Наука. 50–71.
- Аристотель. (1978). О софистических опровержениях. *Сочинения: в 4 т.* Москва: Мысль, 2, 535–593.
- Афонасин, Е. В. (2020). Горгий Леонтийский. Фрагменты и свидетельства. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 14(2), 756–811.
- Ахманова, О. С. (1966) *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия.
- Винокур, Г. О. (1967) Из бесед о культуре речи. *Русская речь*. 3, 10–14.
- Дюбуа, Ж., Эделин, Ф., Клиненберг, Ж.-М. и др. (1986). *Общая риторика*; перевод с французского Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова; общая редакция и вступительная статья А. К. Авеличева. Москва: Прогресс.
- Жирмунский, В. М. (1977). *Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избранные труды*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Заика, В. И. (2006). *Очерки по теории художественной речи*. Великий Новгород: Изд-во НовГУ.
- Клюев, Е. В. (1999). *Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция*: учебное пособие. Москва: Приор.
- Никитин, М. В. (1997). Предел семиотики. *Вопросы языкознания*. 1, 3–14.
- Серль, Дж. (1986). Что такое речевой акт. *Новое в зарубежной лингвистике: переводы. Вып. 17: Теория речевых актов*. Москва: Прогресс. 151–169.
- Скребнев, Ю. М. (1991). Аксиомы, псевдопроблемы и проблематика стилистики. *Вопросы языкознания*. 1, 163–167.
- Тезауро, Э. (2002). *Подзорная труба Аристотеля*. Перевод с итальянского. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Тодоров, Ц. (1998). *Теории символа*. Перевод с французского. Москва: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество.
- Фрумкина, Р. М. (2004). *Что мы делаем, когда мы говорим и думаем*. Препринт WP6/2004/04. Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ Москва: ГУ ВШЭ. URL: <https://studfile.net/preview/6015962/>
- Хазагеров, Г. Г. (2018). Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз. *Вестник РУДН. Серия. Лингвистика*. 22(2), 357–372.
- Шкловский, В. Б. (1983). *О теории прозы*. Москва: Советский писатель.
- Mathesius, V. (1982). *Jasyk, kultura a slovesnost*. Praha: Odeon.

References

- Apresyanyan, Y. D. (1990). Language anomalies: types and functions. *Res Philologica: in memory of academician G.V. Stepanov (1919–1986)*: collection of articles. Moscow; Leningrad: Nauka. 50–71. (In Russian).
- Aristotel' (1978). About sophistical refutations. Works: in 4 volumes. Moscow: Mysl'. 2, 535–593. (In Russian).
- Afonasin, E. V. (2020). Gorgias of Leontini. Fragments and testimonies. *Schole. SHOLJe. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2, 756–811. (In Russian).
- Akhmanova, O. S. (1966). Dictionary of linguistic terms. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija. (In Russian).
- Dubois, J., Adeline, F., Klikenberg, J., et al. (1986). General rhetoric. Transl. from French by E. E. Razlogova, B. P. Narumov. Moscow, Progress. (In Russian).
- Vinokur, G. O. (1967). From conversations about the culture of speech. *Russkaya rech'*, 3, 10–14. (In Russian).
- Zhirmunsky, V. M. (1977). Theory of literature. Poetics. Stylistics: selected works. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. (In Russian).
- Zaika, V. I. (2006). Essays on the theory of artistic speech. Veliky Novgorod: Novgorod State University Publishing House. (In Russian).
- Klyuev, E. V. (1999). Rhetoric: Invention. Disposition. Elocution: textbook. Moscow: Prior. (In Russian).
- Matezius, V. (1982). *Jasyk, kultura a slovesnost*. Praha: Odeon.
- Nikitin, M. V. (1997). The limit of semiotics. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 3–14. (In Russian).
- Searle, J. (1986). What is a speech act? *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: perevody. Vyp.17. Teorija rechevyh aktov* [New in foreign linguistics: translations. Vol. 17: Speech Act Theory]. Moscow: Progress, 151–169. (In Russian).
- Skrebnev, Yu. M. (1991). Axiomy, psevdoproblemy i problematika stilistiki *Voprosy jazykoznanija*, 1, 163–167. (In Russian).
- Tesauro, E. (2002). Aristotle's spyglass. Transl. from Italian. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Todorov, Ts. (1998). Theories of symbol. Transl. from French. Moscow: Dom intelektual'noj knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo. (In Russian).
- Frumkina, R. M. (2004). What we do when we talk and think. Preprint WP6/2004/04. WP6 series. Humanitarian Historical and Theoretical Studies. Moscow: State University Higher School of Economics. Retrieved from <https://studfile.net/preview/6015962/>. (In Russian).
- Hazagerov, G. G. (2018). Ritorika, grammatika, diskurs, gomeostaz. *Russian Journal of Linguistics*, 22, 2, 357–372. (In Russian).
- Shklovsky, V. B. (1983). About the theory of prose. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russian).

Источники

ИЛУ (1980) *История лингвистических учений: Древний мир*. Ленинград: Наука.

ЛЭС (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.

РГЭС (2002). *Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3-х т. Т. 2: З-П*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ: Владос. URL: http://www.2tq.ru/slovary/norma_yazykovaya.html

РЯЭ (1997). *Русский язык: энциклопедия*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия: Дрофа.

СЭС (2011). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. 2-е изд., стер. Москва: Флинта: Наука.

ЭСС (2005). *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты*. Москва: Флинта: Наука.

Sources

Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings (ESS) (2005). Moscow: Flinta: Nauka.

History of linguistic studies: The Ancient World (ILU) (1980). Leningrad: Nauka.

Linguistic encyclopedic dictionary (LES) (1990). Moscow: Sovetskaja jenciklopedija.

Russian language: Encyclopedia (RJAE) (1997). Moscow: Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija: Drofa.

Russian humanitarian encyclopedic dictionary: in 3 volumes. Т. 2: Z-P (RGES) (2002). St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University: Vlados. Retrieved from http://www.2tq.ru/slovary/norma_yazykovaya.html (01.11.2023).

Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language (SES) (2011). Moscow: Flinta: Nauka.

Для цитирования статьи:

Заика, В. И. (2023). Речевая аномалия как ошибка и как прием. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 31–42. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-31-42

For citation:

Zaika, V. I. (2023). Speech anomaly as a mistake and as a technique. *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 31–42. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-31-42

ПРАКТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА / PRACTICAL STYLISTICS

Смена стилового регистра лексем в речевой практике как проблема стилистического нормотворчества

О. И. Северская

Changing stylistic register of lexemes in speech as a problem of stylistic standardization

O. I. Severskaya

Ольга Игоревна Северская – кандидат филологических наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Статья поступила. 10.11.2023. Принята к печати: 01.12.2023.

В статье рассматривается проблема влияния цифровизации на стандартный языковой узор, приводящего к изменениям литературной нормы, в том числе и стилистической. Опираясь на существующие исследования, автор анализирует причины дестабилизации нормы – разрыве традиций культуры речи, сосуществовании нормативных стандартов и субстандартов, большей публичности речи с одновременным ослаблением требований к ее качеству. Исследование, проведенное на базе Национального корпуса русского языка, поиска в системе Яндекс и собственных наблюдений над речью современников, позволило на примере дистрибуции языковых маркеров относительности *касаемо*, *касательно* и *что касается* X подтвердить гипотезу о существовании двух разнонаправленных тенденций изменения стилистического регистра лексем – понижения высокой и повышения сниженной лексики. Используя синхронно-диахронический, дистрибутивно-статистический и корпусный методы, автор доказывает, что начало цифровизации стало точкой отсчета подобных изменений, слом нормы приходится на 2000-2023 годы. Благодаря преимущественному употреблению в массмедиа и социальных сетях рассмотренные в статье языковые единицы обнаруживают тенденцию к стилистической нейтрализации. Автор приходит к выводу о формировании у них новых, контекстно обусловленных стилистических коннотаций и некоторого рода многозначности, что говорит о необходимости пересмотра существующих нормативных стилистических помет.

Ключевые слова: стилистическая норма, стилового регистра слова, стилистическая стратификация языка, маркеры относительности, корпусные исследования

УДК 81'42:81'38

Olga I. Severskaya – candidate of Philological Sciences; The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0002-6277-9756

Received: 10/11/2023. Accepted for publication: 01/12/2023.

The article examines the problem of the influence of digitalization on standard language usage, leading to changes in literary norms, including stylistic ones. Based on existing research, the author analyzes the reasons for the destabilization of the norm, namely, a break in the traditions of the culture of speech, the coexistence of normative standards and substandards, greater publicity of speech with a simultaneous weakening of the requirements for its quality. A study conducted on the basis of the Russian National Corpus, a search in the Yandex system and author's own observations of the speech of contemporaries made it possible, using the example of the distribution of linguistic markers of relativity *kasayemo*, *kasatel'no* and *cto kasayetsya* X, to confirm the hypothesis about the existence of two differently directed trends in changes in the stylistic register of lexemes – lowering high and raising substandard vocabulary. Using synchronous-diachronic, distributive-statistic and corpus methods, the author proves that the beginning of digitalization was the starting point for such changes, the breakdown of the norm occurred in 2000–2023. Due to their predominant use in the mass media and social networks, the linguistic units discussed in the article show a tendency towards stylistic neutralization. The author concludes that they have formed new, contextually determined stylistic connotations and a certain kind of polysemy, which indicates the need to revise existing normative stylistic marks.

Keywords: stylistic norm, stylistic word register, stylistic language stratification, markers of relativity, corpus research

OECD: 6.02OT

V

Постановка проблемы. Развитие интернет-коммуникации и интенсификация информационных процессов, по мнению некоторых исследователей, «не самый благоприятный для русской литературной нормы момент» [Беликов, 2007, с. 36], момент ее дестабилизации.

Речевой стандарт определяет поколение 1990-х, заняв ключевые позиции в сферах, влияющих на стандартный языковой узус – в издательском деле, СМИ, рекламе, кинопрокате [Там же, с. 41]. Межпоколенческий разрыв в речевой культуре, сосуществование в интернет-пространстве «молодежного», регионального, зарубежного и нормированного литературного русских языков, бóльшая публичность речи при ослаблении контроля за публичными текстами, фрагментарность восприятия текстов без «точки отсчета» приводят к размытию представлений о норме и стилевых регистрах.

Сегодня перед лексикографами поставлена задача создания прескриптивного словаря, а потому проблема кодификации актуальной нормы, в том числе и стилистической, определяющей выбор правильного слова в зависимости от контекста и речевой ситуации, как никогда актуальна. Как справедливо замечает В. И. Беликов, существует опасная «трещина между фактически сложившимся нормативным узусом и лексикографической практикой его фиксации», а для ее устранения требуется «качественное представление о регистровой структуре русского языка, и в нормативной, и в субнормативной части» [Там же, с. 48].

Одним из маркеров проблемы, как представляется, в последнее время стало использование синонимичных, но имеющих разную стилистическую окраску выражений относительности *касается, касательно, что касается* X. На их примере в статье рассмотрена проблема стилового регистра языковых выражений в узусе и норме с точки зрения возможностей его кодификации и выбора стилистических словарных помет.

История вопроса. Среди существующих исследований, так или иначе затрагивающих поставленную проблему [Круглов и др., 2015], отметим те, в которых обращено внимание на возможность смены словом стилового регистра.

Еще Т. Г. Винокур замечала, что использование стилистических словарных помет связано «со словом как обозначением не реалии, а социологического понятия, содержащего указание на его оценку говорящим коллективом того или иного времени (или предписывающего эту оценку)» [Винокур, 1986, с. 20]. На это положение опирается А. В. Алексеев, постулирующий диахронический подход к изучению стилистической окраски слова и возникающих у него в разное время стилистических коннотаций [Алексеев, 2017, с. 64]. О важности серьезных социолингвистических исследований для актуальной стилистики говорит В.И. Беликов [Беликов, 2007, с. 42], а А. А. Кретов отмечает влияние изменений сфер конкретных словоупотреблений: «пребывая в тех или иных текстах, слово “пропитывается” их стилистикой, получая соответствующую стилистическую окраску» [Кретов, 2017, с. 5].

Чрезвычайно важными представляются исследования А.Р. Пестовой, в зоне внимания которой оказываются лексико-стилистические процессы в русском языке второй половины XX – начала XXI века (прежде всего – изменение стилистического статуса языковых единиц в актуальном узусе) и их лексикографическое отражение. По ее наблюдениям, «на изменение стилистического статуса лексики влияет комплекс факторов: увеличение частотности употребления слова, изменения в его семантике, утрата связи с определённой социальной группой, в которой оно изначально употреблялось, а также изменение экстралингвистических обстоятельств» [Пестова, 2022, с. 5]. В актуальном узусе она видит две разнонаправленные тенденции: «с одной стороны, повышение стилистического статуса сниженной лексики, а также ее стилистическая нейтрализация, с другой — снижение стилистического статуса нейтральных и разговорных слов» [Там же].

Особо А.Р. Пестова подчеркивает важность корпусных исследований для современной лексикографии и верификации помет в словарной стилистической зоне: «Корпусные данные являются одним из важнейших источников, которые могут помочь составителям словарей установить стилистическую характеристику того или иного слова или его отдельного значения. Во-первых, они дают богатый материал — тексты разных жанров, которые позволяют анализировать различные контексты и различные сферы употребления исследуемой лексической единицы. Во-вторых, Корпус предоставляет возможность отслеживать динамику частотности употребления слова и на основании этого делать выводы о его стилистической окраске» [Там же, с. 21].

Разделяя приведенные точки зрения на проблему диагностирования смены стилового регистра слова, будем считать их теоретической основой представленного в статье исследования.

Методология и методика анализа. Как можно было заметить, наиболее эффективными в выбранном исследовательском поле оказываются синхронно-диахронический, дистрибутивно-статистический и корпусный методы исследования, которые и были использованы в анализе собранного материала: корпус узуальных употреблений языковых единиц *касается, касательно, что касается X* был сформирован на основе Национального корпуса русского языка (использовались подкорпусы «Основной», «Газетный», «Социальные сети», «Устный» [НКРЯ]), результатов обращения к поисковой системе Яндекс, а также на основе включенного наблюдения за речью носителей языка, позволяющего интуитивно прийти к определенным заключениям, верифицируемым корпусными и статистическими данными.

Предметом исследования стала стилистическая окраска слова, оцениваемая по его тяготению к той или иной группе текстов. В качестве нормативного ориентира использовался материал авторитетных толковых словарей русского языка [Русские словари], позволивший выявить репертуар стилистических помет, сопровождающих рассматриваемые языковые единицы.

Прежде чем обратиться к проведенному исследованию и его результатам, определимся в терминах.

Под **стилистической окраской** будем понимать «дополнительный компонент значения языковой единицы социального, эмоционального, оценочного характера, дополняющий основную семантику и в силу этого ограничивающий ее употребление (определенной речевой ситуацией, стилем, жанром, контекстом)» [Десяева, Арефьева, 2008, с. 17].

Принимая во внимание то, что каждый словарь имеет свой набор соответствующих помет [Емельянова, 2002, с. 45; Пестова, 2022, с. 7-8], приведем средние значения тех, что существенны для нашего исследования. Так, рассматриваемые в статье языковые единицы в словарях сопровождают пометы **книжн.** (книжное) – характерно для слов, которые используются преимущественно в текстах сферы интеллектуального общения; **офиц.** (официальное) – для слов, употребляющихся в документах; **разг.** (разговорное) – для слов, употребляющихся как средство непринужденного общения, в том числе в деловой или официальной обстановке; **разг.-сниж.** (разговорное сниженное) – для слов, содержащих намеренно грубоватую экспрессию; **нар.-разг.** (народно-разговорное) – для слов, указывающих на принадлежность к ненормированной народной речи и используемых в текстах как средство сниженной экспрессии [Несова, 2005, с. 111–112]. Особо выделим, вслед за А. Р. Пестовой, помету **прост.** (просторечное): «Просторечие составители словарей обычно располагают на шкале нормативности ниже разговорной речи, но всё еще на границе литературного языка, отмечают в нём сниженную, грубоватую экспрессию, а также указывают на употребление просторечных лексических средств в обиходной, бытовой, эмоционально раскованной повседневной речи» [Пестова, 2002, с. 9], однако в некоторых случаях просторечие выводится за рамки нормы, соответственно, помета **прост.** носит запретительный характер [Там же, с. 7–8]. В качестве основного критерия разграничения разговорности и просторечности примем выделенный А. Р. Пестовой [Там же, с. 9] критерий приемлемости (*разг.*) / неприемлемости (*прост.*) использования языковой единицы в текстах нейтрального стиля.

Анализ материала. Резкий рост в 2010-х годах употребления маркирующего относительность предлога *касаемо* вместо привычного слуху *касательно* (о чем свидетельствует статистический сервис НКРЯ) сразу привлек внимание как исследователей (наблюдения автора статьи впервые прозвучали в радиопрограмме «По-русски говоря...» от 08.05.2018 [Северская, 2023]); 12.07.2018 появляется в «АиФ» публикация Е. Павлоцки [Павлоцки, 2018], так и популяризаторов науки: образовательный портал «Мел» зарегистрировал его в пародиях на «народный блогерский стиль» и категорически не рекомендовал использовать его в официальной, деловой, письменной речи, публичных выступлениях вне рамок ТикТока (<https://mel.fm/gramotnost/kak-govorit/6457931-kasayemo-etoy-problemy-ili-kasatelno-kak-govorit-i-pisat-pravilno>).

Сегодня на проблему обращают внимание и блогеры: «Очень часто приходится слышать в речи журналистов или тех, у кого они берут интервью слово “касаемо”. <...> Сказать, что это очень грубая ошибка нельзя, но ухо грамотного человека такое слово режет. Словари выражение “касаемо” признают народно-разговорным. А стало

быть ему не место ни в официальных текстах, ни в публичной речи. Если только выступающий не пытается намеренно “косить под своего”, выступая перед электоратом в глубинке», – пишет в своем блоге основатель издательского дома «Имидж-Медиа», главный редактор журнала «Пресс-служба» Тимур Асланов (<https://dzen.ru/a/X9NSMFosjh8sM5w1>).

В толковых словарях *касаемо* имеет пометы *прост.* (в «Словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией А.П. Евгеньевой, в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [Русские словари]) и *нар.-разг.* (в обновляемой электронной версии «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [Кузнецов, 2008]). Несмотря на квалификацию некоторыми специалистами предлога *касательно* как стилистически нейтрального и общеупотребительного («Как правильно – КАСАЕМО или КАСАТЕЛЬНО? – https://vk.com/wall-210255718_393), лексикографы продолжают отмечать его стилистическую маркированность, ставя помету *книжн. и офиц. дел.* [Русские словари; Кузнецов, 2008]. Той же позиции придерживается и справочная служба «Грамоты.ру»: «Обратите внимание: предлог *касательно* имеет ярко выраженную канцелярскую окраску, поэтому он уместен только в официально-деловой речи. В сочинении по русскому языку или литературе употребление этого предлога и подобных будет оценено как стилистический недочет или даже ошибка» (ответ на вопрос № 305780). А в некоторых словарях при *касательно* отсутствует функционально-стилистическая помета, но есть хронологическая – *устар.* [Русские словари]. Правомерность последней легко опровергнуть: с 2000 по 2023 год НКРЯ регистрирует 236 примеров употребления предлога *касательно* в основном, 2428 в газетном, 30 в устном, 854 в социально-сетевом корпусах, что говорит о его активном использовании во всех сферах речи. Пометы *книжн. и офиц.-дел.* в этом случае также по меньшей мере дискуссионны и требуют верификации корпусными данными, что мы и сделаем, применив синхронно-диахронический и дистрибутивно-статический подходы.

Предлог *касаемо* встречается практически исключительно в просторечном употреблении со второй половины XIX века примерно до середины XX века. Об этом свидетельствует классическая литература, где (*что*) *касаемо* указывает на ненормированную народную речь и используется как средство создания сниженной экспрессии. Это касается как русской литературы: [*Буфетчик*] *Помилуйте-с!.. Мы об эфтим никакого понимания не имеем... Где же нам загадки отгадывать?.. Мы, значит, при своем деле, у стойки стоим, а **что касаемо** до чего другого, так эфто не по нашей части* (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1864); *А **што касаемо** того, што я тебя ведьмой навеличивал, так это совсем особь статья, Дуня* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Озорник, 1896); так и советской классики: *Это бога не **касаемо**, чиновники, это – человеческое!* (М. Горький. Детство, 1913-1914); *Демка Ушаков, щуря глаза, язвительно выпрашивал: – Много ли напахала ваша бригада, товарищ Любишкин? — Тебя это **не касаемо**... – То-то что **не касаемо**... Вот зацеплю тебя на буксир, оно и коснется!* (М. А. Шолохов. Поднятая целина, 1932); но и до 2000-х предлог используется в художественной литературе как средство речевой

характеризации: *Что же касаемо надежд некоторых на шведских воинских людей, что-де от сего пирога, как Архангельск станут грабить, и им кусок отвалится, – так не быть тому!* (Ю. П. Герман. *Россия молодая*, 1952); *Касаемо замужества твой прогноз чрезмерно мрачен, – сказал Штрум. – Ты похорошела за последнее время* (В. Гроссман. *Жизнь и судьба*, 1960); *Мы все повторяли за ним: «треп», «душеспасительно», «душеласкательно», «это вам не жук накакал», «досихпорешние опыты» – прелесть, как он умел играть голосом, словами. «Кончай прят!» – в смысле пререкания. «Что касаемо в рассуждении...»* (Д. Гранин. *Зубр*, 1987); *А это тебя, дорогой, не касаемо, – ответил Колпин сурово, – свою бабу заведи и прощай ей сколько влезет* (А. Н. Варламов. *Лох*, 1994); *Так, <...> для дамы – сто грамм молдавского коньяку и касаемо еды – все, шо Аглая Степановна пожелает* (В. Войнович. *Монументальная пропаганда*, 2000) и т.п.

Пики собственно просторечного употребления *касаемо* совпадают с поворотными историческими событиями, обусловившими демократизацию речи: после отмены крепостного права в 1861 году, после революции 1917 года, после перестройки и начала цифровизации в 1990-х (см. Рис. 1).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1682 по 2022 ?

Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

Годы с по со сглаживанием

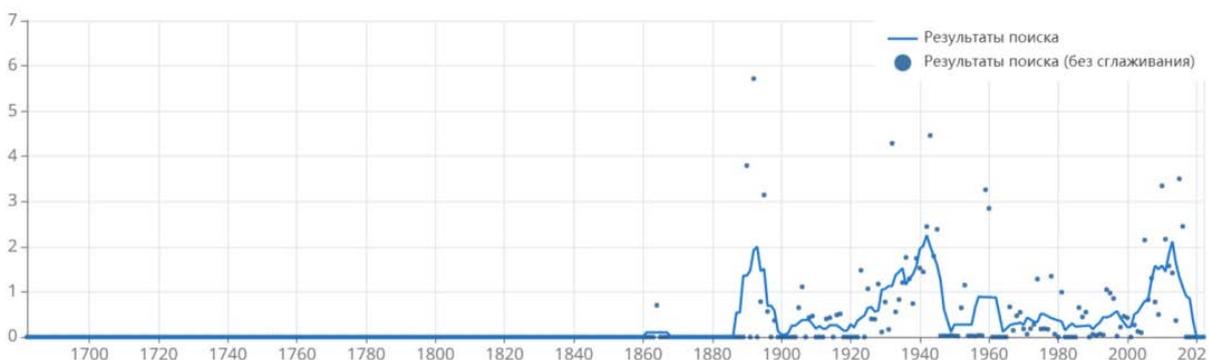

Рис. 1. Статистика употреблений предлога *касаемо* по данным НКРЯ

С началом интернетизации общения *касаемо* расширяет сферу своего употребления. С конца 1990-х встречается, не будучи просторечным, в официальном политическом дискурсе: *Что касается вотума недоверия правительству, который был поставлен в Думе, то, как вы знаете, Дума не поддержала эти предложения <...>. А касаемо критики правительства, недовольства его деятельностью, то должен сказать, что и я не всем доволен* (Текст пресс-конференции президента В. Путина // *Vesti.ru*, 20.06.2003); в научной публицистике: *Три наиболее изученных ингредиента: это углекислый газ, смола и никотин. Как эти вещества влияют на здоровье? Касаемо никотина все вроде бы понятно: «Капля никотина убивает лошадь...» Это известно каждому ребенку. Но мало кто знает, что никотин канцерогеном не является* (Зачем сражаться с сигаретой // *Аргументы и факты*,

20.06.2002); **Касаемо** Лосева умозрительный читатель также сориентировался бы: «друг Бродского», более искушённая публика говорит об «окружении» (А.Ю. Колобродов. Лев Лосев. Москвы от Лосеффа // Волга, 1999). В художественной литературе этого периода также встречаются разговорные употребления, близкие к нейтральным – например, в авторской речи: *Что касаемо нашей Каринки, то врачей она просто не замечает. <...> Что касаемо нашей любимой Манечки, то и тут без оригинальностей не обошлось* (Н. Абгарян. Всё о Манюне: сборник. 2012).

Нейтрализуется просторечность и в примерах из актуального сетевого дискурса – например, в деловой переписке в чате: *НАМИ лично разбирают все претензии касаемо качества* (Телеграм, 26.08.2022); [специалист Дома Молодежи Воронежа «ОМЦ»] *Что касаемо участия: сегодня, находясь в Воронеже, мы можем активно помогать людям которые находятся в другой стране, даже на другом материке* (Волонтер ВГТУ. Волонтёрство, 2022); *Современные пластиковые окна обладают уплотнителями, сделанными из высококачественной резины. В ее состав входит силикон, благодаря которому на протяжении долгого времени уплотнения сохраняют эластичность. – Это любого цвета свойства уплотнителя одинаковые, или касаемо черных? Слышал, что серые/белые уплотнители несколько другого состава* (Пластиковые окна в Воронеже, 2003-2020).

Множество примеров употребления *касаемо* найдем в комментариях на интернет-форумах: *Касаемо каш с мясом – вот это помню очень хорошо: каша переваривается быстрее, нежели мясо* (Проблемы со здоровьем у собак, 2004-2019); *касаемо ТВОЕГО, милейший, вопрошания, я сделаю твою работу за тебя...* (Анимешная болталка, 2005) – в обоих случаях предлог соседствует с архаизмами «высокого», книжного стиля (*нежели, вопрошание, милейший*), которые придают ему оттенок изысканной «винтажности»; в скобках заметим, что речевая мода на *касаемо* возникла одновременно с модой на *винтаж*.

Таким образом, можно говорить о повышении стилистического статуса предлога *касаемо* как минимум до разговорного, с тенденций превращения в нейтральную номинацию относительности.

Касательно оправдывает свой статус книжного слова с XVIII века и до 1990-х годов. В основном корпусе НКРЯ к официально-деловой сфере в этот период относится 110 примеров его употребления: *Съ проѣжжающими же безъ товаровъ касательно до срока карантеннаго, предоставляется на рассмотрение карантенныхъ начальниковъ; но однако не меньше трехъ недѣль, хотя бы по свидѣтельству и явно было, что проѣжжающій ѣдетъ изъ незараженнаго мѣста* (Правительствующаго Сената указъ о предосторожностяхъ отъ моровой язвы, 1770); *По вопросу же – должно ли быть содержание назначено членам управы, решено единогласно: назначить содержание; но касательно размера его возникло разногласие* (Журналы заседаний первого Переславского земского собрания, 1866); *Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября <...> касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам, я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить*

относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях (Е. К. Миллер. Письмо Н. И. Ежову. 1938) и т.п.

К учебно-научной сфере относятся 208 примеров, ср.: **Касательно** нашей внутренней торговли заметим, что ее свобода и выгоды обыкновенно входили в условия государственных постановлений (Н.М. Карамзин. История государства Российского, 1809-1820); Довольно обратить внимание на местные видоизменения русского языка, чтобы указать, что народный русский язык теперь уже далеко не тот, что был в древности, довольно, если бы даже и не было возможности узнать ни одного факта **касательно** древнего русского языка (И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка, 1849); **Касательно** Богородицы надобно заметить, что она издревле изображалась двояко: или сидящею, или лежащею (Ф. И. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи, 1866); И тут можем повторить те же рассуждения **касательно** материи, т.е. распространенности эфира, солнц, планет и других небесных тел. (К. Э. Циолковский. Причина космоса, 1925); ... автоматизация в рассматриваемой нами области (как и вообще у человека по сравнению с низшими животными) носит достаточно гибкий характер, чтобы выбить почву из-под всяких опасений **касательно** ее влияния на свободу интерпретации (Г. Коган. Работа пианиста, 1963) и др.

Однако не меньше, чем в традиционных для книжной лексики сферах официального и интеллектуального общения, употреблений в сфере обиходно-бытовой (всего 355), чаще – в личной неформальной переписке: *Что здесь нового? Обновленный театр и история Карамзина. В английском клубе о том и о другом рассуждают. Касательно* театра находят, что в креслах очень несет; а об истории один любитель – карт и биллиарда – сказал мне: “Оно хорошо, да робко пишет” (Н. И. Тургенев. Письма к С. И. Тургеневу, 1818); *Был вчера у Раи; она, оказывается, не уехала в Янги-Юль. Она занимается какими-то спекуляционными махинациями с какими-то одесситами (поездки в район, покупаются там продукты, здесь продаются). Я ее ругаю за это, но постараюсь выполнить ее поручения касательно* Москвы (Г.С. Эфрон. Дневники, 1941–1943); *Гомон разноголосый, разноязычный, вычисление процентов, декларации касательно производственных подвигов (в основном установление степени родства по материнской линии), фырканье под краном, стук самодельной деревянной обуви...* (Ю. Даниэль. Письма из заключения, 1966–1970) и т.д. И, как можно заменить, предлог органично вписывается в контекст, «впитывая» присущую тому разговорность.

В 2000-х в Основном корпусе мы видим совершенно иную картину: в официально-деловом употреблении **касательно** встречается один раз: *Ясно, что касательно Латвии речь идет о соблюдении прав русскоязычной части ее населения* (И. И. Студенников. Интервью латвийской газете «Телеграф» // Дипломатический вестник, 2004); в учебно-научном контексте 14 раз: *дискуссию вызывают вопросы <...> например, касательно решений, вынесенных судами США о штрафном возмещении ущерба...*(Применение оговорки о публичном порядке в судебной практике // Арбитражный и гражданский процессы, 28.04.2003); *Что в науке хорошо для ее популяризатора – это частая смена гипотез, особенно тех, что касаются времен*

(или мест) весьма отдаленных, и вы наверно догадались, что это замечание вызвано как раз появлением очередной новой гипотезы **касательно** метановых гидратов и изменений земного климата (А. Бухбиндер. Судьба метана // Знание–сила, 2003]. В художественной литературе этого периода рассматриваемый предлог впервые появляется в неподобающем книжной лексике контекстном окружении, например: *Однажды со мной ехал человек, знающий русский, он потом сказал, что эти супермены <...> несли **касательно** меня жуткую похабщину...* (А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! 2016); ***Касательно** крышона: я с легкостью пренебрегла сезонным условием, то есть тем, что его следует подавать летом, в жару, на веранде, балконе — и всё такое* (М. Палей. Дань саламандре. 2008).

Примеров употребления *касательно* в обиходно-бытовой сфере в 2000-е в основном корпусе нет, однако корпус «социальные сети» регистрирует 854 случая использования предлога в речевой ситуации непринужденного общения: *Распространенное заблуждение, **касательно** Таро, что это какая-то магия, способная причинить вред человеку* (Обучение ТАРО. Воронеж, 2022); *Выкладываю здесь свой (и не только свой) опыт **касательно** изготовления тортов с мастичным и кремовым оформлением* (Торты. 2022); *А **касательно** мегапикселей, чем их больше, тем хуже цветопередача* (Telegram Rozetked Discuss, 04.09.2022) и т.п. Интересно, что уже в начале 2000-х *касательно* смешивается с оборотом *что касается*: **Что *касательно* пробок, даже сейчас в основном быстрее, чем тогда...** (Из центра города исчезнут «Газели», 2007).

Налицо снижение стилистического статуса книжного слова до стилевого нуля нейтрального употребления, с понижением в сетевом употреблении до разговорности. А. В. Алексеев замечает: «Если слово тяготеет к высокому стилю, но при этом не уходит из активного запаса, это означает, что номинативная часть его семантики дополняется признаками, последовательно выражаемыми в высоком стиле и составляющими стилистическую коннотацию слова. При этом исторический источник высокого стиля – сакральная область языка, предназначенная для выражения ключевых ценностей данной культуры» [Алексеев, 2017, с. 64]. Рассмотрение предлога *касательно* в диахронии показало, что в ранний период его коннотацию действительно составляли слова-символы – в приведенных выше примерах это *Богородица, русский язык, материя, музыка* – номинации интеллектуальных ценностей. Сегодня контекст его употребления очевидным образом «десакрализуется». Хотя примеры разговоров о «высоком» в сетевом конкордансе есть: *Не так давно смотрел «Щит и меч» – тоже, казалось бы, известная картина, но как-то не впечатлило. Были опасения и **касательно** «17 мгновений» (тема-то, как ни крути, одна), но, к счастью, они рассеялись практически сразу. Фильм просто захватил* (Форум: 17 мгновений весны, 2005-2010), но ведутся они в сугубо разговорном ключе, что позволяет зафиксировать утрату словом ореола «высокой книжности».

Данные НКРЯ позволяют установить, что наиболее употребительным маркером относительности был в диахронии и остается в синхронном срезе оборот *что касается*, интуитивно относимый многими к канцелярско-бюрократическому стилю речи, а на деле приобретающий те или иные стилистические коннотации в

зависимости от контекста. В Корпусе обнаружено в общей сложности 78902 употребления оборота, распределение по отдельным корпусам для удобства представим в таблице (Таблица 1) – сравним частотность этого оборота в 2000-е годы с частотой употреблений еще одного рекомендуемого нормой нейтрального эквивалента – предлога *относительно*, не имеющего в толковых словарях [Кузнецов, 2008; Русские словари] стилистических помет:

Таблица 1. Распределение частоты употреблений *что касается X* и *относительно X* по отдельным корпусам (2000-2023).

Корпус	Распределение употреблений по корпусам			
	<i>что касается X</i>			
Основной	Газетный		Устный	Социальные сети
	Центральные СМИ	Региональные СМИ		
5612	65490	2351	1176	4273
	<i>относительно X</i>			
4225	60 718	472	268	6837

В силу обширности материала подробно представить анализ сфер употребления оборота *что касается X* в рамках статьи не представляется возможным, однако можно заметить, что сегодня он претендует на роль предпочтительного нейтрального эквивалента стилистически окрашенных маркеров относительности, поскольку встречается как в традиционных сферах книжного словоупотребления, так и в разговорной речи – публичной и непубличной, а также в неформальной сетевой коммуникации.

Сравним и частотность употребления в 2000–2023 годах предлогов *касается* и *касательно* (см. Таблица 2); статистические данные говорят о том, что конкурируют лексемы прежде всего в СМИ и социальных сетях, в публицистике и неформальном общении.

Таблица 2. Распределение частоты употреблений *касается* и *касательно* по отдельным корпусам (2000–2023)

Корпус	Распределение употреблений по корпусам			
	<i>касается</i>			
Основной	Газетный		Устный	Социальные сети
	Центральные СМИ	Региональные СМИ		
68	269	19	15	357
	<i>касательно</i>			
236	2392	36	30	854

Частотность лексем во влияющих на стандартный языковой узус сферах очевидна, как и обусловленная контекстами употребления стилистическая нейтрализация предлога *касательно*, а также переход предлога *касаясь* из просторечия в разряд разговорной лексики, с тенденцией к использованию в качестве нейтрального обозначения относительности в традиционно «книжных» речевых сферах. При этом следует учесть стремительный рост использования последнего и относительное снижение частотности первого, что отражено на графике распределения частоты употреблений *касательно* по годам (см. Рис. 2).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1682 по 2022 [?]

Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

Годы с по со сглаживанием

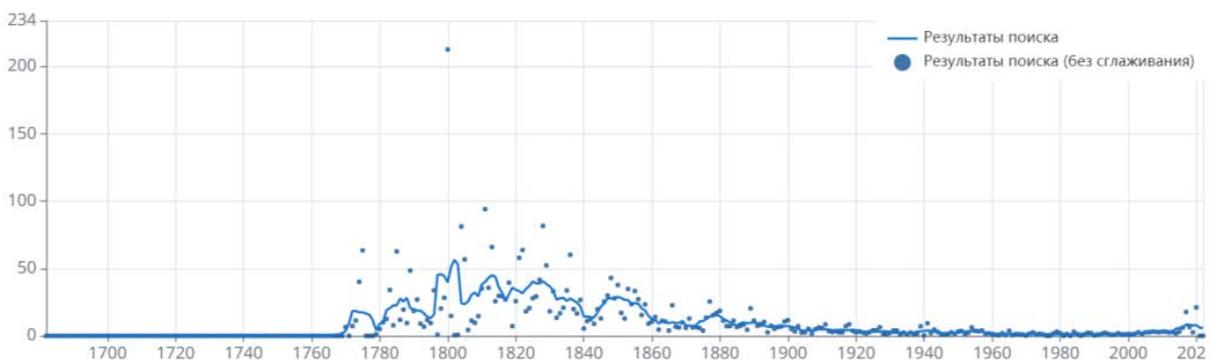

Рис. 2. Статистика употреблений предлога *касательно* по данным НКРЯ

Выводы. Проведенное корпусное исследование показало, что кодифицированная стилистическая норма, в соответствии с которой предлог *касаясь* имеет пометы *прост.* и *нар.-разг.*, а предлог *касательно* – пометы *книжн.* и *оф.-дел.*, далека от актуального стандартного узуса, в котором сохраняется только в определенных контекстах.

Анализ словоупотребления 2000–2023 годов подтвердил выводы А.Р. Пестовой [Пестова, 2022, с. 20] о наличии двунаправленного вектора происходящих стилистических изменений: снижения стилистического статуса высокой лексики при одновременном повышении статуса сниженной, а также о том, что переход слова либо его отдельного значения из просторечного – в разговорное наблюдается чаще всего.

Анализ корпуса конкретных словоупотреблений показал также, что оба рассмотренных предлога стремятся к стилистической нейтрализации, сближаясь с стилистически немаркированным эквивалентом *относительно* и интуитивно относимым пока исследователями к официально-деловой и учебно-научной сферам речи оборотом *что касается X*, который также стремится к роли универсального именованию отношений. Погружаясь в актуальной речевой практике в несвойственные нормированным употреблением контексты, рассмотренные языковые выражения действительно «пропитываются» их

стилистикой, получая новую стилистическую окраску, которую можно назвать «полисемичной». Возможно, в их случае пора пересмотреть систему стилистических словарных помет, добавив, например, «и окказионально *разг.*»

В целом же можно констатировать: сетевое использование языка вносит свои коррективы, и сегодня уже можно говорить не только о корпусной грамматике, но и о корпусной стилистике, фиксирующей новые речевые нормы.

Литература

Алексеев, А. В. (2017). Стилистическая окраска слова в диахроническом аспекте. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия. Филология. Теория языка. Языковое образование*. 4(28), 64–71.

Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды: в 2-х т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры.

Беликов, В. И. (2007). Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве. *Acta philologica: филологические записки*. 1. Москва: Альма матер.

Винокур, Т. Г. (1986). Толковый словарь и языковое употребление. *Вопросы языкознания*. 4, 16–26.

Десяева, Н. Д., Арефьева, С. А. (2008). *Стилистика современного русского языка: учебное пособие*. Москва: Академия.

Емельянова, О. Н. (2002). Стилистические пометы в толковых словарях. *Русская речь*. 5, 45–47.

Кретов, А. А. (2017). Распределение слова по группам текстов и его стилистическая окраска. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 3, 5–15.

Круглов, В. М., Истратий, В. В., Гамирова, Д. Р., Каплан, Е. Д. (2015) *Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка: монография*. Под редакцией. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Несова, Н. М. (2005). Стилистическая окраска слова и стилистические пометы в толковых словарях русского языка. *Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: материалы VII научно-практической конференции молодых ученых, г. Москва, 22 апреля 2005 года*. Москва: Флинта; Наука. 110–114.

Пестова, А. Р. (2022). *Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половины XX – начала XXI в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Москва.

Северская, О. (2023). Удивительный русский. *Российская газета*. 15.11.2023.

Источники

Кузнецов, С.А. (Ред.) (2008). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar?ysclid=lq7z1vb9r1406961891>

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*: сайт официальный. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Павлоцки, Е. (2018). «Что касаемо» или «что касается»? *Аргументы и факты*: официальный сайт. URL: https://aif.ru/society/education/chtokasaemo_ili_chtokasaetsya_kak_pravilno

Русские словари. *СЛОВАРИ.РУ: словарная база*: официальный сайт. URL: <https://slovari.ru>

References

Alekseev, A. V. (2017). Stylistic coloring of the word in the diachronic aspect. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4 (28), 64–71. (In Russian).

Apresyanyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Vol. 2. Integral description of language and system lexicography*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian).

Belikov, V. I. (2007). Language norm: new and old cracks in the Russian-speaking space. *Acta Philologica: Philological notes*, vol. 1. Moscow: Alma mater Publ., 36–52. (In Russian).

Vinokur, T. G. (1986). Explanatory dictionary and language use. *Voprosy yazykoznanija [Topics of the study of language]*, 4, 16-26. (In Russian).

Desyaeva, N. D. (2008). *Stylistics of the modern Russian language*. Moscow, Academy Publ. (In Russian).

Emelyanova, O. N. (2002). Stylistic notes in explanatory dictionaries. *Russian Speech*, 5, 45–47. (In Russian).

Kretov, A. A. (2017). Distribution of the word among groups of texts and its stylistic coloring. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 5–15. (In Russian).

Kruglov, V. M. et al. (2015). *Standard-stylistic marks in explanatory academic dictionaries of the Russian language*, St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian).

Nesova, N. M. (2005). Stylistic coloring of the word and stylistic marks in explanatory dictionaries of the Russian language. In *Materials of the VII scientific-practical conference of young scientists "Current problems of the Russian language and methods of teaching it"*. Peoples Friendship University of Russia, April 11, 2005, Moscow: Flinta: Nauka, 110–114. (In Russian).

Pestova, A. R. (2022). *Stylistic notes in explanatory dictionaries as a reflection of lexico-stylistic processes in the Russian language of the second half of the 20th – beginning of the 21st century*, Author's abstract. ...PhD thesis, Moscow. (In Russian).

Severskaya O. (11/15/2023). Amazing Russian. In *Russian newspaper*. (In Russian).

Sources

Kuznetsov, S. A. (n/d). *Great Dictionary of Russian language*. Retrieved from <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar?ysclid=lq7z1vb9r1406961891>.

Pawlocki, E. *Что касаемо or что касаетсся?* (07/12/2018). In *Arguments and Facts*. (In Russian).

Russian dictionaries. Retrieved from <https://slovari.ru/>.

The *Russian National Corpus*. Retrieved from <https://ruscorpora.ru/>.

Для цитирования статьи:

Северская, О. И. (2023). Смена стилового регистра лексем в речевой практике как проблема стилистического нормотворчества. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 43–56. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-43-56

For citation:

Severskaya, O. I. (2023). Changing stylistic register of lexemes in speech as a problem of stylistic standardization. *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 43–56. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-43-56

Легко ли представить документы в срок?

О. В. Кукушкина, И. В. Галактионова

Is it easy to submit documents on time?

O. V. Kukushkina, I. V. Galaktionova

Ольга Владимировна Кукушкина – доктор филологических наук, профессор; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

E-mail: ovkukush@mail.ru

Ирина Владимировна Галактионова – кандидат филологических наук, доцент; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

E-mail: ig@philol.msu.ru

Статья поступила: 10.11.2023. Принята к печати: 01.12.2023.

Olga V. Kukushkina – Dr. Sci. in Philology, Professor; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0008-3482-1102

Irina V. Galaktionova – candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0005-5818-605X

Received: 10/11/2023. Accepted for publication: 01/12/2023.

В статье обсуждаются причины споров, возникающих при трактовке значения глагола *представить*, и предлагается их решение. Данная проблема рассматривается на реальном экспертном материале, касающемся сочетания *представить документы*. Этот материал свидетельствует о том, что употребление глагола *представить* при указании на время и способ действия приводит к коммуникативной неудаче – оно создает неоднозначность и конфликтогенную ситуацию. По мнению авторов статьи, умение носителей языка видеть неоднозначность и избегать ее – необходимая часть их стилистического мышления. Поэтому обсуждение ее причин и способов ее устранения является неотъемлемой частью стилистики. Для решения возникающих по поводу указанного сочетания вопросов проводится семантический анализ глаголов, способных употребляться при описании ситуации «представление документов». Различия в их семантике выявляются с помощью описания структуры самой этой ситуации, т.е. с применением акционального подхода – от типа ситуации к особенностям обозначающих ее средств. Сложный, комплексный характер этой ситуации – наличие в ней двух предельных стадий – отправление и получение – определяет наличие в русском языке разных лексических средств, которые описывают как эти отдельные стадии, так и ситуацию в целом. К средствам первого типа относятся находящиеся в отношениях стилистического варьирования глаголы *направить* и *отправить*, маркирующие первую стадию, а также глагол *получить*, маркирующий вторую стадию. Глагол *вручить* акцентирует внимание на моменте смены стадий и способе представления. Глагол же *представить*, в отличие от остальных, предназначен для обозначения ситуации в самом общем виде, и с этим связана неоднозначность указаний на время, используемых при нем. Целостный характер описания ситуации несовместим с уточнением конкретных условий ее успешного завершения, касающимся ее отдельных стадий. В заключении статьи делается вывод о важности продолжения работы над объяснительным словарем

The article discusses the causes of disputes arising in the interpretation of the meaning of the verb *predstavit'* 'to submit' and proposes their solution. This problem is considered on the real expert material concerning the combination *predstavit' dokumenty* 'to submit documents'. This material shows that the combination of the verb *predstavit'* 'to submit' with an indication of the time and mode of action leads to communicative failure, that is, it creates ambiguity and a conflictogenic situation. According to the authors of the article, the ability of native speakers to see ambiguity and avoid it is a necessary part of their stylistic thinking. Therefore, discussion of its reasons and ways of its elimination is an integral part of stylistics. In order to solve the questions arising from this combination, a semantic analysis of verbs that can be used to describe the situation of *predstavleniye dokumentov* 'submission of documents' is carried out. The differences in their semantics are revealed by describing the structure of this situation itself, i.e. by applying an action approach – from the type of situation to the peculiarities of the means denoting it. The complex nature of this situation, the presence of two ultimate stages in it, including sending and receiving, determines the presence in the Russian language of different lexical means that describe both these separate stages and the situation as a whole. The means of the first type include the verbs *napravit'* and *otpravit'* 'to send', marking the first stage, and the verb *poluchit'* 'to receive', marking the second one. The verb *vruचित'* 'to hand over' emphasizes the moment of change of stages and the method of presentation. The verb *predstavit'*, unlike the others, is intended to indicate the situation in the most general form, and this is associated with the ambiguity of the time indications used with it. The holistic nature of the description of the situation is incompatible with the specification of conditions for its successful completion, which relate to its individual stages. The article concludes that it is important to continue work on an explanatory dictionary of synonyms of the Russian language, the tasks of which include the description of such differences.

синонимов русского языка, в задачи которого входит описание подобных различий.

Ключевые слова: синонимия, структура ситуации, неоднозначность, стилистические варианты, стилистическое мышление

Keywords: synonymy, situation structure, ambiguity, stylistic variants, stylistic thinking

УДК 81`37

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Большинство из нас ответят на вопрос, заданный в названии этой статьи, отрицательно. При этом мы будем опираться на свой жизненный опыт. Но у трудностей, возникающих при решении этой задачи, есть и лингвистические причины. И связаны они отнюдь не с выбором между глаголами *представить* и *предоставить*. Этот выбор, конечно, тоже достаточно мучителен, но он не влияет на успешность наших действий в описываемой ситуации и носит стилистический характер. О.И. Северская пишет об этом следующее: «Знакомая выпускница школы выбирала вуз весьма своеобразно: один просил «представить», другой – «предоставить» необходимые для поступления документы, так вот девочка решила идти «в тот, что грамотнее». Поэтому пришла ко мне на консультацию. Помочь я ей не смогла: *документы* разрешается по языковым нормам как *представлять* («предъявлять, подавать»), так и *предоставлять* («отдавать в чье-то распоряжение») [Северская, 2009]. Очевидно, что семантические различия между данными глаголами в сочетании со словом *документы* нейтрализуются, и поэтому ориентироваться нужно на сложившийся узус. И здесь нужно отметить, что юридической сфере предпочитается вариант *представить документы*.

Однако главная проблема, создающая трудности, заключается не в выборе между этими двумя глаголами. Она рассмотрена на основе вопросов, которые задают лингвистам люди, столкнувшиеся с ней.

История вопроса. Как показывает практика, имеют место обращения к лингвистам с просьбой «разъяснить семантическое значение глагола *представить*». Сам факт такого обращения свидетельствует о возможности разного понимания этого глагола в определенном контексте и о наличии конфликта, связанного с таким различием. Для пояснения сути возникшего спора лингвисту задаются конкретные вопросы уточняющие вопросы (см. ниже). Они представляют особый интерес, поскольку отражают процесс осмысления носителем языка возникшей лингвистической проблемы. Эти вопросы обычно призваны подтвердить правильность того или иного понимания, и из них можно извлечь информацию о том, какие именно компоненты значения языковой единицы оказываются «конфликтными».

Методология и методы исследования. Рассмотрим на этом материале вопрос о том, что же в выражении «представить документы» вызывает споры, и как их можно разрешить. В анализируемом случае был предоставлен следующий контекст из «Гражданского кодекса Российской Федерации»:

Статья 374. Представление требования по независимой гарантии

1. Требование бенефициара об уплате денежной суммы по банковской гарантии должно быть представлено гаранту в письменной форме с приложением указанных в

гарантии документов. В требовании или в приложении к нему бенефициар должен указать, в чем состоит нарушение принципалом основного обязательства, в обеспечение которого выдана гарантия.

2. Требование бенефициара должно быть представлено гаранту до окончания определенного в гарантии срока, на который она выдана».

К контексту прилагались следующие вопросы, которые были нами несколько переформулированы в стилистических целях:

«1. Следует ли из пунктов 1 и 2 указанной статьи, что требование по независимой гарантии должно быть направлено бенефициаром в адрес гаранта каким-то определенным способом?»

2. Является ли используемое в статье 374 ГК РФ законодателем слово «представлено» семантически тождественным слову «получено»?

3. Является ли используемое в статье 374 ГК РФ законодателем слово «представлено» семантически тождественным слову «вручено»?

4. Может ли используемое законодателем слово «представлено» быть произвольно заменено словами «получено» или «вручено» без искажения заложенного законодателем в текст указанной статьи смысла?»

Из первого вопроса однозначно следует, что глагол «представить» вызывает споры с точки зрения обозначения им способа подачи документов. Остальные три вопроса не описывают в явном виде вызвавший споры тип информации, но из предложенного для анализа контекста употребления (см. п. 2) становится ясно, что речь идет о сроке, в который должны быть представлены документы. В вопросах 2 и 3 просто указываются глаголы, с которыми нужно сравнить *представить*, чтобы определить их семантическое тождество или различие с последним. В вопросе 4 предлагается проверить результаты сравнения на практике – поместив эти глаголы в заданный контекст употребления. Позиция составителя вопросов прямо не обозначена, но она достаточно очевидна: он полагает, что глаголы *получить* и *вручить* семантически отличаются от глагола *представить* по интересующим его параметрам. На такую точку зрения указывает использование им наречия *произвольно* в вопросе 4 (см. «может ли быть *представлено* произвольно заменено...»). Данное наречие, мотивированное словом *произвол*, содержит негативную оценку автором вопросов подобной замены.

Анализ материала. Из поставленных вопросов можно восстановить исходную коммуникативную ситуацию следующим образом: между получателем и отправителем документов возник спор о способе и крайнем сроке их представления. Сторона получателя, очевидно, заглянула в толковые словари и увидела, что глагол *представить* толкуется через *вручить* и *дать*, что указывает на возможность его смысловой эквивалентности с *взять*, *получить*, а сторона отправителя попыталась с помощью лингвистов доказать, что в данном контексте о смысловом тождестве говорить нельзя.

Приведенные выше вопросы показывают, что все три глагола – *представить*, *получить* и *вручить* – могут использоваться для описания ситуации, стандартно обозначаемой как «представление документов». Таким образом, перед нами

классическая семантическая задача – описание отношений между лексическими единицами, способными описывать одну и ту же ситуацию.

К числу таких единиц относятся в первую очередь синонимы. Они активно используются при толковании значений друг друга, и это обычно воспринимается как доказательство их семантической тождественности. При этом не учитывается тот факт, что среди синонимов обычно очень мало на самом деле семантически тождественных, т.е. находящихся в отношениях точной синонимии. При точной синонимии слова должны толковаться в словарях одинаково (ср. известные пары типа *бегемот* и *гиппопотам*). Синонимы же, как известно, нужны прежде всего для акцентирования внимания на разных аспектах сходных ситуаций и явлений, т.е. призваны различать, детализировать эти аспекты. Поэтому в общем случае в синонимических группах имеют место отношения смыслового сходства, а не тождества, и синонимы требуют разного, а не одного и того же толкования, т.е. имеет место неточная синонимия.

Однако составление специализированных толкований, объясняющих различия между неточными синонимами, – это результат специальных кропотливых исследований, не входящих в задачи обычных толковых словарей. Такие объясняющие толкования мы находим в уникальном специальном словаре – «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», но состав описанных в нем слов невелик, и наши глаголы в их число не входят.

Смысловое сходство, помимо неточных синонимов, имеет место и между словами, находящимися в родо-видовых отношениях, а также при наличии отношений конверсии. В последнем случае именуется одна и та же ситуация, но по-разному выстраивается иерархия ее участников. Отношения смыслового тождества могут также возникать в определенных контекстуальных условиях, в которых семантические различия между единицами оказываются несущественными и нейтрализуются.

Таким образом, от лингвистов требуют установить, различаются ли значения глаголов *представить*, *вручить* и *получить* в предложенном для анализа контексте, и если да, что чем именно. При этом с помощью вопросов и контекста дополнительно указывается, что споры связаны с такими параметрами ситуации, как способ передачи документов и сроки.

Данная частная проблема оказывается достаточно интересной не только в практическом, но и в теоретическом отношении. Здесь можно выделить два аспекта. Первый из них связан с проблемой так называемой диффузности семантики слова, которая регулярно приводит к невозможности однозначно определить его значение в том или ином контексте [Шмелев, 1981], [Kikiewicz, 2007], [Власова, 2014], [Воронина, 2017]. Однако само понятие «диффузность» определено в недостаточной степени и может пониматься достаточно широко. Поэтому необходимо тщательное изучение причин возможной неоднозначности, и каждый конкретный ее случай представляет самостоятельный интерес.

Второй теоретический аспект касается подхода к решению подобных задач. Как показал анализ, причины спора и неоднозначности в данном случае связаны в первую очередь не с лексическим значением глагола, а с самим типом ситуации «предоставление документов». И это в очередной раз доказывает эффективность подхода, при котором исходной для исследования глагола является обозначаемая

глаголом ситуация и ее пропозитивная структура. Этот подход сейчас все чаще называют «акциональным» [Татевосов, 2005]. Именно этот путь – от «ситуации к средствам ее обозначения» – привел к фундаментальному семантическому открытию – разбиению самих ситуаций и именующих их глаголы на предельные и непредельные [Маслов, 1961]. Предельные ситуации являются полипропозитивными, поскольку они состоят из двух положений дел (пропозиций) – процесса и наступающего в результате него события.

С акциональной точки зрения ситуация «передача объекта», к которой относится и *представление документов*, является не просто предельной, но еще и **комплексной**, что определяет ее семантическую сложность. Она предполагает наличие двух стадий, каждая из которых состоит из двух самостоятельных предельных ситуаций. Эти стадии различаются и субъектами, и характером совершаемых действий: 1) *субъект передает нечто (дает)*; 2) *адресат получает (берет)*. Это различие очень существенное, и ни у кого не вызывает сомнений семантическая нетождественность глаголов *дать* и *взять*. Тем не менее, обозначаемые этими глаголами ситуации осмысляются и именуются нашим сознанием не только раздельно, но и как единая ситуация, в которой одна стадия предполагает наступление другой. Это единство и фиксируется с помощью номинации «передача».

Как частный вид передачи ситуация «представление документов» также состоит из двух стадий. В случае успешного ее завершения имеют место следующие два самостоятельные события:

стадия 1: *некто направляет, отправляет адресату документ* ('документ был у субъекта отправки и больше не находится у него');

стадия 2: *адресат получает этот документ* ('документ сначала не находился у адресата, теперь находится у него').

Комплексный характер обозначаемой ситуации создает объективную возможность и необходимость как ее целостного обозначения в языке, так и раздельной номинации ее начальной и конечной стадий. Кроме того, особой номинации, в силу специфики предметной области, может потребовать также сам момент передачи, а также обозначение успешности/неуспешности ее завершения. В конкретных языках эти возможности могут реализовываться в разной степени и средствами разных уровней. Рассмотрим, как устроен в этом отношении русский язык.

Начальная стадия комплексной ситуации «представление документов» – отправление документа – маркируется с помощью помощи особых лексических средств – глаголов *отправить* и *направить*. Хотя вопросы об этих глаголах не были нам заданы, *представить* может вступать и с ними в отношения неточной синонимии (см. ниже). При этом глагол *направить* используется в формулировке первого вопроса. Ср.:

«Следует ли из пунктов 1 и 2 указанной статьи, что требование по независимой гарантии должно быть **направлено** бенефициаром в адрес гаранта каким-то определенным способом?»

Выбор между глаголами *отправить* и *направить* в сочетании с «документы», как и в случае *представить* и *предоставить*, вызывает затруднения. Толкования этих глаголов показывают, что они описывают действия отправляющего субъекта. Ср.:

Направить³. Адресовать, отправить. *Пишу это письмо, но куда его направить, не знаю.* Станиславский К. С. Письмо И. А. Прокофьеву, 3 янв. 1901 [МАС, 2, с. 383];

Отправить¹. Послать для доставки куда-л. *Отправить письмо. Отправить посылку.* □ *Он отправил однажды какую-то нужную бумагу вместо Астрахани в Архангельск.* Гончаров И. Обломов. *Чемоданы были отправлены на станцию.* Чехов А. П. Тайный советник [МАС, 2, с. 701].

При этом между ними наблюдаются и некоторые отличия. Во-первых, сочетание *направить документы*, в отличие от *отправить документы*, не допускает эллипсиса адресата. Во-вторых, оно явно принадлежит к официальной сфере и предполагает официальный характер объекта (документа). Можно также говорить о том, что в большинстве случаев документы направляются с целью получения официальной реакции. Таким образом, глагол *отправить* можно рассматривать как немаркированное, а глагол *направить* как специализированное средство обозначения начальной стадии передачи (представления) документов. При этом нужно отметить, что оба этих глагола могут использоваться в одном и том же официальном тексте как практически эквивалентные по смыслу. Ср. пример такого использования: *Направить обращение в Пенсионный фонд РФ можно на официальном сайте Пенсионного фонда России через «Личный кабинет гражданина» в разделе «Обращения граждан»* (<https://es.pfrf.ru/appeal/>).

Раздел «Обращения граждан» дает возможность направить запрос в электронном виде или получить консультацию в режиме онлайн. В «выпадающих окнах» следует заполнить требуемую информацию, выбрать получателя обращения – территориальное подразделение ПФР, ввести текст и отправить. Ответ будет предоставлен посредством электронной почты или почтовой связи. Почтой направляются ответы, содержащие персональные данные, а также информацию об имущественном положении. (<https://sfr.gov.ru/branches/moscow/news~2018/03/22/155569?ysclid=laaz5dqakc626179931>).

С точки зрения рассматриваемой проблемы важно то, что оба глагола маркируют именно первую стадию и не предполагают обязательного успешного завершения даже в виде простого получения адресатом документов. Ср. правильность предложения следующего предложения: *Я направил (отправил) ему документы, но он их не получил.* Во временном отношении эти глаголы однозначны – темпоральные именные группы в сочетании с ними обозначают только время отправления документа, но не его получения.

Вторая стадия рассматриваемой ситуации также имеет в современном русском языке отдельную номинацию – глагол *получить*. Этот глагол семантически наиболее близок к глаголу *представить* и может выступать как конверсив к нему. Так, предложения *Я получил от него документы – Он представил мне документы* эквивалентны по смыслу, но первое из них на роль главного участника выдвигает получателя документов, а второе – того, кто их представил. При этом нужно отметить, что *получить* и *представить* являются неточными конверсивами: *получить* может обозначать не любую ситуацию, обозначаемую глаголом *представить*, а только такую, где происходит передача документа. *Представить* же не обязательно предполагает передачу документов – их можно просто показать адресату – и в этом

случае эквивалентны по смыслу предложения *Я видел его документы – Он представил мне документы*. Но в нашем случае идет речь именно о передаче, что подтверждает правомерность постановки вопроса о смысловой эквивалентности двух глаголов в тексте статьи закона.

Глагол *получить* семантически сближает с *представить* и то, что наличие первой стадии ситуации (отправление), входит в его значение в качестве пресуппозиции: невозможно получить то, что не отправлено. Однако у данного глагола есть существенное семантическое отличие, и касается оно временного параметра. Как глагол, нужный для обозначения второй стадии, *получить* описывает только действие адресата и, соответственно, время его совершения. Никакой неоднозначности при указании на время получения не возникает. Это время не может автоматически распространяться и на время отправления и считаться общим, поскольку эти два времени регулярно не совпадают.

С акциональной точки зрения важно также отметить, что глагол *получить*, будучи однозначным с временной точки зрения, оставляет неопределенным способ отправки документа, а также еще один важный компонент смысла, касающийся того, что считать успешностью достижения цели.

При описании ситуаций нужно обязательно учитывать специфику предметной области, а она в «представлении документов» связана именно с успешностью. В обычной жизни успешное завершение отправки – это получение объекта адресатом. И глагол «*получить*» обозначает достижение этого результата. Однако в документообороте успешность зависит в первую очередь от того, будет или не будет принят полученный документ адресатом. Документ может быть получен не вовремя; получен, но не принят (отклонен); он также может быть не зарегистрирован вовремя. Глагол *получить* ничего не говорит нам о факте принятия или непринятия документа. Он маркирует только факт нахождения у адресата. Это отражается в его толковании. Ср.:

Получить¹. Взять, принять что-л. вручаемое, присылаемое, выдаваемое и т.д. *Получить зарплату. Получить телеграмму. Получить на руки справку.* □ [Гурмыжская:] *Я продала Ивану Петрову лес за три тысячи, а получила только две.* А. Островский. *Лес*» (получить телеграмму, получить на руки справку» [МАС, 3, с. 275].

Глагол *вручить* толкуется следующим способом:

Отдать в руки, отдать непосредственно, лично кому-л. *Вручить повестку. Вручить орден.* □ –*Пригласил вас, чтоб лично вручить бумаги ваши.* М. Горький, *Жизнь Клим Самгина. Директор завода Дубенко вызвал к себе начальника мартеновского цеха и молча вручил ему толстую тетрадь.* В. Попов. *Сталь и шлак* [МАС, 1, с. 228].

Это толкование в полной мере отражает особенности данного глагола, обладающего специфической семантикой. Он фиксирует сам момент передачи, и тем самым обозначает совпадение времени отправления и получения. Кроме того, он однозначно указывает и на способ передачи – из рук в руки. При этом, как и *получить*, он не несет информации об успешном принятии документа. Оставляет он вопрос также тождестве отправителя и вручающего. В современном делопроизводстве этот глагол

до сих пор имеет свою нишу – это ситуации, в которых обязательна личная передача документа лицу, которого он касается (ср. вручение повестки).

Таким образом, все рассмотренные глаголы ведут себя как однозначные в сочетании с указанием срока, а глагол *вручить* маркирован также по способу передачи объекта. Что же касается глагола *представить*, то он обозначает ситуацию «передачи документов» целостно, т.е. не маркируя какую-то одну из ее стадий и не выделяя сам момент передачи. В этой немаркированности и заключается его семантическая специфика и его семантическая функция, позволяющая ему выступать в роли общего обозначения.

Словарные толкования описывают семантику этого глагола следующим образом.

Представить². Представить кого-что кому. Доставить, предъявить, сообщить. *Представить необходимые документы, Представить доказательства* [Ожегов, 1989].

Представить¹. Дать, вручить для ознакомления, осведомления. *Представить отчет. Представить справку. Представить диплом. Представить результаты исследования.* □ [Учитель] *представил Кирилу Петровичу свои аттестаты и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернером* (Пушкин А.С. Дубровский). – *Земскому вели мне ведомость за последний месяц представить* (Тургенев И.С. Затишье). – [Капитан] *составил план эвакуации некоторых военно-морских учреждений и представил по начальству* (Крон А. Дом и корабль) [МАС, 3, с. 371].

Как следует из толкований, глагол *представить*, как и *получить*, указывает на достигнутый результат – на то, что адресат получил (= ему доставили) отправленный субъектом документ или что адресат видел этот документ и ознакомился с его содержанием (= ему предъявили, т.е. показали документ, или сообщили его содержание). Этим объясняется неправильность предложений вроде **Я представил ему документы, но он их не получил*, в которых одновременно выражены два взаимоисключающих смысла: что документы были доставлены (*представил*) и что они не были доставлены (*не получил*). Оба глагола сближает и то, что они, обозначая сам факт получения документа адресатом, не указывают на его обязательное принятие последним: *Я им предоставил все документы, но они их не приняли*.

Нужно отметить, что обозначая получение, глагол *представить*, в отличие от *получить*, может акцентировать внимание на успешности только первой стадии ситуации, касающейся действий отправителя: *Я им представил (направил, отправил) все документы, но они получили их с опозданием*.

Способность обозначать первую стадию создает условие для неточной синонимии с глаголами *направить* и *отправить*. Но, в отличие от последних, *представить* сообщает, что документы не только отправлены, но и получены.

Целостное описание комплексной ситуации, для которого и предназначен глагол *представить*, совершенно оправданно и эффективно, если нужно описать ситуацию «представление документов» в самом общем виде. В таком случае имеется в виду успешное завершение этой ситуации – документы не только отправлены, но также получены и приняты. Однако если нужно специально оговорить

дополнительные условия успешного завершения (т.е. условия принятия документов), то этот глагол может оказаться, в силу своей немаркированности, конфликтогенным. К дополнительным условиям успешности и относится в первую очередь время совершения. Этот параметр должен определять, о времени отправления или времени получения идет речь.

Результаты анализа. В высказываниях с глаголом *направить* указание срока (например, *до конца месяца*) ограничивает время действия субъекта, передающего документ: *когда именно он должен направить его? до истечения какого срока?* В высказываниях с глаголом *получить* указание срока обозначает момент, начиная с которого получатель имеет возможность ознакомления с документом: *когда именно кто-либо получил документ?* Личный способ передачи исключает разнесенность двух событий (передачи и получения) во времени. Поэтому глагол *вручить* не только несет конкретную информацию о способе передачи, но и однозначно интерпретируется в контекстах, содержащих указание срока: если, например, сказано *вручить документ до конца недели*, то это значит, что субъект должен передать, а адресат – *получить* документ до окончания этого срока. Глагол же ***представить*** обозначает сразу оба события, в результате чего в предложениях с этим глаголом, содержащих указание срока, возникает ситуация временной неопределенности: остается непонятным, о времени какого из событий идет речь – времени направления или получения. Это приводит к неоднозначности текста п. 2 статьи 364: «*Требование бенефициара должно быть представлено гаранту до окончания определенного в гарантии срока, на который она выдана*», а именно – неясно, какое событие должно произойти до окончания определенного в гарантии срока: направление документа бенефициаром гаранту или получение этого документа гарантом от бенефициара, ведь эти два события могут быть существенно разнесены по времени.

Неоднозначность, связанная с неопределенностью временного параметра у глагола *представить*, регулярно устраняется путем дополнительного разъяснений порядка представления. В таких разъяснениях дается определение того, что именно следует считать ***датой представления***: *День представления организацией бухгалтерской отчетности определяется по дате ее почтового отправления или дате фактической передачи по принадлежности* («Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации», п. 88).

В ряде случаев прямо используется такое более однозначное обозначение, как *день направления* – это время отправки, которое должно быть документально подтверждено. Дата направления противопоставляется дате приема, т.е. получения. Ср.: *Напомним, что днем направления документов по ТКС считается дата, зафиксированная в квитанции подтверждения даты направления. Фонд, в свою очередь, должен в течение одного рабочего дня направить уведомление о приеме страхователю, при отсутствии причин для отказа. Датой приема документов считается дата, указанная в уведомлении* (Российский налоговый портал. 18.10.2023).

Дата представления может определяться и как время получения документов: *Датой представления документов при осуществлении государственной регистрации является день их получения регистрирующим органом* (Федеральный

закон № 129-ФЗ (редакция от 29.07.2017) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», ст. 9.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что использованная законодателем форма глагола *представить* не может быть произвольно заменена на форму глагола *получить* или *вручить*, так как при такой замене в текст статьи будет привнесена дополнительная конкретизация времени, в самой статье 374 ГК РФ отсутствующая – дата представления документа в случае такой замены будет определяться как дата его получения. Глагол *представить* такой информации не несет и оставляет временной параметр неопределенным, что позволяет устанавливать, что именно нужно считать датой представления, в особом порядке.

В заключение хочется сказать о том, что случаи конфликтогенного употребления лексических средств, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к стилистике. Как известно, сферу стилистики можно понимать как узко, так и широко. В последнем случае в нее нужно включать все типы употреблений, которые приводят к коммуникативным неудачам, а не только выбор между стилистически распределенными вариантами. Многие из таких неудач связаны с немаркированностью языковых средств и возможностью двоякого прочтения. Умение видеть такое прочтение является важным компонентом стилистической культуры речи. Говоря о стилистической культуре речи, Б.С. Мучник подчеркивает: «Пишущему обычно кажется, что он сказал именно то, что хотел сказать, он не видит возможности иного прочтения. Умение видеть конструируемый текст с позиции другого человека – основа стилистического (и даже писательского) мастерства». Такое умение требует развитого стилистического мышления» [Мучник, 1996, с. 3]. Важность задачи его формирования очевидна, но для ее решения необходимо соответствующее «лингвистическое обеспечение». И важнейшей его частью, как нам представляется, могло бы быть продолжение работы над объяснительным словарем русских синонимов, которого пока, к сожалению, кажется, не предвидится.

Литература

Власова, Л. В. (2014) Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 1(2), 128–132.

Воронина, Л. В. (2017) Факторы семантической диффузии в синтаксических конструкциях цели. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 3(59), 77–86.

Маслов, Ю. С. (2004) Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Маслов, Ю. С. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Москва: Языки славянской культуры.

Мучник, Б. С. (1996) *Культура письменной речи: формирование стилистического мышления: пособие для учащихся 10-11-х классов средних школ, гимназий с углубленным изучением русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект-Пресс.

Северская, О. И. (2009) Представить или предоставить. *Русский язык*. 23 (599). URL: <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2009&num=23>.

Татевосов, С. Г. (2005) Акциональность: типология и теория. *Вопросы языкознания*. 1, 108–141.

Шмелев, Д. Н. (1981) *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. Москва: Просвещение.

Kiklewicz, A. K. (2007) Zrozumiec jezyk: szkice z filozofii jezyka, semantyki, Ingiwistyki komunikacyjnej. Olsztyn: Instytut Dzennikarstwa i Komunikacji Spoleczne.

Источники

НСС – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* (2004). Под руководством Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах.

СО – Ожегов, С. И. (1989) *Словарь русского языка*. Около 57000 слов. 21-е изд., стереотип. Москва: Русский язык.

МАС – *Словарь русского языка: в 4-х т.* Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык.

References

Kiklewicz, A. (2007). Zrozumiec jezyk. Szkice z filozofii jezyka, semantyki, Ingiwistyki komunikacyjnej. Lask., 2007. (In Polish).

Maslov, Y. S. (1961/2004). The role of the so-called perfectivization and imperfectivization in the process of the emergence of the Slavic verb form. Maslov, Y. S. Selected works. Aspectology. General linguistics. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).

Muchnik, B. S. (1996). Culture of written speech: Formation of stylistic thinking: Manual for pupils of 10–11th grades of secondary schools and gymnasiums. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).

Severskaya, O. I. (2009) Predstavit' or predostavit'. *Russkiy yazyk [Russian language]*, 23 (599). Retrieved from <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2009&num=23>. (In Russian).

Shmelev, D. N. (1981). Problems of semantic analysis of lexicon (on the material of Russian language). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Tatevosov, S. G. (2005) Activeness: typology and theory. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 108–141. (In Russian).

Vlasova, L. V. (2014). Semantic diffusion, semantic ambiguity: conception definitions. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1, 2, 128–132. (In Russian).

Voronina, L. V. (2017). Factors of semantic diffuseness in syntactic constructions of purpose// *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 3 (59), 77–86. (In Russian).

Sources

Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. (MAS). RAS, Institute of Linguistic Research; Ed. A. P. Evgenieva. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Russkiy yazyk, 1981–1984.

New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language (NSS). (2004). Second edition, rev. and add. Authors of dictionary articles: V. Y. Apresyan, Y. D. Apresyan, E. E. Babaeva, O. Y. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M. Y. Glovinskaya, S. A. Grigorieva, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Ptentsova, A. V. Sannikov, E. V. Uryson. Under the general supervision of Acad. Yu. D. Apresyan. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh.

Ozhegov, S. I. (1989). *Dictionary of the Russian Language* (SO). About 57,000 words. Moscow: Russkiy yazyk.

Для цитирования статьи:

Кукушкина, О. В., Галактионова, И. В. (2023). Легко ли представить документы в срок? *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 57–67. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-57-67

For citation:

Kukushkina, O. V., Galaktionova, I. V. (2023). Is it easy to submit documents on time? *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 57–67. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-57-67

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА / YOUNG VOICES

Стилистическая квалификация слова в академическом толковом словаре

А. Р. Пестова

Stylistic qualification of word in academic explanatory dictionary

A. R. Pestova

Анна Разифовна Пестова – кандидат филологических наук; Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация

E-mail: pestova2012@gmail.com

Статья поступила. 01.11.2023. Принята к печати: 01.12.2023.

В статье рассматриваются проблемы лексикографической стилистики: необходимость отражения речевых явлений как языковых, ограниченность инструментария лексикографа для выбора той или иной стилистической пометы, а также диффузность, субъективность и противоречивость критериев постановки стилистических помет. При принятии решения о стилистических свойствах лексической единицы составители словарей могут руководствоваться: традицией, устанавливаемой авторитетными словарями-предшественниками; собственной языковой интуицией; формальными показателями стилистической принадлежности (например, стилистически окрашенными суффиксами); цитатными материалами. При этом у каждого из перечисленных инструментов есть свои недостатки и ограничения. В работе анализируются дискуссионные случаи стилистической квалификации слов в академических толковых словарях, начиная с «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, которые связаны как с неразработанностью стилистической теории для нужд лексикографической практики, так и с объективной сложностью формализации стилистических категорий (на примере слов *колдобина*, *раздевалка*, *раздевальня*, *отмывание (денег)*). Подчеркивается, что для корректной стилистической оценки лексики важно учитывать статистические данные Национального корпуса русского языка о частотности употребления слова и о его динамике. Кроме того, в качестве вспомогательного метода лексикографической стилистики необходимо привлекать опросы носителей русского языка о стилистической окраске того или иного слова. Для более детального стилистического описания слова нецелесообразно пополнение реестра стилистических помет, поскольку увеличение их количества лишь усилит субъективность и затруднит восприятие рядовым адресатом словаря. Вероятно, принципиально новые решения вопросов стилистической квалификации лексики в толковых словарях могут быть найдены в рамках электронной лексикографии,

Anna R. Pestova – candidate of Philological Sciences; The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4935-7572

Received: 01/11/2023. Accepted for publication: 01/12/2023.

The article discusses problems of lexicographic stylistics, such as the necessity of reflecting speech phenomena as language ones, the limitations of the lexicographer's tools for choosing a particular stylistic mark, as well as the diffusion, subjectivity, and inconsistency of criteria for stylistic marks. When making decisions about the stylistic properties of a lexical unit, lexicographers may be guided by the following: 1) the tradition established by authoritative predecessor dictionaries; 2) their own language intuition; 3) formal indicators of stylistic membership (e.g., stylistically colored suffixes); 4) citation materials. Each of these instruments has its own drawbacks and limitations. The paper analyzes controversial cases of stylistic qualification of words in academic explanatory dictionaries, starting from the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov, which are associated with both the underdevelopment of stylistic theory for lexicographic practice and the objective complexity of formalizing stylistic categories (using the example of words: *koldobina* 'pothole', *razdevalka* 'changing room', *razdeval'nya* 'undressing room', *otmyvaniye deneg* 'laundering (of money)'). It is emphasized that for the correct stylistic qualification of the word, it is important to take into account the statistical data of the Russian National Corpus on the frequency of word usage and its dynamics. In addition, as an auxiliary method of lexicographic stylistics, surveys of Russian language speakers about the stylistic colouring of a particular word should be used. It is impractical to expand the registry of stylistic marks for a more detailed stylistic description of a word, as increasing their quantity will only enhance subjectivity and hinder the perception by the ordinary dictionary user. Probably, fundamentally new solutions to the issues of stylistic qualification of a word in explanatory dictionaries can be found in electronic lexicography, when developing an integral digital dictionary resource.

при разработке интегрального цифрового словарного ресурса.

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, лексикографическая стилистика, стилистическая помета, Национальный корпус русского языка

Keywords: lexicography, explanatory dictionary, lexicographic stylistics, stylistic mark, Russian National Corpus

УДК 81'374:81'38

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. В последние десятилетия ведется активная работа по обновлению академических толковых словарей современного русского языка: «Большого академического словаря» (БАС-3) в Институте лингвистических исследований РАН, «Академического толкового словаря русского языка» (АТОС) в

Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, «Большого универсального словаря русского языка» (БУС) в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина. Это нормативные словари, опирающиеся на богатую отечественную лексикографическую традицию и призванные представить фундаментальное описание лексической системы современного русского литературного языка с учетом изменений, произошедших в нем за последние несколько десятилетий. Кроме того, активно обсуждается неизбежность перехода словарей на новый технологический уровень и, в частности, необходимость разработки интегрального цифрового словарного ресурса – см., например, [Герд, 2013], [Пурицкая, 2022].

Для качественного обновления толковых словарей, отвечающих современным требованиям, лексикографам необходимо решить множество задач теоретического и практического характера. Одной из важнейших является создание непротиворечивой лексикографической концепции, которая совмещала бы более чем двухвековой опыт предшественников и в то же время учитывала новейшие достижения лингвистики. Это касается всех аспектов словарного описания: семантики слова, его орфографии, орфоэпии, грамматики, стилистики и др. – см. об этом, например, [Крысин, 2011].

В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются составители словарей при описании стилистических характеристик лексических единиц, а также некоторые общие вопросы лексикографической стилистики, актуальные на современном (и в некотором смысле переломном) этапе развития словарного дела. Перед лексикографами, в частности, стоит насущная задача решить вопросы о наборе стилистических помет, который бы отражал современную картину стилевого расслоения русской лексики, и о критериях их постановки.

История вопроса. Исследовательский интерес к теме стилистических помет в толковых словарях был инициирован составлением и выходом в свет «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (СУш). Это был первый в отечественной лексикографии толковый словарь, в котором последовательно соблюдался нормативный подход. Нормативность словаря проявлялась в его словнике, системе грамматических сведений о слове, комментариях, предупреждающих неправильное употребление; особенно важное значение для лексикографии имела система стилистических помет, разработанная В. В. Виноградовым. Именно эта система стала основой для стилистического описания

лексики во всех последующих академических толковых словарях – см. об этом, например, [Обнорский, 1946, с. 21], [Левашов, 2001, с. 359–361], [Круглов, 2015, с. 106–109], [Крысин, 2015, с. 511–513]. Однако, как отмечает Ю. Д. Апресян, «номенклатура стилистических помет, разработанная ... с исключительной тщательностью, складывалась, тем не менее, по большей части стихийно», и в целом «в лексикографической стилистике, как и в стилистике вообще, есть еще много неясного» [Апресян, 1986, с. 66].

Несовершенство предложенной системы стилистических помет подвергалось неоднократной критике. Крупная дискуссия по вопросам стилистики разгорелась в 1950-е гг.: она была инициирована Ю. С. Сорокиным, который в своей статье «К вопросу об основных понятиях стилистики» писал, по сути, об относительности всех понятий, связанных со стилистикой, и о необходимости выработать ее научные основы [Сорокин, 1954]. В «стилистической дискуссии» 1954–1956 гг. участвовали выдающиеся языковеды В. В. Виноградов, К. А. Левковская, Г. В. Колшанский, Т. Г. Винокур, Р. Г. Пиотровский, Р. А. Будагов, И. Р. Гальперин, В. Г. Адмони, Т. И. Сильман.

Одна из острейших и, пожалуй, неразрешимых проблем стилистики, на которые указывал Ю. С. Сорокин, – необходимость отражения речевых явлений как языковых. В академическом толковом словаре описывается литературный язык, в то время как стилистические характеристики связаны с функционированием языка в определенных ситуациях, с конкретными речевыми употреблениями: «Полная и конкретная стилистическая характеристика слова может быть дана только в контексте речи» [Там же, с. 79]. Это вечное противоречие, увы, едва ли имеет удовлетворительное теоретическое решение и обречено лишь на компромиссные решения, реализующиеся так или иначе в лексикографической практике: «Словарь, как бы совершенен он ни был, не в состоянии воспроизвести всё многообразие и всю сложность языка, особенно в его РЕЧЕВОМ преломлении» [Девкин, 2005, с. 23].

За теоретической дискуссией последовали работы, в которых проводится анализ материалов словарей – см., например, [Рахманова, 1966], [Денисов, Костомаров, 1969], [Виноградов, 1977], [Скляревская, 1988], [Резниченко, 1984]. Среди работ последних лет можно назвать [Клеменчук, 2010], [Беликов, 2012], [Емельянова, 2013], [Круглов, 2015], [Кочергина, 2017], [Пурицкая, 2018], [Шестакова, Кулева, 2019] и мн. др. Несмотря на то, что исследователи неоднократно отмечали несовершенство предложенной в СУш системы стилистических помет, тем не менее другой, принципиально новой классификации, характеризующей стилистический статус слова, с тех пор предложено не было.

Непоследовательность постановки стилистических помет в толковых словарях обусловлена целым рядом взаимосвязанных факторов, таких как:

1) недостаточная теоретическая разработанность критериев стилистической дифференциации слов, а также отсутствие единства в понимании основных функционально-стилистических разновидностей литературного языка, ср.: «Недостатки стилистического описания лексики в словарях обусловлены в значительной степени нерешенностью ряда важнейших проблем теоретической стилистики и отсутствием концепции стилистического потенциала слова,

разработанной специально с ориентацией на лексикографическое применение» [Кожина, 2006, с. 446];

2) субъективность составителей словарей при постановке стилистических помет: «На языковое чутье чаще всего полагаются лексикографы, давая словам стилистические пометы» [Петрищева, 1984, с. 75] – и здесь важным является вопрос, может ли составитель словаря обращаться только к интроспекции и есть ли у него другие инструменты для принятия решения о стилистических свойствах слова;

3) объективное изменение стилистического статуса слов: здесь мы имеем дело с «пятым парадоксом» словарной статьи, который был сформулирован выдающимся лексикографом Н. Ю. Шведовой: «...слово как единица, не знающая покоя, – представление слова в словарной статье как единицы, находящейся в состоянии покоя» [Шведова, 2005, с. 424].

Перечисленные трудности усугубляются еще и тем, что в стилистике в целом очень важна роль экстралингвистических обстоятельств: «Стиль по сравнению с другими аспектами языка особенно тесно и глубоко связан с экстралингвистикой» [Кожина, 1977, с. 49].

Таким образом, вопрос создания системы стилистических помет, отражающей современную картину стилевого расслоения лексики, остается актуальным и сегодня. При этом составители словарей сталкиваются с трудностями, связанными с неразработанностью положений стилистики – как центральных, так и периферийных – для нужд лексикографической практики, ср.: «Разработка новой системы помет для толкового словаря – самостоятельная и сложная лингвистическая задача, разрешение которой возможно только на основе специальных теоретических построений» [СО, с. 8].

Методология и методика исследования. Основным методом работы является сравнительно-сопоставительный анализ стилистических помет в академических толковых словарях, начиная с СУШ. Кроме того, для верификации словарных данных применяются количественные и корпусные методы с активным привлечением статистических данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), экспериментальный метод (в частности, анкетирование), а также метод интроспекции (анализ собственных представлений о стилистической окраске слова).

Как показывает анализ подходов к стилистическому описанию слова, осуществляемых в нормативных академических словарях, лексикографы, не имея четких критериев выбора той или иной стилистической пометы, руководствуются следующими «инструментами»:

- 1) традиция, устанавливаемая авторитетными словарями-предшественниками;
- 2) собственная языковая интуиция;
- 3) формальные показатели стилистической принадлежности (например, стилистически окрашенные суффиксы, приставки);
- 4) цитатные материалы.

К сожалению, этот список можно назвать инструментариумом лишь условно, поскольку в каждом его пункте заложена та или иная доля субъективности. Это очевидно для первых двух «инструментов». К первому (обращение к словарям-предшественникам) следует добавить еще и языковую изменчивость, обусловленную

как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Например, слово *дилогия* маркировано в Малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой (далее – МАС) специальной пометой *лит.* («литература, литературоведение»). Однако в современном русском языке дилогией называют не только два литературных произведения одного автора, связанных единством замысла и преемственностью сюжета, но и фильмы. Следовательно, стилистическую помету при этом слове необходимо заменить на более широкую – *иск.* («термин искусства»).

Тем не менее нередки случаи, когда стилистические пометы, явно неактуальные для современного употребления той или иной лексической единицы, «кочуют» из словаря в словарь – по всей видимости, как раз из-за обращения к традиции авторитетных предшественников без учета языковой изменчивости (ниже будут приведены такие примеры).

Что касается третьего и четвертого пунктов (формальных показателей стилистической принадлежности и цитатных материалов), то доля субъективности в их использовании ниже, чем в первых двух, однако и здесь необходимо сделать несколько оговорок.

Так, в инструкциях к первому изданию БАСа и первому изданию МАСа указываются некоторые морфологические критерии разговорной речи и просторечия: такие, как экспрессивные суффиксы существительных *-ыш* (*малыш, крепыш*), *-ун* (*крикун, говорун, врун*), *-ан* (*критикан*), *-ач* (*рвач*), *-тяй* (*слюнтяй*), *-дяй* (*разгильдяй*) и т. п.; суффиксы прилагательных *-ат-* (*зубатый, носатый*), *-оват-* (*жуликоватый*), *-аст-* (*грудастый, языкастый*) и т. п.; приставка *по-* в сочетании с суффиксом *-ыва-*, *-ива-* (*покрикивать, поламывать*); приставка *на-* в сочетании с аффиксом *-ся* (*накричатся, насидеться*) [Инструкция, 1953, с. 43–45], [Инструкция, 1958, с. 41]. Однако в обеих инструкциях эти ряды являются открытыми (перечисление их завершается выражением «и т. п.»), и тем самым критерий, связанный с морфологической структурой слова, может быть лишь вспомогательным.

Кроме того, формальные показатели сами по себе далеко не всегда могут указывать на определенную стилистическую принадлежность: как правило, немаловажную роль здесь играет семантика производящей основы. Например, суффикс *-изм* используется как для образования терминов (ср. *архаизм, атавизм, коллоквиализм*), так и для образования стилистически сниженных слов (ср. *пофигизм, сволочизм*). В большинстве случаев можно говорить только о высокой продуктивности тех или иных морфем в определенном функциональном стиле.

Следует отметить, что и обращение к семантике не всегда дает однозначные ответы. Так, например, существительные *аппендицит, гастрит, колит, неврит, нефрит, плеврит, радикулит, трахеит* оцениваются в МАСе по-разному: в словарных статьях *аппендицит, гастрит, нефрит* и *радикулит* стоит помета *мед.* («медицина»), а в статьях *колит, неврит, плеврит* и *трахеит* она отсутствует, и остается лишь предполагать, руководствовались ли составители МАСа какой-то логикой в подобном распределении или это лишь ошибочное отсутствие унификации.

Наконец, обращение к цитатным материалам в эпоху бурного развития корпусной лингвистики является, пожалуй, самым перспективным методом определения стилистической окраски слова. Однако здесь исследователь

сталкивается с двумя опасностями, которые, по сути, вытекают из уже упомянутой нами проблемы, связанной с тем, что корпус, как правило, имеет дело с речью, а словарь призван дать описание языка.

Первая опасность относится непосредственно к методологии. Проблема в том, что, прежде чем искать контексты, лексикограф неизбежно обращается к своей языковой интуиции – и уже затем отбирает из множества иллюстративных примеров, представленных в корпусе, те, которые соответствуют его субъективным ощущениям о правильном употреблении. Искажение, к которому ведет такая исходная установка, в методологии называется «ошибкой техасского стрелка», который сначала стреляет, а потом уже рисует вокруг своего выстрела мишень [Bennett, 2010].

На это обстоятельство обращали внимание еще в докорпусную эпоху: «В действительности исследователи не выводят стилистические признаки слова из типических контекстов, а, установив на основании своего языкового чутья стилистическую окрашенность слова, подбирают ему такие контексты. При этом можно приписать отправителю речи собственные языковые представления, особенно если дело касается текстов прошлого» [Петрищева, 1984, с. 82]. Корпусы – и в первую очередь Национальный корпус русского языка, – несомненно, упростили поиск примеров и решение вопроса о стилистической принадлежности той или иной лексической единицы. Разделение на подкорпусы (основной, газетный, устный и т. д.) дает лексикографу некоторые базовые ориентиры, однако не снимает проблемы полностью, поскольку каждый подкорпус наполнен стилистически разнородными текстами. Кроме того, и при работе с корпусами исследователь не избавлен от субъективности и изначальной установки на определенный тип контекстов для подтверждения своей языковой интуиции.

На вторую трудность, связанную с обращением к корпусным данным, указывает Ю. Д. Апресян: «Во-первых, наличие каких-то фактов в корпусах еще не есть свидетельство того, что они являются и фактами языка; во-вторых, отсутствие каких-то фактов в корпусах еще не есть свидетельство того, что их нет в языке» [Апресян, 2010, с. 37]. Корпус, сколь бы объемным он ни был, не может отразить всего, что есть в языке, и, пожалуй, о нем, как и о словаре, можно сказать, что он «оказывается “ВЕЧНО ВЧЕРАШНИМ”, постоянно запаздывающим» [Девкин, 2005, с. 26].

Тем не менее, несмотря на указанные трудности, анализ корпусных данных является одним из самых перспективных методов лексикографической стилистики, поскольку именно из корпуса лингвисты могут почерпнуть информацию о частотности употребления слова и ее динамике.

Языковеды уже писали о зависимости стилистической окраски слова от частотности его употребления, однако прежде они не располагали инструментарием, который сейчас предлагает корпус, а, следовательно, не была выработана и методология подобных исследований. Так, Д. Н. Шмелев отмечал, что «...частое употребление стилистически окрашенных слов приводит к тому, что их стилистическая окраска перестает ощущаться говорящими и слушающими» [Шмелев, 2002, с. 243]. Верно и обратное: «При резком сокращении употребительности нейтральные слова уходили за пределы литературного языка, в просторечие» [Там же, с. 248]. Сформулированная ученым в конце 1960-х гг., эта корреляция частотности

употребления и стилистической окраски основывалась в первую очередь на интуиции исследователя об употребительности той или иной лексической единицы. Картотеки, имеющиеся в распоряжении языковедов, не предоставляли информации о статистике употребления лексической единицы за определенный временной интервал. Развитие корпусных методов открывает перед лексикографами новые возможности исследования стилистической окраски слова с опорой на динамику его употребления.

Анализ материала. Учитывая обозначенные методологические основания, проанализируем языковые факты.

Попробуем, например, при помощи НКРЯ верифицировать помету *обл.* («областное») при существительном **колдобина** в СУш. Корпус предоставляет нам, в частности, такие примеры употребления этого слова в период составления СУш: *В предсмертном воздухе направо от дороги выплывали из тумана неясные силуэты деревьев и, медленно отставая, исчезали опять. Телега ныряла по грязным колдобинам* (П. Романов. Звезды, 1927); *Колеса проваливались в колдобины, изнуренные большими переходами лошади то останавливались, то под ударами кнутов и палок дергали из последних сил* (А. Веселый. Россия, кровью умытая, 1924–1932). Подавляющее количество употреблений слова *колдобина* в 1920–1930-е гг. в НКРЯ представляют собой аналогичные фрагменты художественных текстов и не могут служить подтверждением пометы *обл.*

Нам удалось найти лишь один пример, которым можно было бы проиллюстрировать данную стилистическую помету: – *Ишь, приткий какой. Тама, гляди, утонуть можно. – Да тут тебе по шею. – Ладно! Неровен час колдобина али омут какой* (Б. Житков. Храбрость, 1928).

Не вполне ясно, как трактовать подобные корпусные данные: как несовершенство Корпуса, ошибку составителей СУш или как их нормализаторские установки? Представляется, что для верификации стилистических помет недостаточно обращения к материалам НКРЯ.

Возьмем существительное **гольфь**. В СУш оно маркировалось стилистической пометой *простореч.*, в МАСе – *разг.* и, наконец, в АТоСе при нем отсутствуют какие-либо пометы, что свидетельствует о его нейтральной стилистической окраске.

Обращение к данным НКРЯ, что было сделано в феврале 2023 г., выявило увеличение его частотности: в период с 1900 по 1940 гг. зарегистрировано 28 вхождений, с 1941 по 1981 гг. – 78, с 1982 по 2020 гг. – 475. Таким образом, повышение стилистического статуса слова явно коррелирует с увеличением частотности его употребления.

О необходимости анализа частотности употребления лексических единиц из одного синонимического ряда для определения их стилистической принадлежности писал М. В. Панов: «Если есть 3 синонима, один с большей частотностью, другой с меньшей, третий – совсем с небольшой (и притом частотности резко контрастны), то ясно, что эти синонимы соответствуют нейтральному, разговорному и строгому стилю. Но могут быть всего два члена стилистической парадигмы. В таком случае ясно, что слово с большей частотностью принадлежит к нейтральному стилю, а другое – к окрашенному, но к какому именно – определить чисто парадигматически нельзя» [Панов, 2004, с. 112].

Продemonстрируем возможности корпусного метода верификации стилистических помет при синонимах на примере пары *раздевальня* и *раздевалка*. Существительное *раздевальня* в словарях дается как нейтральное, а *раздевалка* приводится как его разговорный вариант (и многими лексикографами толкуется как «*то же, что раздевальня*»). На наш взгляд, лексикографическое описание стилистических свойств данной пары слов является ярким примером несоответствия словарных оценок и современного употребления.

Так, за последние три десятилетия (1990–2020 гг.) в основном корпусе НКРЯ в ноябре 2023 г. зафиксировано всего семь примеров со словом *раздевальня* (в одном из которых описывается устройство дореволюционной бани): *Общие бани имели два отделения: мужское и женское, состоящие в свою очередь из трех комнат-помещений «раздевальни, мыльни и парильни»* (С. Шушпанов. Дореволюционная служба быта г. Уфы, 2010). Что касается слова *раздевалка*, то в основном корпусе НКРЯ в этот же период встречается 620 вхождений. Таким образом, обращение к данным НКРЯ позволяет лексикографам говорить о выходе слова *раздевальня* из активного употребления и, вероятно, о необходимости снабжения его стилистической пометой *устаревающее* или даже *устар.* – «устаревшее».

Подчеркнем, однако, сложность принятия решения о стилистической окраске слова, связанную с действием разнородных факторов. С одной стороны, критерий частотности демонстрирует, что при существительном *раздевальня* следует поставить хронологическую стилистическую помету (*устар.* либо *устаревающее*). С другой стороны, это слово используется в официальных документах, не охваченных Корпусом, например: *В раздевальнях аквапарка должно быть предусмотрено разделение зон для посетителей в обуви и без обуви* (Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.05.2003 N 104 «О введении в действие СанПиН 2.1.2.1331-03»); *Примеры планировочных решений раздевален команд, помещения арбитров, допинг-контроля и медицинского пункта для игроков* («Свод правил. Стадионы футбольные. Правила проектирования» (утв. Приказом Минстроя России от 16.12.2016 № 984/пр) (ред. от 30.05.2022)). Можем ли мы ставить помету *устар.* при слове, употребительном в официально-деловых текстах? Этот дискуссионный вопрос, связанный с конфликтом между критерием частотности и функциональным критерием, касается целого ряда слов.

Рассмотрим отглагольное существительное *отмывание* (*отмывание денег*), которое, согласно толковым словарям, не является стилистически нейтральным. Глагол *отмывать*, от которого оно образовано, маркируется в них разными пометами: *разг.* в БАСе, *жарг.* в БТСе, *прост.в* СШ, *сленг.*, *неодобр.* в ТСРР. В соответствии с функциональным критерием слово *отмывание* не может употребляться в официально-деловых текстах. Однако это противоречит данным узуса: существительное встречается:

- в тексте закона: *Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ*;
- в тексте кодекса: статья 15.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – *Неисполнение требований*

законодательства о противодействии легализации (**отмыванию**) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;

- на официальном сайте Президента России: Глава Комитета по финансовому мониторингу Виктор Зубков проинформировал Президента Владимира Путина о принимаемых мерах по предотвращению **отмывания** доходов, полученных незаконным путем, а также по предотвращению финансирования терроризма.

Более того, словообразовательный ряд *отмывать, отмывание* пополняется новыми производными: *отмывочный, антиотмывочный*, которые также активно используются в официальных текстах. См., например, на официальном сайте Президента России:

В. Путин: Юрий Анатольевич <...> Вы хотели бы начать с той работы, которая касается борьбы с отмыванием денег <...>

*Ю. Чиханчин: Если можно, тогда вначале я хотел бы Вам рассказать, как выстраивается **антиотмывочная** система в новых условиях.*

С одной стороны, использование этих слов можно объяснить тем, что у них отсутствует однословный нейтральный эквивалент. Так, в названии упомянутого выше закона слово *отмывание* стоит в скобках при длинном словосочетании *легализация доходов, полученных преступным путем*. Для нейтральной замены прилагательного *антиотмывочный* потребовалось бы еще больше слов (например, *противодействующий легализации доходов, полученных преступным путем*). Использование столь длинных замен противоречит закону речевой экономии, именно поэтому говорящие и пишущие даже в рамках официального общения выбирают короткое, емкое слово, несмотря на его стилистическую маркированность.

С другой стороны, отсутствие стилистической пометы при подобных словах противоречило бы языковой интуиции лексикографов, что подтверждается наличием той или иной стилистической пометы во всех словарях, в которые вошло это слово.

Здесь встает вопрос о вспомогательных методах, которыми могли бы воспользоваться лексикографы в аналогичных спорных случаях. Помимо собственной языковой интуиции, составитель словаря может обращаться к интуиции носителей языка. Метод анкетирования активно используется в исследованиях стилистической окраски слова (см., например, [Капаназде, 2005, с. 84–89], [Козловская, 2001], [Арутюнова, Басовская, 2016], [Подольская, 2018]). Тем не менее уместность привлечения к подобным экспериментам нелингвистов остается дискуссионной: насколько они готовы отвечать на вопросы о стилистических пометах? Могут ли они, не имея специального знания о значении, приписываемом пометам, характеризовать лексику с точки зрения ее стилистического статуса?

На наш взгляд, к опросам, касающимся стилистической принадлежности лексических единиц, необходимо привлекать как лингвистов (в том числе лексикографов), так и нелингвистов разных поколений и разной профессиональной принадлежности. Несмотря на то, что они не имеют специального знания о стилистической квалификации лексики, они – как носители языка – способны отличить грубое, сниженное слово от нейтрального или высокого; об уместности употребления слова в разных ситуациях (бытовых, официальных и т. п.). Информация о восприятии

лексики «средним» носителем языка (обыденным сознанием) в ее разных стилистических фрагментах очень важна для исследователя, поскольку словарные пометы призваны отражать, в том числе и это восприятие.

О необходимости учитывать «социальную оценку слова» писал С. И. Ожегов, который отмечал, что с этой оценкой, наряду «с характером словообразовательных возможностей, с состоянием синтаксических отношений и стилистического употребления» связана реализация лексических значений» [Ожегов, 1974, с. 47–48]. Таким образом, социальная оценка имеет важное значение в формировании стилистической окраски лексических единиц. Ср. также: «...при всей значимости инструментального и корпусного анализа устной речи старый метод массовых опросов остается важным инструментом лингвиста» [Богданова-Бегларян, 2021, с. 20].

Следует заметить, что в анкетах необязательно использовать такие термины, как «разговорное», «просторечное», «книжное» и т. п. Можно употреблять формулировки, понятные любым носителям языка, в том числе нелингвистам: «Как Вы считаете, используются ли в следующих предложениях слова, которые не соответствуют общему стилю документа», либо: «Употребляете ли Вы это слово в общении с близкими людьми? В официальной обстановке?».

Не будем отрицать ограниченности анкетирования как метода определения стилистической окраски слова. Так, опросы едва ли могут помочь исследователю в поисках тонких стилистических разграничений, например, разговорного и просторечного. Средний носитель русского языка, как правило, противопоставляет разговорную речь литературному языку, сближая ее, таким образом, с просторечием, в то время как лингвисты рассматривают ее как часть литературного языка: «Разговорная речь понимается ... как одна из двух разновидностей литературного языка...» [ТСПР, вып. 1, с. 9]. Поэтому респонденты могут помочь исследователю скорее в случаях, когда необходима дифференциация стилистически нейтрального и стилистически сниженного. Решая вопросы, касающиеся более дробной шкалы стилистических различий, лингвист должен обращаться к другим методам. Здесь мы не можем не согласиться с утверждением Е. Ф. Петрищевой: «Если... квалификация признаков слов вызывает затруднения у специалистов-лексикологов и лексикографов, то трудно ожидать, что им в этом могут помочь неспециалисты. Напротив, к высказываниям современников следует обращаться только после того, как проанализировано своё собственное языковое сознание» [Петрищева, 1984, с. 81].

Кроме того, не следует забывать, что «...интуитивные оценки правильности, неправильности, стилистической окраски, неоднозначности... у разных носителей обладают разной мерой надёжности, а с другой стороны, даже у образцовых носителей языка могут расходиться» [Перспект, 2010, с. 40].

Наконец, необходимо учитывать, что «при всей изощренности методики, с помощью которой составляются социолингвистические анкеты и вопросники, вероятность того, что ученые получают данные лишь о **мнениях** информантов по поводу их собственных речевых привычек (а не о реальном соотношении тех или иных языковых вариантов), сохраняется» [Беликов, Крысин, 2016, с. 228].

Проиллюстрируем возможности метода анкетирования на примере рассмотренных выше слов (*раздевалка/раздевальня, отмывание*).

Для исследования восприятия носителями языка слов *раздевалка* и *раздевальня* мы составили анкету с фрагментами официальных документов (постановлений, протоколов, апелляционных определений и т. п.); респондентов просили оценить эти фрагменты с точки зрения их стилистической однородности: «Прочитайте, пожалуйста, приведённые ниже фрагменты официальных документов. Как Вы считаете, используются ли в них слова, которые не соответствуют общему стилю документа? Если такие слова есть, подчеркните их и напишите, на что бы Вы их заменили».

Анкета содержала 21 предложение, однако ввиду ограниченности объема мы приводим здесь лишь те из них, которые касаются лишь слова *раздевалка* и *раздевальня*:

Техническим паспортом подтверждено, что в общежитии имеется 2 умывальные комнаты, 3 коридора, 1 раздевалка, 21 жилая секция, каптёрка, помещение начальника отряда, кабинет.

В раздевальнях аквапарка должно быть предусмотрено разделение зон для посетителей в обуви и без обуви.

87 % опрошенных сочли слово *раздевальня* не соответствующим стилю официального документа. Большинство из них предлагали заменить его на разговорное (согласно словарям) *раздевалка*. Слово *раздевалка*, в свою очередь, исправляло лишь 13 % опрошенных, и ни один не предложил в качестве замены вариант *раздевальня*.

Эти результаты (демонстрирующие бóльшую уместность варианта *раздевалка*) подтверждаются и «околофилологическими» обсуждениями в интернете: см., например, дискуссию в сообществе «Живого журнала» «Пишу правильно»: «Как правильно — раздевальная или раздевальня? Подскажите, пожалуйста. Имеется в виду название помещения в спортивном комплексе. В документации и так, и сяк».

Ответы:

- *Все нормальные люди говорят «раздевалка».*
- *Что тот, что другой варианты режут слух. По мне, так раздевалка самое уместное.*
- *Раздевалка, и мало ли что «в бумагах»!*
- *Во всех известных мне многочисленных спортивных комплексах это называется раздевалкой, и никак иначе :)*

(Сообщество в «Живом журнале» «Пишу правильно», 2005)

Таким образом, интуиция носителей языка совпадает с интуицией исследователя, а также соответствует корпусным данным, вступая в противоречие лишь с функциональным критерием: см. выше примеры употребления слова *раздевальня* в официальных документах.

Со словом *раздевалка* ситуация несколько сложнее. Его способ словообразования (универбация) и словообразовательная структура (суффикс *-к-*) типичны для разговорной речи – отсюда и помета *разг.* в словарях. Однако, во-первых, образованные носители языка допускают использование этого слова в официальных документах. Во-вторых, есть ли у него нейтральный эквивалент? На первый взгляд,

кажется, что таким эквивалентом могло бы быть слово *гардероб*. Но это не полные синонимы. Так, помещение для переодевания в спортивном комплексе, бассейне нельзя назвать гардеробом; ср. толкование в АТосе: *гардероб*– «помещение в общественном здании, предназначенное для хранения верхней одежды», в то время как у слова *раздевалка* МАС и БАС-3 выделяют оттенок значения «помещение для раздевания или переодевания (в банях, спортивных учреждениях, на пляжах и т. д.)». Можем ли мы маркировать слово как разговорное, если у него отсутствует однословный нейтральный эквивалент?

Что касается существительного *отмывание*, то здесь мы использовали вопрос с прямой (при этом максимально размытой) формулировкой о его стилистической принадлежности: «*Отмывание денег. Отмывание* – это стилистически нейтральное слово?». В опросе приняло участие 213 человек в возрасте от 18 до 54 лет (как лингвистов, так и нелингвистов, интересующихся вопросами русского языка и стилистики, в частности). Как мы и предполагали, большинство респондентов (60 %) ответило на поставленный вопрос «нет». Те участники опроса, что выбрали вариант ответа «да, стилистически нейтральное», обнаружили знания в юриспруденции, ср. комментарии типа: «Это юридический термин. Поэтому нейтральное».

Таким образом, у рассмотренных слов (*раздевальня, раздевалка, отмывание*) вступают в противоречие разные критерии определения стилистической окраски слова. Слово *раздевальня* следовало бы признать устаревшим с опорой на данные НКРЯ и результаты опроса носителей русского языка. Однако, если ориентироваться на функциональный критерий (использование в тексте официальных документов) и на авторитетные словари (отсутствие в них стилистической пометы), то это существительное не нуждается в стилистической помете. Слово *раздевалка* является разговорным с точки зрения словообразования и с точки зрения словарей, но данные узуса и анкетирования этому противоречат. Наконец, слово *отмывание* не признают стилистически нейтральным ни словари, ни носители русского языка, но против этого свидетельствуют данные официального узуса.

Кроме того, слова *раздевалка* и *отмывание* не имеют однослового нейтрального эквивалента, что должно было бы также говорить об их стилистической нейтральности. Это еще один дискуссионный критерий определения стилистической окраски слова, который указан в ряде работ; см., например, [Сорокин, 1954, с. 79], [Скляревская, 1988, с. 90], [Мурат, 2006, с. 425]. Однако исследователи признают, что нередки случаи, когда нейтральный эквивалент отсутствует; см. [Инструкция, 1953, с. 42], [Винокур, 1975, с. 56], [Петрищева, 1984, с. 79], [Девкин, 2005, с. 114]. М. В. Панов отмечал, что наличие нейтрального эквивалента коррелирует со степенью «интенсивности» стилистической окраски: «Слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда имеют синоним в нейтральном. Но те лексические единицы, которые лишь слегка окрашены стилистически, у которых чуть брезжит стилистический отсвет, могут и не иметь такого двойника. Чем менее ярко противопоставлено данное слово нейтральному стилю, тем менее необходим его синоним в нейтральном стиле» [Панов, 2004, с. 111]. Очевидно, что здесь мы тоже имеем дело с субъективной оценкой «интенсивности» стилистической окраски: пожалуй, невозможно

сформулировать четкие критерии для «слегка окрашенных» и «резко контрастных» слов.

Следует отметить, что в некоторых словарях представлен более широкий диапазон помет для отражения «степени интенсивности» стилистической окраски. Однако анализ постановки помет в таких словарях показывает, что более дробные классификации приводят к бóльшей субъективности составителя при выборе пометы. Например, обращения *тётка* и *барышня* даются в СУш с пометой *простореч.*, *гражданочка* — *простореч. фам.*, а *дамочка* — *простореч. вульг.*; ср.: эта же помета стоит в СУш, например, при слове *дурында*; *всыпать* ‘побить’ в СУш *простореч. вульг.*, а *кокнуть* ‘ударить’ — *простореч. фам.* Вероятно, усложнение системы помет не является целесообразным, поскольку лишь увеличивает долю субъективности.

Результаты исследования. Проблемы, с которыми сталкиваются лексикографы при работе над стилистической зоной словарной статьи, связаны в первую очередь с неразработанностью концепции стилистического описания слова. Кроме того, все критерии стилистической дифференциации слов, которыми располагают составители словарей, субъективны, диффузны и нередко противоречивы. Ни один из факторов, определяющих стилистическую окраску слова, не действует изолированно, поэтому, чтобы снабдить слово актуальной стилистической пометой, лексикографу необходимо учитывать их все.

В последние десятилетия благодаря развитию корпусов у лексикографической стилистики появились новые возможности исследования. В частности, это анализ динамики частотности лексической единицы: увеличение частотности употребления слова, как правило, свидетельствует о ее стилистической нейтрализации; уменьшение частотности – напротив, о ее стилистической маркированности. При этом следует осознавать, что обращение к корпусу не избавляет исследователя от необходимости учитывать другие факторы, в том числе экстралингвистические.

В качестве вспомогательного метода верификации стилистических помет можно также использовать опросы образованных носителей русского языка – памятуя об ограничениях, накладываемых и на этот метод.

Выводы. Вопрос стилистического описания лексики в словаре крайне сложен и, вероятно, в рамках сложившейся словарной традиции имеет лишь компромиссные решения. В спорных случаях лексикографу приходится оперировать комплексом аргументов, учитывать разнородные факторы и опираться на разные по своей природе свойства слова.

Эти проблемы обусловлены самим характером стилистических категорий, которые трудно поддаются формализации. Сфера стилистики гораздо менее определена, чем, например, сфера грамматики, а потому к стилистической квалификации слова в толковом словаре не могут быть предъявлены столь же жесткие требования, как к характеристикам грамматическим. Ср.: «Заведомо ущербна идея уточнить то, что объективно не может иметь точных границ... Чем проще объект, тем точнее критерии... С усложнением природы того, о чем требуется вынести суждение, роль критериев понижается... Понятно, что, когда дело идет о субъективных или даже распространенных “средних”, общепринятых вкусах, критерии отодвигаются на задний план» [Девкин, 2005, с. 110].

На наш взгляд, принципиально новые решения вопросов стилистической квалификации лексики в толковых словарях следует искать **в рамках электронной лексикографии**. Вероятно, разработка интегрального цифрового словарного ресурса с привлечением корпусных данных позволит сделать описание более точным и дифференцированным. При этом едва ли стоит увеличивать количество стилистических помет, поскольку, во-первых, это только усилит их субъективность, во-вторых, разница между ними будет малопонятна рядовому адресату словаря. Учитывая, что некоторые стилистические пометы могут характеризовать слово с точки зрения разных систем координат (например, *разг.* и *прост.* – нормативность vs функциональность vs экспрессивность), возможно, следует развести эти системы координат по разным словарным зонам, добавив в электронный словарь прагматическую зону, в которой будут описаны особенности употребления лексической единицы в речи. Тогда при описании, например, существительного *отмывание* составитель словаря может сохранить помету, свидетельствующую о его сниженной стилистической окраске, указав при этом в прагматической зоне возможность употребления этого слова в официальном узусе (проиллюстрировав соответствующими примерами).

Литература

- Апресян, Ю. Д. (1986). Интегральное описание языка и толковый словарь. *Вопросы языкознания*. 2, 57–70.
- Апресян, Ю. Д. (Ред.) (2010) *Перспектив активнаго словаря русскогo языка*: монография. Москва: Языки славянских культур.
- Арутюнова, Е. В., Басовская, Е. Н. (2016). «Замаскированные» слова, или Толковый словарь как маскарад. *Карнавал в языке и коммуникации*: коллективная монография. Москва: РГГУ.
- Беликов, В. И. (2012). «Антошка, Антошка, пойдём садить картошку...», или везде ли просторечие просторечно? *Вопросы культуры речи*. Вып. XI. Москва: Языки славянской культуры.
- Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2016). *Социоллингвистика*: учебник для вузов. 2-е изд., перераб и доп. Москва: Юрайт.
- Богданова-Бегларян, Н. В. (2021). Массовые опросы как инструмент изучения сегодняшней «жизни языка». *Жизнь языка. К 100-летию со дня рождения М.В. Панова*: материалы Международной научной конференции, Москва, 19–21 ноября 2021 г. Москва: Изд-во ИРЯ. 20–21.
- Виноградов, С. И. (1977). «Просторечие» как категория нормативной оценки лексики в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова. *Литературная норма и просторечие*: сборник статей. Москва: Наука.
- Винокур, Т. Г. (1975). Синонимия в функционально-стилистическом аспекте. *Вопросы языкознания*. 5, 54–65.
- Герд, А. С. (2013). Академический словарь в свете современных социоллингвистических тенденций. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*: сборник научных работ. Санкт-Петербург: Наука. 9(2), 131–137.
- Девкин, В. Д. (2005). *Немецкая лексикография*: учебное пособие для вузов. Москва: Высшая школа.
- Денисов, П. Н., Костомаров, В. Г. (1969). Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи (по данным «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. 3-е изд. М., 1953). *Вопросы учебной лексикографии*: сборник статей. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 105–113.
- Емельянова, О. Н. (2013). *Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики)*: монография. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та.
- Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка»* (в трех томах) (1953). Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка»* (в пятнадцати томах) (1958). Москва: Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Капанадзе, Л. А. (2005). Проблемы изучения русской устной речи. *Голоса и смыслы*: избранные работы по русскому языку. Москва: Изд-во ИРЯ. 79–272.
- Клеменчук, С. В. (2010). Проблема разграничения разговорных (литературных) и просторечных слов.

References

- Aprésyan, Yu. D. (1986). Integral description of language and explanatory language. *Voprosy yazykoznanija [Topics of the study of language]*, 2, 57–70. (In Russian).
- Arutyunova Ye. V., Basovskaya, Ye. N. (2016). “Disguised” words, or the explanatory dictionary as a masquerade. *Carnival in Language and Communication*. Moscow: Russian State University for The Humanities Publ., 84–94. (In Russian).
- Belikov, V. I. (2012). “Antoshka, Antoshka, pojdyom sadit’ kartoshku”, or is vernacular everywhere vernacular? *Voprosy kul’tury rechi [Speech culture issues]*. Vol. 11. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury. 296–312. (In Russian).
- Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2016). *Sociolinguistics: textbook for universities*. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurayt.
- Bennett, Bo. (2010). *Logically Fallacious: The Ultimate Collection of Over 300 Logical Fallacies*.
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2021). Mass surveys as a tool for studying the present “life of language”. *Materials of the International Scientific Conference “Life of Language”*. Moscow: Russian Language Institute, 20–21. (In Russian).
- Denisov, P. N., Kostomarov, V. G. (1969). Stylistic differentiation of vocabulary and the problem of colloquial speech (according to the Dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov. Ed. 3, Moscow, 1953) *Issues of educational lexicography: collection of articles*. Moscow: Moscow University Publ., 105–113. (In Russian).
- Devkin, V. D. (2005). *German lexicography: a textbook for universities*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
- Emelyanova, O. N. (2013) *Stylistic information in the explanatory dictionary (analytic issue overview)*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (In Russian).
- Gerd, A. S. (2013). Academic dictionary in the light of modern sociolinguistic trends. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences*, 9, 2, 131–137. (In Russian).
- Instructions for the compilation of the “Dictionary of the modern Russian standard language” (in three volumes)* (1953). Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Instructions for the compilation of the “Dictionary of the modern Russian standard language” (in fifteen volumes)* (1958). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. (In Russian).
- Kapanadze, L. A. (2005). Problems of study of Russian oral speech. *Voices and meanings: selected works on the Russian language*. Moscow: Russian Language Institute, 79–272. (In Russian).
- Klemenchuk, S. V. (2010). Problem of differentiation of colloquial (standard) and vernacular words]. *Philology. Theory & Practice*, 2 (6), 76–80. (In Russian).
- Kozhina, M. N. (1977). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2 (6), 76–80.

Кожина, М. Н. (1977). *Стилистика русского языка*: учебное пособие. Москва: Просвещение.

Кожина, М. Н. и др. (Ред.). (2006). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* 2-е изд., испр. и доп. Москва: Наука: Флинта.

Козловская, Т. Л. (2001). Об изменениях в стилистическом и культурно-речевом восприятии форм субъективной оценки. *Словарь и культура русской речи*: к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. Москва: Индрик. 213–220.

Кочергина, К. С. (2017). Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ. *Вопросы лексикографии.* 11, 20–38.

Круглов, В. М., Истратий, В. В., Гамирова, Д. Р., Каплан, Е. Д. (2015). *Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка*: монография. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Крысин, Л. П. (2011). Проблема обновления толковых словарей современного русского языка. *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 70(1), 3–9.

Крысин, Л. П. (2015). *Статьи о русском языке и русских языковедах.* Москва: Флинта: Наука.

Левашов, Е. А. (2001). Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. *История русской лексикографии*: монография. Санкт-Петербург: Наука. 346–366.

Мурат, В. П. (2006). Стилистическая окраска слова. *Энциклопедический словарь юного лингвиста.* 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Флинта: Наука. 424–425.

Обнорский, С. П. (1946). Итоги научного изучения русского языка. *Ученые записки. Вып. 106: Роль русской науки и культуры.* Москва: Изд-во МГУ. 3(1), 3–21.

Ожегов, С. И. (1974). *Лексикология. Лексикография. Культура речи*: учебное пособие. Москва: Высшая школа.

Панов, М. В. (2004). О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики). Панов, М. В. *Труды по общему языкознанию и русскому языку*: в 2-х т. Москва: Языки славянской культуры. 1, 103–136.

Петрищева, Е. Ф. (1984). *Стилистически окрашенная лексика русского языка.* – Москва: Наука.

Подольская, В. В. (2018). Проблема представленности и упорядоченности стилистических помет в современных словарях русского языка (на материале ЛСП Интернет). *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота. 1(79-2), 355–359.

Пурицкая, Е. В. (2018). Просторечная лексика в толковом словаре литературного языка: критерии параметрического описания. *Вестник Вологодского университета. Серия. Гуманитарные, общественные, педагогические.* 4(11), 70–74.

Пурицкая, Е. В. (2022). От «Словаря современного русского литературного языка» до «Большого

Kozhina, M. N., et al. (2006). *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language.* 2nd ed., rev. and add. Moscow: Nauka: Flinta. (In Russian).

Kozlovskaya, T. L. (2001). On changes in stylistic and sociocultural perception of subjective evaluation forms. *Dictionary and culture of Russian speech.* Moscow: Indrik, 213–220. (In Russian).

Kochergina, K. S. (2017). Stylistic marks in explanatory dictionaries of the modern Russian language: comparative analyses. *Journal Of Lexicography,* 11, 20–38. (In Russian).

Kruglov, V. M., Istratiy, V. V., Gamirova, D. R., Kaplan, Y. D. (2015). *Normative-stylistic marks in explanatory academic dictionaries of the Russian language.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Krysin, L. P. (2011). The problem of updating explanatory dictionaries of the modern Russian language. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,* 70, 1, 3–9. (In Russian).

Krysin, L. P. (2015). *Articles on the Russian language and Russian linguists.* Moscow: Flinta. (In Russian).

Levashov, Ye. A. (2001). Explanatory Dictionary of the Russian language ed. by D. N. Ushakov. *History of Russian lexicography.* St. Petersburg: Nauka, 346–366. (In Russian).

Murat, V. P. (2006). Stylistic Colouring of the Word. *Encyclopedic Dictionary of a Young Linguist.* Moscow: Flinta: Nauka Publ., 424–425. (In Russian).

Obnorsky, S. P. (1946). The Results of scientific study of the Russian language. *Scientific notes. Vol. 106: The role of Russian science and culture.* Moscow: Moscow State University Publ. 3, 1, 3–21. (In Russian).

Ozhegov, S. I. (1974). Lexicology. *Lexicology. Lexicography. Russian Language Culture.* Moscow: Vysshaya shkola Publ., 20–157. (In Russian).

Panov, M. V. (2004). On pronunciation styles (in relation to general problems of stylistics). *Works on general linguistics and the Russian language.* Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 103–136. (In Russian).

Petrishcheva, Ye. F. (1984). *Stylistically coloured lexicon of the Russian language.* Moscow: Nauka. (In Russian).

Podolskaya, V. V. (2018). The issue of representation and organization of stylistic marks in contemporary Russian language dictionaries (based on lexical-semantic field 'Internet'). *Philology. Theory & Practice,* 1–2 (79). Moscow: Gramota, 355–359. (In Russian).

Prospectus of the active dictionary of the Russian language (2010). Ed. Y. D. Apresyan. Moscow: Yazyki slavyanskaya kul'tury. (In Russian).

Puritskaya, Ye. V. (2018). Vernacular in the explanatory dictionary of the literary language: criteria for parametric description. *Bulletin of Vologda University,* 4 (11), 70–74. (In Russian).

Puritskaya, Ye. V. (2022). From the "Dictionary of the modern Russian literary language" to the "Large academic dictionary of the Russian language". *History, theory and practice of academic explanatory lexicography: anniversary*

академического словаря русского языка». *История, теория и практика академической толковой лексикографии*: юбилейный сборник научных статей. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН. 83–94.

Рахманова, Л. И. (1966). О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. *Вопросы стилистики*: сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора К. И. Былинского. Москва: Московский ун-т. 100–111.

Резниченко, И. Л. (1984). *Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии*: дис. ... канд. филол. наук. Москва.

Скляревская, Г. Н. (1988). Лексикографическая стилистика: состояние и проблемы. *Словарные категории*: сборник статей. Москва: Наука. 150–155.

Сорокин, Ю. С. (1954). К вопросу об основных понятиях стилистики. *Вопросы языкознания*. 2, 68–82.

Шведова, Н. Ю. (2005). Парадоксы словарной статьи. *Русский язык: избранные работы*. Москва: Языки славянской культуры. 420–424.

Шестакова, Л. Л., Кулева, А. С. (2019). Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре. *Настоящее и будущее стилистики*: сборник научных статей Международной научной конференции, Москва, 13–14 мая 2019 г. Москва: Флинта. 818–824.

Шмелев, Д. Н. (2002). Стилистические изменения в лексике. Шмелев, Д. Н. *Избранные труды по русскому языку*. Москва: Языки славянской культуры. 238–268.

Bennett, V. (2010). *Logically Fallacious: The Ultimate Collection of Over 300 Logical Fallacies* by Bennett Bot. Ingram.

collection of scientific articles. St. Petersburg: The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 83–94. (In Russian).

Rakhmanova, L. I. (1966). On stylistic marks of vernacular words in explanatory dictionaries of the Russian language. *Questions of stylistics: a collection of articles for the 70th anniversary of the birth of Professor K. I. Bylinsky*. Moscow: Moscow University, 100–111. (In Russian).

Reznichenko, I. L. (1984). *Stylistical usage of the Russian language in the soviet period and its reflection in lexicography*: PhD thesis. Moscow. (In Russian).

Sklyarevskaya, G. N. (1988). Lexicographic stylistics: status and problems. *Vocabulary categories: collection of articles*. Moscow: Nauka, 150–155. (In Russian).

Sorokin, Yu. S. (1954). On the question of the basic concepts of stylistics. *Voprosy yazykoznanija [Topics of the study of language]*, 2, 68–82. (In Russian).

Shvedova, N. Yu. (2005). Paradoxes of a dictionary entry. *Russian language. Selected works*. Moscow: Yazyki slavyanski kul'tury Publ., 420–424. (In Russian).

Shestakova, L. L., Kuleva A. S. (2019). Stylistic status upgrade of low vocabulary and its reflection in the explanatory dictionary. *The present and future of stylistics: a collection of scientific articles of the International Scientific Conference*. Moscow: Flinta, 818–824. (In Russian).

Shmelev, D. N. Stylistic changes in vocabulary. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 238–268. (In Russian).

Vinogradov, S. I. (1977). “Vernacular” as a category of normative assessment of vocabulary in the Explanatory dictionary of the Russian language by D. N. Ushakov. *Language Norm and Vernacular: collection of articles*. Moscow: Nauka Publ., 225–252. (In Russian).

Vinokur, T. G. (1975). Synonymy in functional-stylistic aspect. *Voprosy yazykoznanija [Topics of the study of language]*, 5, 54–65. (In Russian).

Источники

АТОС – *Академический толковый словарь русского языка* (2016) / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; под редакцией Л. П. Крысина. – Т. 1: А – Вилять. – Москва, 2016. – 668 с. – Т. 2: Вина – Гяур. – Москва, 2016. – 678 с

БАС-1– *Словарь современного русского литературного языка* (1948–1965): в 17-ти т. / АН СССР, Институт русского языка ; главный редактор В. И. Чернышев. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР.

БАС-3 – *Большой академический словарь русского языка* (2004–2021): в 27 т. / РАН, Институт лингвистических исследований; редактор Л. И. Балахонова; главные редакторы: К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – Москва; Санкт-Петербург: Наука.

БУС – Морковкин В. В. *Большой универсальный словарь русского языка* (2022): в 2-х т. / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая; под редакцией

Sources

Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language (2016). Vol. 1–2. Ed. L. P. Krysin. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 678 p.

Dictionary of the Russian Language (1989): authors: S. I. Ozhegov; ed. N. Yu. Shvedova. Moscow: Russkiy yazyk Publ.

Explanatory Dictionary of the Russian Colloquial Speech (2014–2022). Vol. 1–5. Ed. by L.P. Krysin. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ.

Explanatory Dictionary of the Russian language (1935–1940): in 4 volumes. Comp. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov [et al.]; ed. D. N. Ushakov. Moscow: OGIZ.

Large Academic Dictionary of the Russian Language (2004–2021). Vol. 1–27. Executive ed. K. S. Gorbachevich, A. S. Gerd. Moscow, St. Petersburg: Nauka.

Large Universal Dictionary of the Russian Language (2022). Executive ed. V. V. Morkovkin. Moscow: AST-Press.

В. В. Морковкина; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. – Москва: АСТ-Пресс.

МАС – *Словарь русского языка* (1981–1984): в 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – Москва: Русский язык.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*: сайт официальный. – Текст: электронный. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 02.11.2023).

СО – Ожегов, С. И. (1989). *Словарь русского языка : 70000 слов / под редакцией и с предисловием Н. Ю. Шведовой*; АН СССР, Институт русского языка. – Москва: Русский язык. – 923 с.

СУш – *Толковый словарь русского языка (1935–1940)*: в 4-х т. / составители: Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов; под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: ОГИЗ.

СШ – Шведова, Н. Ю. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : (82 000 слов и фразеологических выражений)* (2007) / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин ; ответственный редактор Н. Ю. Шведова ; РАН, Отделение историко-филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва: Азбуконик. – 1164 с.

ТСРР – *Толковый словарь русской разговорной речи (2014–2022)* / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; под редакцией Л. П. Крысина: в 5-ти т. – Москва: Языки славянской культуры.

Russian Dictionary of the Modern Literary Language (1948–1965): in 17 volumes. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

Russian dictionary with the inclusion of information about the origin words (2007): Shvedova N. Yu., Kurkina L. V., Krysin L. P.; executive ed. N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik. 1164 p.

Russian Language Dictionary (1981–1984): in 4 volumes. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Ed. A. P. Evgenieva. Moscow: Russkiy yazyk.

The Russian National Corpus [Electronic resource]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 02.11.2023).

Для цитирования статьи:

Пестова, А. Р. (2023). Стилистическая квалификация слова в академическом толковом словаре. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 68–85. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-68-85

For citation:

Pestova, A. R. (2023). Stylistic qualification of word in academic explanatory dictionary. *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 68–85. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-68-85

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ / SCIENTIFIC LIFE: CHRONICLE, REVIEWS

Панорама славянской стилистики

Рецензия на книгу: *Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков*: коллективная монография / под редакцией Ст. Гайды, Бр. Тошовича, Н. Клушиной, Т. Ицкович. Москва: Флинта, 2023. 465 с.

Т. В. Шмелева

Panorama of Slavic stylistics

Book review: *Stylistics of Slavic countries at the turn of the 20th–21st centuries*: Collective monograph / edited by Art. Guides, Br. Toshovich, N. Klushina, T. Itskovich. Moscow: Flinta, 2023. 465 p.

T. V. Shmeleva

Татьяна Викторовна Шмелева – доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: szmiel@mail.ru

Статья поступила. 20.11.2023. Принята к печати: 10.12.2023.

В рецензии обсуждается коллективная монография, в которой рассматривается стилистика в славянских странах за последние полвека. Написанные исследователями, очерки национальных стилистик содержат массу уникальных фактов, характеризующих историю, специфику и общие тенденции развития славянских стилистик. Очерки написаны на национальных языках что дает возможность читателю познакомиться с языковым разнообразием славянских культур, различием терминологии и подходов.

Ключевые слова: стилистика, Славия, стиль, сфера коммуникации

УДК 81`38:811.16

Tatiana V. Shmeleva — Dr. Sci. in Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4386-1671

Received: 20/11/2023. Accepted for publication: 10/12/2023.

The review discusses a collective monograph that examines stylistics in Slavic countries over the past half century. Written by researchers, essays on national stylistics contain a lot of unique facts characterizing the history, specifics and general trends in the development of Slavic stylistics. The essays are written in national languages, which gives the reader the opportunity to get acquainted with the linguistic diversity of Slavic cultures, the difference in terminology and approaches.

Keywords: stylistics, Slavia, style, communication sphere

OECD: 6.020Y

V

В издательстве «Флинта» вышла книга, в которой представлена панорама стилистики в славянских странах. Замысел книги соотнесен с фундаментальной проблемой осмысления стилистики и ее судьбы в Славии за 50 лет – с 70-х годов XX века до 20-х годов XXI века. Уже это не может не вызывать уважения и восхищения его (убрать испр.) грандиозностью замысла.

Авторы монографии посвящают свою работу выдающемуся польскому лингвисту академику Станиславу Гайде, о чем свидетельствует надпись на странице, предшествующей Содержанию книги. И как ответ на это посвящение, в ее начале, в

качестве предисловия, помещен очерк С. Гайды «*Współczesnastylistykakrajówślowiańskich*» – Современная стилистика славянских стран (здесь и далее перевод мой – Т.В.Ш.).

Этот фрагмент монографии служит своеобразным теоретическим введением в проблематику славянской стилистики, которая мыслит себя в рамках, с одной стороны, научных традиций античности, средневековой и новой Европы, а с другой – в контексте современных инновационных процессов коммуникации и культуры.

Рассмотрев историю терминов *стиль* и *стилистика*, Ст. Гайда показывает основные этапы формирования стилистики – из риторики, поэтики, ее связь с ключевыми направлениями культуры и науки. Указывая на то, что «жизнь теории – это постоянная реинтерпретация и актуализация» (с. 12), он уверяет, что современные стилистические исследования следует характеризовать через понятия междисциплинарность, полидисциплинарность и трансдисциплинарность (Там же), что следует из его понимания стиля как «гуманитарной структуры текста» (с. 13). Такое широкое толкование стиля приводит к пониманию стилистики как интегральной дисциплины, в проблематику которой включается широкий круг вопросов, а в понятийный аппарат – масса разнообразных понятий и терминов.

В целом текст Ст. Гайды представляет славянскую стилистику как современную науку, опирающуюся на традиции Пражского лингвистического кружка, национальные стилистические школы и ставящую перед собой широкий круг исследовательских задач, постановка которых отражает сложность и разнообразие современных стилистических практик. Текст Ст. Гайды, выразительный и афористичный; он задает высокий теоретический уровень книги, выступая ее интеллектуальным камертоном.

В фрагменте, который обозначен как Введение, Н. И. Клушина знакомит читателя с историей создания рецензируемой работы, представляющей результаты работы Стилистической комиссии Международного комитета славистов, у истоков которой стоял академик В. В. Виноградов. Понимая свою миссию как «консолидацию ведущих стилистических школ, существующих в разных странах, тесное их сотрудничество и взаимодействие» (с. 15), Стилистическая комиссия предпринимает усилия по осмыслению ситуации в стилистике, что, собственно, и составляет цель обсуждаемой книги. Характеризуя деятельность комиссии, автор фиксирует не только достижения, но и кризисные ситуации, к которым она отнесла возникновение дискурсологии и угрозу поглощения ею стилистики (с. 16). Выход из этой кризисной ситуации, не только укрепил позиции стилистики, но и обогатил ее понятийный аппарат, теоретические публикации. История появления рецензируемой книги, включение ее в контекст деятельности Стилистической комиссии МКС, теоретическое предуведомление настраивают читателя на восприятие ее содержания, формируя определенные ожидания.

Основная часть книги представлена «по странам», что позволяет увидеть общее и специфическое в состоянии национальных стилистик.

Неудивительно, что значительный объем труда посвящен анализу ситуации в российской стилистике. Показательно, какие точки избраны для детального рассмотрения, – это научный стиль, официально-деловой, публицистический, разговорный и художественный.

Проблемы изучения научного стиля представлены в тексте Е. А. Баженовой «Российская стилистика научной речи». Проблемы анализируются прежде всего в концепции Пермской школы функциональной стилистики и работ ее руководителя М. Н. Кожинной. Учтены и исследования последних лет иных направлений; так, отмечено: современная научная речь и ее стандарты существенно изменились, это анализируется в публикациях В. Е. Чернявской. В целом тенденции развития стилистики научной речи связываются с усилением дискурсивного и когнитивного анализа, что согласуется с общими тенденциями современной лингвистики.

Стилистика официально-деловой речи анализируется в тексте М. А. Ширинкиной «К истории изучения официально-делового стиля: аспекты, проблемы, тенденции». Обращено внимание на то, что деловая речь долго оказывалась в тени изящной словесности и не заслуживала специального внимания стилистов, хотя деловые тексты оказывались в сфере интересов историков языка и тех, кто изучал проблемы языка в связи с правом. Новый импульс изучению деловой речи придали дискурсивные, коммуникативные и прагматические исследования. Сегодня актуален жанровый подход к деловой речи, отражающий дифференциацию коммуникативных практик в области официальной-деловой коммуникации, а также учет влияния на нее современных технологий, в частности, цифровизации.

Во фрагменте, подготовленном Н. И. Клушиной «Теория публицистического стиля в российской стилистике», в анализе современных исследований языка медиа противопоставлены школы – московская, петербургская и некоторые другие, перечислены понятия, введенные каждой из школ, однако не сформулированы их принципиальные подходы, методологические отличия.

Как следует из названия фрагмента, ключевым оказывается вопрос о публицистическом стиле, который, по мнению автора, претерпел такие трансформации: *газетно-публицистический стиль – публицистический стиль – стиль массовой информации – медиастиль*. В его рамках выделяют подстили – газетно-журнальный, телевизионный, радиный и интернет-подстили; а также информационный (новостной) и публицистический (включая блогинг). Приведенный «ряд превращений» не кажется абсолютно убедительным, в современных медиа во всем их разнообразии трудно увидеть единые стилистические черты, да и мыслить их прямыми наследниками советской публицистичности, в частности, использовать термин *публицистический* для блогинга кажется некоторой натяжкой.

Современную медиасферу скорее хочется квалифицировать как полистилистичную, чем сводить к одному стилю, как бы его ни определять. Кстати, множественность подстилей вызывает сомнения в их едином стилевом качестве, тем более что в одном случае различия связаны с каналом связи, или фактурой речи (газетно-журнальный, телевизионный, радиный и интернет-подстили), а в других – с интенциональными характеристиками (новостной или публицистический подстили). Но как бы ни разнились толкования, ясно одно: действительно актуальны стилистические исследования русского языка в медиасфере, при этом важно опираться на понятийный аппарат теории публицистического стиля советской поры, с одной стороны, и новые лингвистические понятия, в первую очередь, дискурс, в чем и убеждает обсуждаемый фрагмент коллективной монографии.

Разговорной стилистике посвящены два фрагмента – «Обзор работ по разговорному стилю за последние 50 лет» О. Б. Сиротининой и «Разговорная речь как объект лингвистического изучения» Т.В. Матвеевой.

Надо сказать, что второй заголовок подошел бы и первому тексту: в нем речь идет о том, что означает термин разговорная речь; когда эту часть речи «заметили» лингвисты и какое сопротивление они выдержали, приступая к ее изучению; как изменились современные речевые практики и каково место в них разговорной речи. Подготовленный руководителем саратовской школы коллоквиалистики, настоящим долгожителем лингвистики (Ольге Борисовне уже исполнилось 100 лет!), этот фрагмент монографии позволяет погрузиться в историю постижения разговорности в русской лингвистике и увидеть перспективы ее изучения в новых речевых и лингвистических условиях.

Т. В. Матвеева, которая «генеалогию» коллоквиалистики видит несколько иначе, четко противопоставляет ее собственно стилистическому изучению разговорной речи, которая получает общее осмысление в рамках Пермской школы функциональной стилистики. Главной тенденцией стилистического изучения разговорной речи она считает культурологическую, при которой основной единицей изучения оказывается «коммуникативно-культурная константа», содержащая коммуникативные нормы диалогического общения. Таким образом, стилистика разговорности предстает в двух разных ракурсах, у каждого из которых есть свои традиционные основания и современные тенденции.

Фрагмент «Художественный стиль», написанный В. П. Москвиным, представляет объект рассмотрения в парадоксальном ключе: очевидное преобладание внимания стилистов к художественному тексту не означает, что его понимание отличается единством. Близкими к общепринятым можно считать представления об образности художественного текста и средствах ее создания. Приводятся и мнения о ее типичности и для других стилей, что ставит вопрос о специфике художественного текста в число дискуссионных, а значит, актуальных для современной стилистики.

Несмотря на дискуссионность фундаментальных вопросов художественной стилистики, в доказательство чего приведено множество высказываний стилистов, в ее рамках опубликована масса наблюдений над ее выразительными средствами. Сосредоточившись на поэтическом тексте и практически оставив в стороне проблемы художественной прозы, В. П. Москвин показывает изученность семантических переносов, тропов, фигур, значимость детали, а также иконичность поэтического текста, что демонстрирует его параязыковые эстетические возможности.

Рассмотрение религиозного стиля не отнесешь к классическим сюжетам стилистики. Тем интереснее отметить его в составе рецензируемой коллективной монографии, соответствующий фрагмент которой «Религиозный функциональный стиль русской речи» написан известным специалистом по проблеме Т. В. Ицкович. Понятно, что его изучение начинается в постсоветское время, когда запрет на религию как форму социальной жизни был снят, что вызвало активизацию общения в этой сфере. Предпочитая термин *религиозный стиль* терминам *религиозная коммуникация*, *религиозный дискурс*, а также *религиозно-проповеднический* и

церковно-религиозный стиль, автор фрагмента демонстрирует, как язык религиозной коммуникации встраивается в стилистическую систему современного русского литературного языка, не забывая и другие языки России с учетом разных конфессий.

Опираясь на опубликованные работы, автор подчеркивает, что общим для таких языковых ситуаций оказывается многоязычие, противопоставляющее сакральные и профанные языки; стилистическая возвышенность, книжность, противопоставляющая религиозный стиль публицистическому при их общей функции воздействия. Как ключевой рассматривается вопрос о жанрах религиозного стиля, их иерархии и современных трансформациях.

Представлен в коллективной монографии такой аспект стилистики современных текстов, как креативность, во фрагменте «Креативная стилистика», подготовленном Н.А. Купиной. Это самое молодое направление, сложившееся в текущем столетии, если судить по датам основных публикаций. Хотя термин *стилистика* нельзя отнести к обязательным в этой области, скорее предпочтительным оказывается терминологическое обозначение *лингвистика креатива*, речь идет об речевых произведениях, в которых преодолевается стандарт использования языковых единиц, в чем видят особые явления – креатемы, эвристы, игремы. Идеи лингвистики креатива стали широко известны благодаря публикациям программного характера, серии коллективных монографий и даже учебников для университетов, изданных в Екатеринбурге. К этому стоит добавить, что с лета 2023 года там же стал выходить журнал «Лингвистика креатива». Однако отношение этого направления к классической стилистике, перспективы его развития назвать абсолютно ясными было бы несколько поспешно; понятно, что постепенно выявляются пространства его существования – от художественного текста до повседневной, в том числе городской и интернет-коммуникации.

Таким образом, с опорой на ключевые понятия *стиль* и тип языкового поведения, к которому можно отнести *креативность*, российская стилистика предстает в коллективной монографии в своих классических и инновационных проявлениях, давая материал для осмысления как конкретных направлений, так и общих перспектив ее развития.

Раздел «Белорусская стилистика» включает один общий фрагмент «Белорусская стилистика: генезис, онтологические особенности и современное состояние», написанный В. И. Ивченковым. Связывая развитие стилистики с общими тенденциями истории белорусского литературного языка в разных сферах общения, в первую очередь в массовой коммуникации, автор раздела подчеркивает значимость лексикологических и лексикографических исследований белорусского языка, а также контекста развития славянской и мировой стилистики. Широко используя факты истории, начиная с риторики греческих полисов, и одновременно широко опираясь на данные современной поликодовой коммуникации, автор раздела обращается к идеям Г. О. Винокура, В. Г. Костомарова, подчеркивая значимость таких характеристик языка публицистики, как клишированность, экспрессивность и штампованность. Что касается современной медиакоммуникации, автор подчеркивает ее тесную связь с компьютерными технологиями, обеспечивающими креализованный характер

медиа текста, включающего наряду с вербальными элементами широкий круг визуальных.

В целом текст В. И. Ивченкова менее других похож на обзор литературы, да и сам список публикаций содержит буквально несколько позиций белорусских авторов. Поэтому он воспринимается как опыт осмысления истории и современного состояния скорее медийной практики, чем ее изучения. Отсутствие в списке публикаций современных исследований говорит о том, что такое изучение – одна из перспектив белорусской медиастилистики.

Раздел, посвященный украинской стилистике, состоит из материала А. К. Гадомского «Проблемы изучения украинского религиозного стиля в контексте теолингвистических исследований», коррелирующего с фрагментом Т. В. Ицкович. Украинские лингвисты, предпочитающие термин *конфессиональный стиль*, отмечают такие его свойства, как торжественность и стандартность, связывают его характеристики с конфессиональной ситуацией в стране. Отмечая разнообразие в подходах к религиозному стилю в украинистике, автор фрагмента коллективной монографии подчеркивает, что это направление может получить развитие в рамках славянской теолингвистики, о которой он писал многократно.

Разумеется, этой проблематикой не исчерпывается украинская стилистика, но вопрос о ее адекватном представлении откладывается до лучших времен.

Блок «Западнославянская стилистика» начинается с обзора стилистики чешской, о которой написали Я. Гоффманнова и П. Мареш. Интересно, что после общего очерка развития стилистики за последние полстолетия дается описание по сферам, при этом речь идет о сферах повседневной, институциональной, научной, в том числе профессиональной, медийной, рекламной и литературной, или художественной коммуникации.

В первой части показано, что исходной точкой развития чешской стилистики авторы считают работу «Основы чешской стилистики» А. Едличкой, В. Форманковой и М. Рейманковой, опубликованную в 1970 году, но отражающую стилистические представления, сформулированные на конференции 1954 года. Ключевое понятие этой работы – стиль – определяется как способ выбора языковых средств на основе стилообразующих факторов.

Дальнейшее развитие стилистики авторы связывают с публикациями работ К. Хаузенбласа, расширившего представления о стиле за счет неязыковых средств, в том числе строения текста; М. Йелинка, обратившего внимание на субъективные аспекты в выборе языковых и неязыковых средств, в частности, на различие мужского и женского стиля. В целом 70-е годы прошли под знаком «текстового бума», и этот текстоцентризм, как показывают авторы фрагмента, важен для развития стилистики.

В постферном описании современной коммуникации важно прежде всего исчисление сфер. Так, повседневная коммуникация перестала быть областью устного общения, теперь она обязательно включает электронную переписку, смс-ки, и это меняет ее стиль, выдвигая на значимое место эмодзи и другие визуальные средства. Институциональная коммуникация обеспечивает общение человека с государственными институтами, стилистически близка к административным текстам, нам ближе термин – официально-деловой, документальный стиль. Сфера научной

коммуникации выглядит дифференцировано: в ее составе выделяют теоретическую, практическую и научно-популярную, отмечая эссеистичность и динамичность современных текстов, связанных с распространением научной информации. Сфера медийной коммуникации включает как звучащие, так и графические тексты, отличающиеся мультимедийностью, которая создается интернет-технологиями. Из медийной выделяется рекламная коммуникация, так как для нее важна не информативность, а персуазивность, то есть убедительность, эстетичность, или привлекательность. Завершает список сфер художественная, в рамках которой говорится о поэтической, отличающаяся экспрессивностью и эмоциональностью. При характеристике каждой из сфер речь идет об их жанрах, современных тенденциях изменения, на что, как мы помним, указывал еще М. М. Бахтин в работе о речевых жанрах.

Таким образом, ключевым понятием чешской стилистики оказывается не стиль, как в российской, а сфера коммуникации, в рамках которой складываются и изменяются традиции использования языка. В этом ее специфика, которую можно обозначить как новый функционализм.

Польская стилистика рассматривается во фрагменте, написанном пятью авторами – Э. Малиновской, М. Войтак, Йо. Ноконь, Б. Витош, М. Макуховской. Отмечая активное развитие польской стилистики в середине прошлого века, наличие специального журнала «Стилистика», выходящего с 1992 года в Ополе, проведение конференций стилистической тематики, авторы подчеркивают, что на рубеже веков стилистика переживала существенные изменения в связи с изменением социокультурной ситуации и социальных коммуникаций. Усложнение тематики, интересующей стилистов, привело к тому, что стилистика превратилась в эклектичную область познания, по существу серию дисциплин, которые получают особые именованья: наряду со стилистикой теоретической, описательной, исторической, сравнительной и практической, особо говорят о стилистике литературоведческой и лингвистической, стилистике ресурсов и стилей, функциональной и прагматической, когнитивной и гендерной.

В отличие от чешской стилистики, польская представлена не «посферно», а по стилевым вариантам языка (*odmiany stylowe*), который складывается в каждой сфере. При этом большое внимание польские стилисты уделяют повседневному варианту польского языка, а на втором месте оказывается – медийный, что свидетельствует о возрастающей роли медиа в современном общении. Политический вариант польского языка рассмотрен в исторической перспективе, подчеркнуто, что ведущая политическая сила предлагает свою версию языка политики, в Польше принят термин *pisotowa*, или язык партии PiS («Закон и справедливость»). Художественный стиль интерпретируется в ряде аспектов – как стиль эпохи, стиль литературных родов и жанров, авторский стиль, стиль художественного текста. Научный стиль толкуется как три разновидности – собственного научный, научно-популярный и учебный. Отмечается, что современный язык науки переживает процессы риторизации, демократизации, метафоризации, а также изменения в проявлении таких важных для науки категорий, как рациональность и объективизм и обновление жанров научного дискурса. Административный стиль интерпретируется как три разновидности: язык

права, канцелярии и публичный, используемый в различных церемониальных событиях; высокий уровень стандартизации, шаблонности административного стиля объясняется спецификой ситуаций этой сферы коммуникации, как ее жанры. Наконец, религиозный стиль (не рассматриваемый, кстати, чешской стилистикой, если судить по фрагменту монографии) характеризуется такими чертами, как идеоцентризм, психологизм, созерцательное и символическое мировосприятие, обращение участников коммуникации к сфере сакрального.

Таким образом, как убеждает рассмотренный фрагмент коллективной монографии, польские стилистические исследования отличаются интенсивностью, разнообразием, высоким теоретическим уровнем, стремлением отразить реалии коммуникативной практики.

Фрагмент, посвященный словацкой стилистике, подготовлен А. Богуницкой и О. Огроновой. Авторы этого фрагмента решили обсуждаемые полвека проблемы представить дифференцированно: как особые этапы развития словацкой стилистики они характеризуют 1970-1990 годы, затем 1990-2010 годы, и последний период, обозначенный как цифровая эра.

Первый из этапов представлен как основанный на идее инструментализма и статического понимания стиля. Для второго типична социолингвистическая оптика, рассматривающая стиль как результат определенного поведения коммуникантов. Последний период характеризуется детально с опорой на понятие прототипических сфер коммуникации, состав которых отличается от тех, которые обсуждаются в предыдущих фрагментах: сферы повседневной, профессиональной и медийной коммуникации; сфера институционального общения, коммерческая сфера; сфера художественного творчества; ораторская сфера. При этом стиль толкуется как культурно обусловленный и дискурсивно изменчивый, а стилистика мыслится как междисциплинарная область исследований.

Таким образом, словацкая стилистика осмыслена на фоне смен методологических доминант в лингвистике: структурализм – социологизм – дискурсивность.

Завершает западнославянский блок книги фрагмент, посвященный стилистике серболужицких языков, которая представлена сквозь призму новых медиа в рамках уровневой концепции языка – через описание лексики, орфоэпии, морфологии и синтаксиса. Кроме того, для стилистики этих славянских языков, переживающих процесс стандартизации, оказывается важен гендерный аспект, который еще не получил освещения в других славянских стилистических работах.

Блок южнославянских языков открывается введением в проблематику, написанным известным в России лингвистом Бр. Тошовичем (в частности, известна его монография «Интернет-стилистика», изданная в том же издательстве в 2015 г.), и продолжается очерками стилистик Боснии и Герцеговины, Болгарии, Черногории, Хорватии, Македонии, Словении и Сербии.

Во введении подчеркивается, что ситуация отличается невероятной сложностью: речь идет не только о разных странах со своими языками, но и о разных языках, которые бытуют не только в одной стране, что требует особого подхода, исключая экстралингвистические моменты, мешающие объективности и

адекватности оценок. Для решение такой сложной задачи был создан исследовательский коллектив, включающий 15 авторов из 7 стран и 11 городов, при этом все авторы известны как авторитетные исследователи. Согласованность авторских позиций и специфика стилистики в Южной Славии приводят к тому, что для каждой страны речь идет о двух стилистиках – лингвистической и литературной, или в предлагаемой терминологии – метастилистики и метапоэтики, что располагает воспринимать стилистические исследования в пространстве как лингвистики, так и литературоведения. Это и проявляется и в организации описания стилистик – либо в композиции очерков, либо в их числе.

Фрагмент о стилистике в Боснии и Герцеговине (автор – Бр. Тошович) выводит на первый план значение Сараевской стилистической школы и трудов ряда исследователей, внесших существенный вклад в славянскую стилистику. Здесь же рассмотрена ситуация со стилистикой в Республике Сербской (автор – Г. Милашин), при этом подчеркнута, что речь идет о трех направлениях стилистических исследований – прагматическом, когнитивном и интернет-стилистика.

Болгарская стилистика рассмотрена М. Илиевой, при этом детально представлена истории этого направления науки и ее основные достижения, к которым автор относит описание стилистических ресурсов болгарского языка. К перспективам развития болгарской стилистики автор относит изучения интернет-коммуникаций, в частности новых интернет-жанров – чат, форум, твит.

Описание словенской стилистики, представленное Бр. Тошовичем, трехчастно: в отдельных частях рассмотрены лингвистическая, литературная стилистика и поэтика. Из теоретических проблем наиболее актуальными для словенской стилистики оказываются проблемы стилистической дифференциации языка и функциональных стилей, стилистических приемов, типов стилистических исследований.

Стилистика в Черногории представлена в двух фрагментах. М. Тепавчевич написала о лингвистической стилистике, критично оценивая ее состояние, подчеркивая значимость методологических моментов и перспектив развития. А Н. Йовович охарактеризовала литературную стилистику и поэтику, подчеркнув интенсивность исследований в этой области.

Хорватская стилистики тоже представлена в двух очерках: первый (автор – Д. Столац) характеризует творческие достижения наиболее авторитетных авторов; второй, подготовленный группой авторов в составе М. Бити, Д. Марот Киш, С. Станич, содержит анализ направлений хорватской стилистике, обращая внимание на то, что они пересекаются, как обозначено в названии фрагмента. Интересно, что эти направления стилистики – дискурсивная, феминистская, когнитивная и медийная, не совпадают с набором направлений в других славянских стилистики.

Македонская стилистика рассмотрена в очерках А. Гюрковой и Л. Тантуровской, с одной стороны, и с другой – Д. Ангеловски и С. Ковилоски. В соответствии со сложившейся практикой первый очерк содержит характеристику лингвистической стилистики, а второй – литературной. Для первой отмечено внимание к фольклору и национальной литературе, в последние годы к коммуникации в интернете; вторая тесно связана с воззрениями на македонскую литературу, ее жанровый состав, мотивно-тематические комплексы, фигуры.

Наиболее детально представлена стилистика в Сербии.

Лингвистическая стилистика в этой стране рассмотрена в очерке Н. Крчица и С. Степанова, при этом охарактеризованы ее направления – общая и функциональная, генетическая и журналистская, текстовая и дискурсивная стилистики. Из критичных суждений важно отметить мысль о замкнутости сербской стилистики в национальных рамках, откуда проистекает перспектива выхода в пространство панславянской стилистики.

Литературная метастилистика и метапоэтика в Сербии анализируется в очерке Бр. Тошовича, в центре внимания оказываются вопросы художественного стиля, в том числе белградского стиля, а также аспектов поэтики – эксплицитной и имплицитной, макро- и микропоэтики, индивидуальной и автопоэтики. Подчеркивается значимость для сербской литературы переводческой практики и стремления исследователей стилистики быть в курсе мировой науки о стиле и художественном произведении.

В очерке М. Поучки представлен обзор публикаций, свидетельствующих о тенденциях развития сербской литературы и ее исследований. Обращается особое внимание на инновационные и оригинальные черты литературы, синкретизм жанров и при этом связь с национальными традициями и мифологией.

Завершается описание южнославянской стилистике опытом обобщения представленных очерков, которые автор Бр. Тошович назвал синтезом на основе анализе. В результате такого синтеза определяются основные процессы, характерные для стилистик Южной Славии: это интрадисциплинарная консолидация, терминологическая дифференциация и внутрикатегориальная детерминация. Отмечены и особые социокультурные обстоятельства, в которых развивались рассматриваемые стилистики, что не могло не повлиять на исследования и их результаты.

Итак, даже такой беглый обзор коллективной монографии, безусловно заслуживающей более детального и пристального изучения, убеждает в том, что в ней представлена панорама славянской стилистики, созданная самими исследователями. Публикация всех этих текстов в одной книге дает прекрасную возможность не только «сверить часы» стилистам разных стран, но и предпринять усилия в том направлении, которое Бр. Тошович обозначил как «интрадисциплинарная консолидация».

Кажется весьма перспективным внимательно отнестись к тому, как используется в разных славянских стилистических традициях понятие сферы коммуникации (общения). Не менее актуальным представляются отметить моменты, где речь идет о тенденциях развития стилистики, а где – о лингвистике в целом. При чтении коллективной монографии время от времени возникает ощущение, что под стилистикой имеется в виду лингвистика в целом. Понятно, что это вопрос не из простых, но его не обойти при осмыслении новейших направлений, например, медиастилистика или медиалингвистика? Или медиастилистика в рамках медиалингвистики?

Коллективная монография содержит массу интереснейшего материала и суждений, необходимых для осмысления стилистики, ее современного состояния и перспектив развития, тем более что каждый фрагмент содержит списки литературы, позволяющие углубиться в проблему. Легко прогнозировать многочисленные отклики

на книгу, дискуссии и новые обзоры. Важно при этом выразить благодарность всем авторам монографии и организаторам этого грандиозного научного предприятия, редакторам книги.

Что касается критических замечаний, обычных для рецензии, то хотелось бы обратить внимание на жанр книги. Из его обозначения – коллективная монография – наиболее убедительно выглядит определение «коллективная»: ее текст создан действительно большим коллективом лингвистов – 38 авторов под редакцией четырех специалистов из России, Польши и Австрии. Вторая часть обозначения жанра вызывает вопросы, возможно, формального характера. Избрав для обозначения частей работы обозначения «фрагмент книги» и «очерк», рецензент не мог не заметить, что разными авторами они обозначены непоследовательно: в большинстве случаев фрагменты представлены как статьи с метаданными – аннотациями и ключевыми словами, при этом и в аннотациях иногда можно прочесть «В статье...»; чешские лингвисты именуют свою часть «главой», а в заголовках некоторых фрагментов фигурирует слово «обзор», кстати, наилучшим образом характеризующее содержание публикуемых текстов.

Таким образом, жанр рецензируемой книги можно было бы обозначить как сборник обзоров состояния стилистики в славянских странах, или обзорная монография, что, кажется, не имеет прецедентов. При этом четко обозначен обзореваемый период – с 1970 по 2020 год, то есть полстолетия, что кажется солидным сроком для того, чтобы выявить основные проблемы, тенденции и результаты.

Итак, публикация рецензируемой работы означает формирование панорамы развития стилистики в славянском мире и ее современного состояния. Ее наличие важно не только для реалистического восприятия этой лингвистической дисциплины, но и для планирования новых исследований, что определит вектор ее развития в ближайшей и дальнейшей перспективе. Именно в этом видится главная ценность рецензируемого издания.

Для цитирования статьи:

Шмелева, Т. В. (2023). Панорама славянской стилистики. Рецензия на книгу: Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков: коллективная монография / под редакцией Ст. Гайды, Бр. Тошовича, Н. Клушиной, Т. Ицкович. Москва: Флинта, 2023. 465 с. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 86–97. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-86-97

For citation:

Shmeleva, T.V. (2023). Panorama of Slavic stylistics. Book review: Stylistics of Slavic countries at the turn of the 20th–21st centuries: Collective monograph / edited by Art. Guides, Br. Toshovich, N. Klushina, T. Itskovich. Moscow: Flinta, 2023. 465 p. *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 86–97. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-86-97

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

№ 5(10) 2023